

Российская Федерация
Министерство образования и науки
ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»

На правах рукописи

Пластинина Нина Анатольевна

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПОРОЖДЕНИЯ МЕТАТЕКСТА
(на материале переводческих предисловий/послесловий
к художественному тексту)

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.19 – теория языка

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор
Кушнина Людмила Вениаминовна

Нижевартовск 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАТЕКСТА В СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ	12
1.1 Современные воззрения на когнитивный подход в исследовании языка, текста, дискурса, культуры.....	13
1.1.1 Метатекст как объект лингвокогнитивного исследования	13
1.1.2 Когнитивные исследования перевода: личностно-деятельностный, культурно- ориентированный и синергетический подходы к исследованию процесса перевода...22	
1.1.3 Понятие предисловия/послесловия как жанров метатекста	42
1.1.4 Место и роль предисловий/послесловий переводчика в системе метапереводческой деятельности	47
1.2 Современные исследования паратекста (параперевода) и метатекста (метаперевода) в зарубежной и отечественной лингвистике.....	50
1.2.1 Концепция паратекста и параперевода в современной зарубежной лингвистике.....	50
1.2.2 Концепция метатекста и метапереводческой деятельности в отечественной лингвистике	61
1.3. Феномен языковой личности с позиций когнитивного подхода	
1.3.1 Теория языковой личности в когнитивном аспекте.....	68
1.3.2 Понятие языковой/речевой/коммуникативной личности	71
1.3.3 Языковая личность переводчика в ее отношении к метатексту	75
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	84
ГЛАВА 2. ВЫЯВЛЕНИЕ ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ ПОРОЖДЕНИЯ МЕТАТЕКСТА (на материале переводческого предисловия/ послесловия к художественному тексту).....	88
2.1 Общая характеристика материала исследования	88
2.2 Выявление лингвокогнитивного механизма метапереводческой деятельности.....	90

2.2.1 Исходные принципы и аспекты моделирования метадискурсивной деятельности переводчика.....	90
2.2.2 Выявление квантов смысла в метатексте.....	92
2.2.2.1 Анализ квантов смысла на примере предисловий/послесловий к поэтическим текстам	103
2.2.2.2 Анализ квантов смысла на примере предисловий/послесловий к текстам повторных переводов (перепереводов)	113
2.2.2.3 Анализ квантов смысла на примере предисловий/послесловий к прозаическим текстам	117
2.2.3 Выявление функций переводческого предисловия/послесловия в метатексте ..	127
2.3 Синергия квантов смысла и функций как лингвокогнитивный механизм порождения метатекста	133
2.4 Моделирование метадискурсивной деятельности переводчика	140
2.5 Апробация модели метадискурсивной деятельности переводчика.....	144
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	153
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	156
Приложение	187
Приложение 1.....	187
Приложение 2.....	189

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено изучению метатекста, создаваемого переводчиком на родном языке в виде переводческого предисловия/послесловия к художественному тексту, и выявлению лингвокогнитивного механизма порождения метатекста. Данное исследование выполнено в русле теории языка и является развитием метадеятельностных концепций порождения текста/дискурса в свете когнитивной парадигмы.

Современный этап развития когнитивной лингвистики характеризуется расширением объекта исследования: наряду с изучением собственно языковой деятельности ученые обратились к метаязыковой деятельности, результатом которой является метатекст. В аспекте метакогнитивных исследований, особый научный интерес представляют переводческие предисловия/послесловия, представляющие собой самостоятельный жанр метатекста и отражающие индивидуальную переводческую картину мира, познавательный, интеллектуальный, эмоциональный опыт языковой личности переводчика.

Научное освещение метатекста, порождаемого переводчиком, привело к введению новых терминов – «paratranslation» (англ.), «paratraduction» (франц.) – «параперевод», которые закрепились в зарубежной традиции, и термина «метаперевод», который вошел в употребление в отечественной лингвистике. Отсюда можно заключить, что понятие переводческого метатекста синонимично понятиям метаперевод и параперевод. Если в традиционной лингвистике текст соотносится с дискурсом, очевидно, что в метакогнитивных исследованиях понятие метатекста соотносится с метадискурсом, соответственно, переводческий метатекст соотносится с метадискурсивной деятельностью переводчика.

Необходимость изучения метатекста, представленного переводческим предисловием/послесловием к переведенному художественному тексту, диктуется недостаточной степенью изученности данного феномена в отечественной лингвистике, а также отсутствием целостной теории, объясняющей условия и механизмы порождения и функционирования переводческих

предисловий/послесловий. Таким образом, возникает потребность в обосновании метадеятельностной концепции языковой личности переводчика.

Актуальность предпринятого исследования и **степень разработанности** обусловлены следующими обстоятельствами:

1. неослабевающим интересом лингвистов к тексту во всех его проявлениях: текст как единица языка, речи, культуры (И.Р. Гальперин, Т.М. Дридзе, А.А. Залевская, М.Н. Кожина, Е.С. Кубрякова, Ю.А. Левицкий, Ю.М. Лотман, Л.Н. Мурзин, Н.К. Рябцева, З.Я. Тураева, В.Е. Чернявская, и др.); текст как единица перевода (Л.С. Бархударов, Н.К. Гарбовский, В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер, Я.И. Рецкер, А.В. Федоров и др.); художественный текст как предмет переводческого анализа (Т.А. Казакова, Е.Г. Эткинд и др.); периферийный текст как компрессированный вторичный текст (М.П. Котюрова); метатекст как интерпретация текстов оригинала и перевода (А.А. Гаврилова, Н.В. Захарова, В.Б. Кашкин и др.); паратекст как комментарий к тексту оригинала (J.Y. Frías, G. Genette, G. Lathey и др.);

2. интенсивным развитием когнитивных, деятельностных, культурно-ориентированных концепций перевода (И.С. Алексеева, Л.М. Алексеева, Н.Л. Галеева, Л.В. Кушнина, А.Г. Минченков, M. Lederer, Ch. Nord и др.);

3. обращением к исследованию дискурсивной переводческой деятельности, разработкой концепций языковой личности переводчика (Е.В. Аликина, Г.И. Богин, А.Б. Бушев, Ю.Н. Караулов, А.Н. Плехов, О.Б. Сиротинина, Л.П. Тарнаева, Т.А. Фесенко и др.);

4. изучением различных жанров метапереводческой деятельности, выступающей интеллектуальным инструментом переводчика в процессе аппроксимации текста оригинала, рецепции и ассимиляции текста перевода в принимающую лингвокультуру (I. Bilodeau, J.V. Coillie, R. Dimitriu, J.Y. Frías, G. Genette, A. Gil-Bardaji, J. Hadley, U. Kovalá, G. Lathey, A. Mizuno, B. Mossop, P. Orero, H.M. Panchon, V. Pellatt, A. Pym, S. Rovira-Esteva, Ş. Tahir Gürçağlar, W.P. Verschueren, M.L. Wardle, A. Yanabu и др.).

Актуальность проблемы обусловила тему настоящего исследования «**Лингвокогнитивные механизмы порождения метатекста (на материале переводческих предисловий/послесловий к художественному тексту)**», главной идеей которого стало обоснование значимости метапереводческой деятельности, представленной жанром переводческого предисловия и переводческого послесловия к художественному тексту, обеспечивающим аппроксимацию текста оригинала, рецепцию и ассимиляцию текста перевода коммуникантами, принадлежащими другой лингвокультуре.

Метапереводческая деятельность осуществляется в рамках метатекста, трактуемого как текст, созданный переводчиком к переведенному им тексту. Метатекст не принадлежит ни оригиналу, ни переводу и является аллографом (т. е. написан либо переводчиком, либо третьим лицом). Вместе с тем, он стремится, с одной стороны, к единению с текстом перевода, оправдывая его, с другой стороны, с авторским текстом, дополняя и объясняя его.

Объектом исследования является речемыслительная деятельность языковой личности переводчика.

Предмет исследования — метатекст, создаваемый переводчиком в виде переводческого предисловия/послесловия к переводному художественному тексту.

Цель диссертационной работы заключается в выявлении и моделировании лингвокогнитивного механизма порождения метатекста, создаваемого переводчиком.

Реализация данной цели достигается путем решения следующих исследовательских **задач**:

1. проанализировать существующие точки зрения на проблему метатекста, обобщить опыт российских и зарубежных ученых в области изучения метаязыковой, метатекстовой, метадискурсивной деятельности языковой личности;
2. определить содержание понятий: *текст, метатекст, паратекст, периферийный текст, метаперевод, паранеперевод, дискурс, метадискурс* в современных лингвокогнитивных исследованиях;

3. обозначить роль культууроформирующей функции перевода, уточнить значимость концепции переводческого пространства и ее ключевых категорий гармонии и синергии; обосновать роль категории метапереводческого пространства;

4. изучить теорию языковой личности переводчика (*«точка зрения» переводчика, духовность, хронотон, ноохронотон, элитарная языковая личность переводчика*);

5. выявить семантические и функциональные параметры (кванты смысла и функции) переводческого предисловия/послесловия к художественному тексту;

6. разработать лингвокогнитивную модель порождения и функционирования метатекста;

7. осуществить апробацию модели метапереводческой деятельности в процессе аппроксимации текста оригинала, рецепции и ассимиляции текста перевода принимающей лингвокультурой.

В основу данного исследования положена следующая **гипотеза**. Обширное поле метапереводческой деятельности включает в себя, среди прочих, создание метатекста в виде переводческого предисловия/послесловия к художественному тексту, лингвокогнитивным механизмом которого выступает «символическая ценность» как результат синергетического взаимодействия квантов смысла и функций, что обеспечивает успешную аппроксимацию текста оригинала, гармоничную рецепцию и ассимиляцию текста перевода в принимающей культуре и выступает лингвокогнитивным механизмом порождения метатекста; реальная ценность перевода определяется посредством читательской рефлексии.

Материалом исследования являются метатексты – переводческие предисловия и послесловия на русском языке к переводным художественным произведениям классической и современной англоязычной литературы, отобранные методом сплошной выборки из журнала «Иностранная литература» в период с 1990 по 2015 гг., общий объем которых составил 234 метатекста. Исследованные метатексты включают в себя, во-первых, предисловия и послесловия переводчиков к

поэтическим и прозаическим текстам; во-вторых, вводные и заключительные статьи переводчиков к тематическим рубрикам, в-третьих, предисловия и послесловия переводчиков к повторным переводам художественных текстов.

Теоретической основой и методологической базой диссертационного исследования послужили результаты, идеи, концепции отечественных и зарубежных исследователей в области:

– теории текста, метатекста, периферийного текста, теории дискурса, метадискурсивной деятельности: Л.С. Бархударова, М.М. Бахтина, Г.Г. Гадамера, И.Р. Гальперина, Н.К. Гарбовского, В. Дресслера, Т.М. Дридзе, А.А. Залевской, Т.А. Казаковой, М.Н. Кожинной, В.Н. Комиссарова, М.П. Котюровой, Е.С. Кубряковой, Ю.А. Левицкого, Ю.М. Лотмана, Н.В. Лукиной, Н.Д. Маровой, А.Э. Мильчина, Л.Н. Мурзина, Я.И. Рецкера, Н.К. Рябцевой, Ю.С. Степанова, В.Н. Топорова, З.Я. Тураевой, А.В. Федорова, Г.Г. Хазагеров, В.Е. Чернявской, А.Д. Швейцера, J.Y. Frías, G. Genette, G. Lathey, Ş. Tahir Gürçağlar и др.;

– культурно-ориентированных и деятельностных концепций перевода: И.С. Алексеевой, Л.М. Алексеевой, В.Н. Базылева, Г.И. Богина, В.С. Виноградова, Н.Л. Галеевой, А.Н. Гиривенко, И.Э. Клюканова, Л.В. Кушниковой, З.Д. Львовской, А.Г. Минченкова, А.Д. Швейцера, J. Delisle, A. Lefevre, M. Lederer, Ch. Nord, A. Yanabu и др.;

– метапереводческой и парапереводческой деятельности: М.Ю. Авдониной, О.А. Бурукиной, Л.Г. Викуловой, А.А. Гаврилова, Ю.В. Гарусовой, Н.И. Жабо, Н.В. Захаровой, В.Н. Карпухиной, В.Б. Кашкина, Т.Г. Пшенкиной, I. Bilodeau, J.V. Coillie, R. Dimitriu, J.Y. Frías, G. Genette, A. Gil-Bardaji, J. Hadley, U. Koval, G. Lathey, A. Mizuno, B. Mossop, P. Orero, H.M. Panchon, V. Pellatt, A. Pym, S. Rovira-Esteva Ş. Tahir Gürçağlar, L. Venuti, W.P. Verschueren, M.L. Wardle, A. Yanabu и др.;

– теории языковой личности переводчика: Е.В. Аликиной, Г.И. Богина, А.Б. Бушева, Ю.Н. Караулова, В.И. Карасика, И.Э. Клюканова, А.А. Леонтьева, В.А. Масловой, А.Н. Плехова, Т.В. Романовой, М.С. Силантьевой,

О.Б. Сиротининой, Ю.А. Сорокина, Л.П. Тарнаевой, П.М. Топера, Т.А. Фесенко и др.;

– лингвистического моделирования: Ю.Д. Апресяна, А.А. Залевской, В. Ингве, А.А. Леонтьева, А.Ф. Лосева, И.И. Ревзина, В.Д. Табанаковой, Н. Хомского и Ч.Ф. Хоккета.

Многоаспектное изучение проблемы обусловило выбор следующих **методов** исследования: *общенаучные* методы (обобщение, классификация, индуктивный, дедуктивный, описательный, метод сплошной выборки) и *специальные* (дефиниционный анализ, дискурсивный анализ, сопоставление и дифференциация исследуемого материала, концептуальный анализ, интерпретационный метод, лингвокогнитивное моделирование). На отдельных этапах настоящего исследования были использованы методы теоретического и эмпирического исследования, а также методы метатеоретического уровня.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринимается комплексное исследование метапереводческой деятельности путем изучения функционально-семантических свойств переводческого предисловия /послесловия, что расширяет исследовательское поле собственно переводческой деятельности путем размышлений о результатах этой деятельности в виде метатекста, предназначенного для русскоязычных читателей переводного англоязычного художественного текста. Выполненное исследование дает возможность ввести новые критерии и показатели оценки переводческого метатекста, представленные в виде шкалы ценности метатекста, которая выражается в его функционально-семантических параметрах и измеряется символической ценностью перевода.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в дальнейшей разработке проблемы метатекста как продукта метадискурсивной деятельности переводчика в рамках лингвокультурологического и ментально-деятельностного направлений современной когнитивной лингвистики. Предложенная в работе лингвокогнитивная модель символической ценности созданного переводчиком метатекста может служить теоретической базой для исследования других видов и жанров метатекста на материале других языков. Результаты метакогнитивного

исследования позволяют показать континуум взаимоотношений, возникающих между автором оригинала и переводчиком, который берет на себя функции автора переводческого метатекста, что открывает новые горизонты исследований в сфере метакогнитивной деятельности языковой личности переводчика.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения полученных результатов в университетских курсах общего и прикладного языкознания, теории текста, теории дискурса, в спецкурсах по теории языковой личности, по метапереводческой деятельности. Результаты исследования могут быть использованы при обучении написанию переводческого метатекста студентов филологических специальностей.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Антропоцентризм современного когнитивного языкознания, при котором изучение языковых процессов осуществляется сквозь призму восприятия мира языковой личностью, позволяет приступить к разработке метадеятельностных концепций порождения текста/дискурса, среди которых особое место занимает исследование переводческого предисловия/послесловия, выступающего самостоятельным жанром метатекста/метадискурса.

2. Процесс создания языковой личностью метатекста в виде переводческого предисловия/послесловия, интегрированного в метадискурсивную деятельность, может быть изучен при условии выявления квантов смысла и функций переводческого метатекста.

3. В качестве квантов смысла переводческого предисловия/послесловия выступают следующие семантические параметры: аттракторы текста оригинала, признание автора, контекстуализация, реконтекстуализация, оправдание перевода, апеллирование к читателю, рекомендации к прочтению, переводческий комментарий.

4. Функциональными параметрами переводческого предисловия/послесловия являются: функция комментирования произведения, функция авторской интенциональности, функция освещения эпохи автора, функция

валоризации текста перевода, экспликативная функция, функция речевого воздействия, интродуктивная функция, функция актуализации переводческой деятельности.

5. Лингвокогнитивным механизмом порождения переводческого метатекста является символическая ценность перевода, порождаемая в результате синергетического взаимодействия квантов смысла и функций метатекста, что обуславливает успешную аппроксимацию текста оригинала, гармоничную рецепцию и ассимиляцию текста перевода принимающей лингвокультурой. Реальная ценность перевода создается рефлексией реципиента, которому он предназначен.

Степень личного участия. Автор лично участвовал в сборе, обработке и анализе теоретического и эмпирического материала. Написаны и опубликованы 12 статей по теме исследования, шесть из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на международных научных конференциях:

- II Международной научной конференции «Экология языка на перекрестке наук». (Тюмень, 17-21 ноября 2011 г.);
- VI Международной научной конференции «Индустрия перевода» (Пермь, 2–4 июня 2014 г.);
- VIII Международной научной конференции «Индустрия перевода» (Пермь, 6–8 июня 2016 г.)
- II Международной научно-практической конференции «Литературоведение и языкознание: современные трансформации и традиции» (Москва, 18 сентября 2017 г.).

Объем и структура работы. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и двух приложений. Библиографический список включает 274 наименования на русском, английском, французском и немецком языках.

ГЛАВА 1. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАТЕКСТА В СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

В задачи главы входит установление общенаучных предпосылок исследования метатекстовой/ метадискурсивной деятельности языковой личности переводчика и других субъектов переводческой коммуникации. С момента утверждения антропоцентрической парадигмы в гуманитарных науках, феномен языковой личности переводчика активно исследуется отечественными учеными. В то же время в зарубежной лингвистике внимание акцентируется на роли переводчика как субъекта межличностной, межкультурной, межкультурной коммуникации. Если процесс перевода анализируется в рамках когнитивной, дискурсивной, деятельностной, культурно-ориентированной, синергетической парадигм, где существенное внимание уделяется исследованию языковой личности переводчика, то процесс метапереводческой, метадискурсивной деятельности до сих пор не получил должного освещения в трудах российских исследователей. Следует подчеркнуть, что сама метапереводческая деятельность, представленная различными жанрами, о которых речь пойдет ниже, существует почти столько же времени, как и собственно перевод. Но ее изучение началось относительно недавно. Приставка «мета» в терминах «метаперевод», «метатекст» означает «взгляд со стороны», т.е. текст о тексте, текст о переводе, что обусловило существование данной проблемы на периферии научных исследований.

В настоящее время, когда объемы переводной литературы многократно превосходят тексты, созданные на родном языке, наступил момент, когда «текст о переводе» представляется не менее важным, чем сам перевод. В главе рассматривается выявление закономерностей метапереводческой деятельности.

1.1 Современные воззрения на когнитивный подход в исследовании языка, текста, дискурса, культуры

1.1.1 Метатекст как объект лингвокогнитивного исследования

Активная роль человека в формировании языкового представления действительности, постулируемая в результате осмысления принципа антропоцентризма в современном языкознании, привела к всплеску когнитивных исследований языка, текста, дискурса, культуры, что изменило традиционную систему взглядов лингвистов. Стоявший у истоков отечественной когнитивной лингвистики Н.Н.Болдырев так определил главный методологический принцип когнитивного подхода: «... человек не отражает мир в языке, а конструирует его с помощью языка в своем сознании» [Болдырев 2016:10]. Из этого утверждения следует, что «...единственно надежный доступ к сознанию обеспечивает только язык... язык является одной из самых важных составляющих инфраструктуры мозга, человеческого разума. Язык – это центр всей когнитивной деятельности. В нем находят выражение все когнитивные процессы и способности» [Болдырев, 2014: 22–23].

Когнитивный подход к тексту анализируется учеными, исходя из многомерности текста, обусловленной сложностью познавательной деятельности человека. Как отмечает Л.С. Тихомирова, «Если бы существовали жесткие механизмы текстообразования, все структуры научных произведений можно было бы перечислить» [Тихомирова 2013:46]

Существующие в настоящее время концепции дискурса не только свидетельствуют об укрупнении объекта лингвистического анализа по сравнению с текстом, но подчеркивают его когнитивно-ориентированный характер, обусловленный функционированием ментальных процедур получения, обработки и хранения человеческого знания. Как пишет В.Е.Чернявская, «...дискурс может анализироваться как языковое выражение (языковой коррелят) определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом

использование языка, за которым стоит социально, идеологически и исторически обусловленная ментальность» [Чернявская 2014:140].

Как видим, для современной лингвистики изучение языка на всех его уровнях с когнитивной точки зрения является ведущим направлением анализа. В связи с этим, отправным моментом и главным ориентиром при изучении переводческого метатекста в рамках метадискурсивной деятельности для нашего исследования является когнитивный подход.

Итак, непосредственным предметом анализа в исследовании является переводческий метатекст, представленный переводческим предисловием/ послесловием к переведенному художественному тексту, в связи с чем необходимо остановиться на понятии «текст» в трактовке отечественных ученых. Особое значение в рамках работы имеет понятие периферийного текста, к которому относится изучаемый нами жанр переводческого предисловия/послесловия. Как показал анализ литературы, понятия «текст», «периферийный текст» разрабатывались учеными Пермской школы функциональной стилистики, в связи с этим обратимся к результатам их исследований.

Стройная концепция текста представлена в работах М.Н. Кожиной [Кожина, 1996]. Ученый исходит из положения о том, что существуют три основных понимания термина «текст»:

«1) текст как высший уровень языковой системы (собственно узко лингвистический аспект), когда текст (высказывание) рассматривается как единица языка;

2) текст как своего рода область приложения, функционирования языка, его использование в речи, выступающее в виде линейно-темпоральной последовательности высказываний, т.е. как единица речи;

3) текст как единица общения, обладающая относительной смысловой завершенностью, предназначенная для передачи целей и интенций (замысла) в процессе общения коммуникантов, т.е. обмена текстами» [Кожина, 1996: 44–45].

В своих рассуждениях ученый приходит к необходимости выделения не только понятия «текст», но и понятия «целый текст», обладающего качественно

своеобразными чертами, что представляется существенным не только для стилистики текста, но и для перевода текста. Исследователь подчеркивает, что только целый текст способен полностью выразить заложенный автором смысл, «выходящий за сумму значений составляющих его языковых единиц» [Там же, с. 59]. Эта смысловая «прибавка», поясняет ученый, детерминирована не законами языковой системы, а экстралингвистически: «Именно поэтому целый текст (произведение) перестает быть чисто лингвистическим феноменом (не теряя, однако, связей с языковой системой), перерастая в нечто большее и более сложное, в частности, в явление культуры» [Там же]. М.Н. Кожина приходит к выводу о том, что для понимания текста недостаточно только языковых знаний, смысл целого текста может быть понят с позиций целого произведения с учетом социокультурного контекста. Специфика целого текста состоит в том, что он реализует языковые значения, он наделяет их индивидуальным смыслом интерпретатора. Смыслы творятся по законам языка, но в зависимости от когнитивного, коммуникативного, социокультурного контекста. Данные рассуждения ученого предвосхитили современную концепцию дискурса. Как утверждает В.Е. Чернявская, нельзя говорить о полной совместимости функциональной стилистики и лингвистики дискурса, при этом «общим является методологический принцип, лежащий в основе функционально-стилистического и дискурсивно ориентированного подходов, а именно, анализ языковой специфики в ее экстраязыковой детерминированности ...» [Чернявская, 2014: 117].

В современной научной парадигме ученые выделяют всеобщие признаки текста, типологические признаки текста и индивидуальные характеристики текстовых произведений. В качестве всеобщих признаков текста исследователи ссылаются на критерии текстуальности, предложенные В. Дресслером и Р.-А. Бограндом: когезия, когерентность, интенциональность, адресованность, информативность, ситуативность, интертекстуальность [Beaugrande, Dressler, 1981]. Примером текста, обладающего типологическими признаками, является гипертекст как компьютерно организованный, нелинейный разветвляющийся текст. Индивидуальные текстовые произведения представлены, например,

текстами художественных произведений, а также научные тексты, для которых характерен определенный идиостиль писателя или ученого. В нашем исследовании предметом анализа является метатекст переводческого предисловия/послесловия, в котором мы намерены систематизировать характерные черты данного типа текста, т.е. нас интересуют типологические признаки текста. Специалисты в области метатекста характеризуют его разновидности как жанры. Как поясняет В.Е. Чернявская, термин «жанр» закреплен за описанием поэтических текстов в немецкоязычной традиции, а все остальные тексты рассматриваются как типы. В.Б. Кашкин пишет: «Жанры метаперевода следующие: вступительная статья к переводам (предисловия), заключительная статья к переводам (послесловия), сноски и внутритекстовые примечания, послетекстовые примечания переводчика, примечания редактора, критические статьи, пародии, воспоминания переводчиков, художественная литература или фильмы, в которых упоминается перевод, размышления о переводе в прессе, блогосфера и т.п.» [Кашкин, 2009: 233]. Вслед за В.Б. Кашкиным, в диссертации используются термин «жанр метаперевода», при этом исследуемые переводческие предисловия/послесловия рассматриваются как единый жанр, т.к. их типологические признаки совпадают.

Следовательно, что с позиций современной когнитивной парадигмы текст в диссертации трактуется как «результат ментальных процедур по получению, обработке, репрезентации и хранения человеческого знания» [Чернявская, 2014: 14]. Данное определение релевантно не только в рамках когнитивной лингвистики текста, но и когнитивной теории перевода.

Современные концепции перевода обращаются к целому тексту как исходному, так и переводному, рассматривая текст как явление культуры, а процесс перевода как «новую жизнь текста» в иной культурной среде. В связи с этим задача переводчика состоит в поиске способов лингвокультурной адаптации текста. Одним из таких способов является метапереводческая деятельность, расширяющая интерпретационные возможности переводчика.

Исследование текста как в лингвистическом, так и в переводческом аспектах тесным образом связано с исследованием его смысловой структуры. В связи с этим необходимо разграничение значения и смысла. Как известно, значение соотносится с системой языка, т.к. оно представляет собой готовое образование, зафиксированное в словарях. В то время как смысл, который передается не только языковыми, но и неязыковыми средствами, формируется в тексте, в связи с чем он связан с текстом и с речью. Как поясняет М.Н. Кожина, смысл возникает в интеллекте человека как та информация, которая извлекается из текста и как результат понимания этого текста: «...смысл понимается как информация, как новое знание, возникающее в процессе восприятия и понимания текста в интеллекте человека в момент осознания отношения между значениями сочетающихся элементов, что позволяет воспринимать это сочетание как предметно-целое, однако смысл существует не только при восприятии и понимании текста, т.е. в интеллекте реципиента, он «закладывается» в текст автором как мыслительное содержание, как воплощение его замысла» [Кожина, 2006: 77].

В целом смысл трактуется М.Н. Кожиной как знание, возникающее в момент осознания текста с учетом предшествующего опыта коммуникантов, а семантическая сфера текста как область взаимодействия языковых и неязыковых явлений, единство объективного и субъективного (предполагающее творческую активность субъекта).

Исследование смысловой структуры текста представляется необходимым в связи с обращением к определенному типу текста, который является предметом исследовательского интереса в диссертации.

Специфика поставленных задач обусловила обращение к проблеме периферийного научного текста, принципы анализа которого были выработаны М.П. Котюровой [Котюрова, 1996.]. Автор приходит к выводу, что научное произведение, например монография, содержит основной и ряд периферийных текстов. Их тематическое единство и общая экстралингвистическая основа обеспечивают целостность, а основное различие заключается в степени

развернутости знания. В своих дальнейших работах ученый развивает и дополняет трактовку периферийного научного текста. Исследователь следующим образом разграничивает основной и периферийный тексты: «Основным считаем текст, смысл которого формируется качественно определенной сущностью – научным знанием в развитии, раскрытым и выраженным в наиболее полной форме. К периферийным текстам целого научного произведения можно отнести заглавие, оглавление, предисловие, введение, послесловие, заключение, выводы, аннотацию. Они представляют собой относительно самостоятельные тексты, выражающие содержание текста обобщенно» [Там же, с. 345].

Автор концепции подчеркивает, что, несмотря на избыточность периферийных текстов с точки зрения выражения научного знания, они необходимы в коммуникативном отношении в связи с усложнением коммуникации в науке: «Периферийные тексты удовлетворяют потребности научного социума, формирующиеся в современных условиях» [Там же, с. 346].

Фундаментальное разграничение основного и периферийного текстов проводится М.П. Котюровой и Е.А. Баженовой в их коллективном труде «Культура научной речи: текст и его редактирование» [Котюрова, Баженова, 2007]. Данная проблема изучается в связи с описанием архитектоники монографии. «Основной текст, смысл которого формируется научным знанием в развитии, раскрытым и выраженным в наиболее полной форме. Именно основной текст призван выполнять познавательную-коммуникативную функцию во всей ее полноте и глубине, т.е. адекватно значимости излагаемого знания. К периферийным текстам целого научного произведения относятся заглавие, оглавление, предисловие, введение, послесловие, заключение, выводы, аннотации. Они представляют собой относительно самостоятельные тексты, выражающие содержание основного текста обобщенно. При этом познавательная-коммуникативная функция целого произведения предстает вариативно...» [Там же, с. 231].

Авторы акцентируют внимание на качественном своеобразии периферийных текстов, что находит отражение именно в вариативности. Они также

подчеркивают, что их избыточность в эпистемическом отношении компенсируется необходимостью в коммуникативном отношении, что мы признаем чрезвычайно важным при обращении к переводческому аспекту, где коммуникативная значимость превалирует.

Периферийные тексты группируются по трем видам:

- 1) заглавия;
- 2) аннотации;
- 3) предтексты и послетексты.

В свете проблематики диссертации наиболее важными представляются такие виды периферийных текстов как предтекст и послетекст. «В предтекстах (предисловие, вступительная статья, введение) читателю дается общее представление о знании, излагаемом в основном тексте, формируется эпистемический контекст, посредством которого осуществляется связь с общим фондом знания, в послетекстах (выводы, заключение послесловие) ретроспективно представлено новое знание, прогнозируется его дальнейшее развитие, раскрываются возможности использования и т.д., актуализируются отдельные компоненты эпистемической ситуации в онтологическом, аксиологическом и методологическом отношении» [Котюрова, 1996: 346].

Важно подчеркнуть, что в периферийных текстах сохраняется и передается смысловая структура основного текста, при этом «в отличие от основного, в периферийных текстах научное знание выражается в наиболее обобщенной форме с акцентом на его статичности, в отвлечении от его динамической природы» [Котюрова, Баженова, 2007: 238].

Здесь необходимо пояснить, что понимается под эпистемической ситуацией (ЭС). В более поздних работах ученый сформулировал свое понимание эпистемической ситуации. В самом широком смысле эпистемическая ситуация понимается как «экстралингвистическая основа научного текста» [Котюрова, 2010: 48].

Онтологический компонент ЭС связан с предметным содержанием знания, с научным осмыслением реального мира. Методологический компонент связан со

способами получения знания, а также его репрезентации в виде понятий, категорий, идей. Аксиологический компонент соотносится с оценочной природой познания. Рефлексивный компонент связан с личностным характером познавательной деятельности.

В совместной работе М.П. Котюровой и Е.А. Баженовой подчеркивается роль текста, в рамках которого происходит преобразование эпистемической ситуации: «Именно в тексте осуществляется преобразование всех компонентов эпистемической ситуации в смысловую структуру, объективированную средствами языка» [Котюрова, Баженова, 2007: 50]. Ученые обращают внимание на то, что смысловая структура текста не сводится лишь к совокупности составляющих его грамматических единиц, а определяется экстралингвистическим контекстом.

Данное положение является, на наш взгляд, исключительно важным в переводческой деятельности, ориентированной на понимание смысловой структуры исходного текста и ее выражение, средствами другого языка, в тексте перевода. В этом видится значимость изучения эпистемической ситуации, лежащей в основе любого текста. Создавая переводческое предисловие, переводчик изучает эпистемическую ситуацию основного текста и формирует эпистемическую ситуацию нового текста, компоненты которой по-разному соотносятся с исходной, что определяется типологией самого текста. Как показали наши наблюдения, при создании переводческого метатекста к художественному тексту, его онтологический компонент соотносится с исходной ЭС, а методологический, аксиологический и рефлексивный компоненты отличаются от нее.

Возвращаемся к характеристике периферийных научных текстов. Как утверждает автор концепции, периферийные тексты призваны передать стратегию научного поиска в определенной области знания. Обобщая характер эпистемической ситуации, эксплицируемой в периферийных текстах, автор приходит к следующему выводу:

1) их нетождественность с основным текстом, хотя в онтологическом аспекте они имеют одно и то же содержание;

2) их взаимосвязь, обусловленную деятельностной природой знания;

3) их глобализирующая функция, проявляющаяся в пределах текста целого произведения [Котюрова, 1996: 353].

Рассмотрев периферийные научные тексты, акцентируя внимание на таких разновидностях как предтекст и послетекст, можно сделать вывод о том, что предтекст выражен такими периферийными текстами как: «от переводчика», предисловие переводчика и др. Послетекст может быть представлен следующими типами периферийных текстов: примечания переводчика, комментарии переводчика, сноски переводчика, ссылки переводчика и др. Заметим, что мы не изучаем научный текст, но та концепция периферийного научного текста, которая была разработана М.П. Котюровой, обладает широкой объяснительной силой, и может быть использована при анализе любого типа периферийного текста, включая предисловие и послесловие к переводному художественному произведению, что является непосредственным предметом нашего научного интереса.

Следуя логике развития понятия периферийного текста, метатекст рассматривается как особая разновидность периферийного текста, описывающего определенную эпистемическую ситуацию. Если периферийный текст изучается в совокупности с основным текстом, то метатекст изучается в комплексе с исходным текстом оригинала и производным текстом перевода, образуя с ними единый пространственно-временной континуум, который можно обозначить как околорепродукционное пространство. Специфике репродукционного метатекста/ метаперевода (в терминах российских ученых) и паратекста/параперевода (в терминах зарубежных ученых) будут посвящены следующие параграфы. Понятия метатекста и метаперевода, соответственно, понятия паратекста и параперевода рассматриваются как синонимичные, т.к. речь идет об одном и том же феномене. Текст репродукционного предисловия является, с одной стороны, результатом текстообразования, т.е. метатекстом, с другой стороны, результатом

текстообразующей и дискурсообразующей деятельности переводчика, т.е. метапереводом. Переводчик не напишет ни предисловия, ни послесловия, если предварительно он не выполнил собственно перевод этого текста.

1.1.2 Когнитивные исследования перевода: личностно-деятельностный, культурно-ориентированный и синергетический подходы к исследованию процесса перевода

Когнитивная парадигма исследований языка послужила мощным импульсом становления и развития когнитивного переводоведения, объектом исследования которого является когнитивная деятельность переводчика как мыслящего субъекта коммуникации, творческой языковой личности, обладающей гармоничным переводческим мировоззрением. Среди основных направлений когнитивного переводоведения выделим личностно-деятельностный, культурно-ориентированный, синергетический подходы, которые легли в основу проводимого исследования. Подчеркнем, что выбор определенной исследовательской парадигмы продиктован, главным образом, тем, что мы акцентируем внимание на деятельности языковой личности переводчика, обращенной не к собственно переводу, а к метапереводу как процессу создания метатекста в виде предисловий или послесловий к переведенному им художественному тексту. В связи с этим считаем необходимым провести обзор данных направлений.

Обращаясь к проблеме художественного перевода, остановимся на формулировке исследовательской задачи, которую впервые поставили перед собой немецкие романтики К.В.Ф. фон Шлегель и Ф.Э.Д. Шлейермахер более двух столетий назад: средствами художественного перевода сделать доступным для образованных людей шедевры поэзии всех времен и народов. Как пишет исследователь романтического перевода А.Н. Гиривенко [Гиривенко, 2002], эту же цель видели перед собой русские переводчики. В настоящее время динамика литературных взаимосвязей настолько широка и разнообразна, что невозможно

представить ни одну национальную литературу без произведений, отражающих инонациональный литературный опыт.

Современная научная парадигма перевода отличается богатством и разнообразием подходов, и каждый исследователь выбирает тот подход, который в наибольшей степени отражает проблематику исследования. В связи с тем, что в центре нашего исследовательского интереса – метадискурсивная деятельность переводчика, наибольший интерес представляют деятельностные концепции перевода, ярким представителем которых в отечественной науке является деятельностная онтология перевода Н.Л. Галеевой. Сущность ее концепции сводится к трансляции духовных ценностей в принимающую культуру. Духовные ценности, представленные в художественном произведении, определяют степень его художественности, трансляция последней, по мнению ученого, возможна лишь при непосредственном освоении текста оригинала. Как следствие происходит смещение переводческих приоритетов с текста перевода на освоение текста оригинала, его духовного пространства и пространства понимания. Текст оригинала, таким образом, становится непосредственным объектом переводческой деятельности. При этом его понимание организует и определяет дальнейшую деятельность переводчика [Галеева, 1999:13]. По мнению ученого, достоверными будут интерпретация и понимание, которые раскрывают наибольшее количество граней понимаемого, что приводит к наиболее полному видению объекта [Галеева, 1994: 121-125]. Достоверность понимания текста, его интерпретации ученый определяет готовностью реципиента усматривать разные грани понимания (а не только значения текста в качестве его плоскостной проекции) и количеством смысловых граней, усматриваемых в тексте [Там же].

По утверждению Г.И. Богина, лингвистические труды которого были положены в основу деятельностной концепции Н.Л. Галеевой, понимание текста идет согласно «схеме мыследеятельности» и схематически структурировано [Богин, 1998: 4]. Ученый утверждает, что понимание без схемы и рациональных категоризаций есть дефектное понимание или непонимание, при этом схемы строятся в процессе деятельности и являются динамичными. Исследователь

полагает, что применительно к художественному тексту понимание проходит три ступени: семантизирующее понимание, когнитивное понимание, и распредмечивающее или смысловое понимание. Распредмечивание означает трансляцию смыслов текста в состав смыслов реципиента за счет интерпретации текста [Богин, 1996: 9.]. Такой подход позволяет рассматривать перевод в виде определенных мыслительных стратегий, осуществляемых переводчиком и направленных на выявление авторской интенции исследуемого явления.

Как было отмечено выше, особое значение в работе придается деятельностным стратегиям перевода, в связи с чем необходимо остановиться на воззрениях современных ученых, раскрывающих деятельностную концепцию перевода. К их числу принадлежит научное наследие З.Д. Львовской. Как отмечает ученый в своем фундаментальном труде «Современные проблемы перевода», «одна из самых важных проблем, которую всегда ставит перед собой теория перевода, заключается в научном объяснении природы и взаимодействия многочисленных факторов, которые влияют на стратегию и выбор, осуществляемый субъектом двуязычной эквивалентной деятельности» [Львовская, 2007: 101]. Ученый подчеркивает, что в деятельности переводчика взаимосвязаны как объективные факторы, т.е. социально обусловленные, так и субъективные, т.е. творческие. З.Д. Львовская вычленяет другие группы факторов, определяя их как культурно-когнитивные. Они, в свою очередь, взаимодействуют с ситуационными факторами, обеспечивающими акт коммуникации. При этом деятельность переводчика самодетерминирована. Как поясняет ученый, самодетерминация переводчика заключается в том, что он сам определяет степень релевантности фактора при выборе того или иного переводческого решения.

Вторым по значимости направлением проводимого исследования является культурно-ориентированный подход к переводу, согласно которому переводческие приоритеты ассоциируются с приоритетами принимающей культуры. Данное направление исследований представим ниже.

Начиная с работ А.Д. Швейцера, в 1970-е годы прошлого века, исследователи в области теории перевода подчеркивают значимость изучения двух культур для понимания сущности процесса перевода [Швейцер, 1988].

Основатель отечественного переводоведения А.В. Федоров рассматривал перевод с широких филологических позиций, с разных пересекающихся точек зрения, уделяя особое внимание взаимодействию лингвистических, литературоведческих и культурно-эстетических факторов. Исследователь творчества А.В. Федорова, А.В. Ачкасов в предисловии к работе «О художественном переводе» отмечает: «В научно-переводческой концепции А.В. Федорова... четко очерчены важнейшие с его точки зрения факторы перевода: необходимость и обусловленность выбора (отбора) языковых средств и форм; соблюдения равновесия национальных особенностей языков и культур при переводе» [Федоров, 2006: 7]. Сам А.В. Федоров пишет: «...несмотря на все эти трудности и неустранимые совершенства, перевод существует. Более того, он — необходимость. Он выполняет большую художественную и культурную роль» [Там же, с. 20].

Культурологическая концепция перевода активно развивается в российской науке. Так И.Э. Клюканов подчеркивает, что «текст перевода является репрезентантом оригинала в условиях другого языка и другой культуры, поэтому перевод не столько выступает проявлением культуры, сколько являет культуру». [Клюканов, 1988: 19]

В исследованиях Л.В. Кушнина, развивающих синергетическое направление исследования процесса перевода и деятельности переводящей личности, перевод трактуется как «межъязыковой и межкультурный процесс транспонирования смысла, протекающий в континууме переводческого пространства: культура-язык — текст-дискурс — субъект (адресант) — субъект (переводчик) — субъект (адресант) — дискурс — текст — культура» [Кушнина, 2014: 7]. Очевидно, что сущность понимания перевода исследователем неразрывно связана с культурой: деятельность всех субъектов переводческой коммуникации совершается в едином культурном пространстве, где перевод

выступает неотъемлемой частью культуры народа, с одной стороны, будучи порождением культуры, с другой стороны, являясь средством ее развития и обогащения. В связи с этим автором сформулирована основная цель новой дисциплины «Синергетика перевода»: «обоснование закономерностей перевода как сложной синергетической системы транспонирования смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую, что способствует объединению и взаимообогащению материальных и духовных феноменов, принадлежащих различным этническим сообществам» [Там же, с. 10]. Таким образом, в концепции Л.В. Кушниной наглядно проявляются черты культурно-ориентированных концепций перевода. Подробнее исследования этого автора будут рассмотрены в следующем параграфе.

В западноевропейской научной традиции одним из основателей лингвокультурологического подхода к переводу является А. Лефевр, который выделяет два направления переводческой деятельности: собственно-языковую деятельность, представляющую собой простой обмен означаемыми языкового знака и деятельность, характеризующую перевод как процесс переноса культурных ценностей из одной культуры в другую [Lefevere, 1995].

В современном переводоведческом дискурсе важную роль играет скопос-теория, одним из представителей которой является К. Норд. Как утверждает ученый, цель перевода, т.е. скопос, определяется принимающей культурой [Nord, 2005].

Современный канадский ученый Ж. Делиль сформулировал восемь функций перевода: перевод как источник вдохновения, перевод как школа стиля, трансгрессивный перевод, паллиативный перевод, перевод как культуроформирующий, культуросозидающий фактор, перевод-барометр, идентифицирующий перевод и перевод как фактор переноса литературных жанров. Наиболее значимой представляется функция перевода как культурообразующего фактора. Ученый констатирует, что перевод является не просто диалогом культур, но он формирует культуры. В своей статье ученый подчеркивает, что процесс становления европейских наций в XIX веке явился

результатом становления национальной идентичности через перевод. Также следует обратить внимание на идентифицирующую функцию перевода, о которой пишет Ж. Делиль. Ученый отмечает, что ценности и идеи, свойственные одной культуре, переплетаются с ценностями и идеями другой культуры, т.е. политические, социальные, исторические традиции общества находят отражение в текстах переводов [Delisle, 2014].

Предваряя обсуждение специфических проблем перевода художественного текста, поясним наше понимание процесса перевода, основанное на результатах исследований франкоязычных ученых Д. Селескович, М. Ледерер, Т.И. Бодровой-Гоженмос и др., которые описывают процесс перевода с точки зрения интерпретативной теории, разработанной М. Ледерер [Бодрова-Гоженмос, 2002; Ледерер, 1980; Селескович, 1987].

В своей работе Т.И. Бодрова-Гоженмос следующим образом описывает этапы перевода в понимании М. Ледерер:

- понимание смысла, возникающего в результате синтеза актуализированных в речи языковых значений и когнитивных дополнений, относящихся к этому тексту;
- девербализация, в процессе которой переводчик отделяет языковую форму от содержания, абстрагируясь от языковых единиц и сохраняя в памяти лишь смысл, который «удерживается» без языковой опоры;
- ревербализация или выражение этого смысла средствами другого языка» [Бодрова-Гоженмос 2002: 16-17].

На этапе понимания как основном этапе процесса перевода, происходят процессы, аналогичные общению на родном языке, когда говорящие не обращают внимания на значения слов, но на их смысл. Знание лексических значений отдельных слов не обеспечивает понимания, если отсутствуют соответствующие экстралингвистические знания, что обозначено в концепции как необходимые когнитивные дополнения. Девербализация сопровождает процесс понимания, она необходима для отвлечения от вербальных форм исходного языка и поиска

вербальных форм в языке перевода, которые передают ту же мысль, т.к. точные словарные соответствия могут вызвать ненужные ассоциации, что приведет к непониманию. Ревербализация, или воспроизведение, является своего рода перевыражением выделенного смысла средствами языка перевода, независимо от того, какими лексическими средствами была выражена исходная мысль в исходном языке.

В некоторых ситуациях перевода этап девербализации может отсутствовать, поэтому имеет место процесс перекодирования, т.е. поиск соответствий.

Изучению проблем художественного перевода посвящены работы Т.А. Казаковой. Ученый описывает лингвокультурологические гипотезы в отношении переводческого семиозиса. При этом автор разграничивает гипотезу и догадку. Если догадка соотносится со стратегией случайностей, то гипотеза – со стратегией обоснованных предположений. Речь идет о переводческих гипотезах, опирающихся на сопоставительные возможности слов в двух языках. Эти стратегии позволяют переводчику «логически восстановить широкий круг условий, влияющих на смысл словоупотребления» [Казакова, 2007: 179]. Ученый уточняет, что необходимость в гипотезе возникает в тех случаях, когда обычное решение на уровне межъязыковых соответствий оказывается неэффективным, что может послужить основанием порождения смысловой лакуны, и что приведет к непониманию коммуникантов. Решение проблемы видится ученому в структурировании переводческой гипотезы, в выявлении в ней пяти этапов:

- 1) обозначение явления, группирование фактов как объекта сообщения;
- 2) изучение и сопоставление совокупности фактов, обстоятельств, свойств;
- 3) предположение, формулировка возможной причины;
- 4) предположение о возможных следствиях;
- 5) проверка, эксперимент, самооценка переводчика, взаимодействие с редактором.

В условиях художественного перевода речь может идти, по мнению ученого, о творческой гипотезе, что предполагает иную последовательность шагов.

В связи с тем, что в художественном тексте преобладают имплицитные смыслы, переводчик реализует различные стратегии, номенклатура которых представлена в работе Е.А. Третьяковой [Третьякова, 2007].

Автор статьи описывает три типа стратегий: транзитивные, адаптивные, альтернативные. При этом адаптивные стратегии подразделяются на лингвокультурную адаптацию, жанровую адаптацию, возрастную адаптацию. Транзитивные стратегии ориентированы на предельно точное воспроизведение формальных характеристик идиостиля писателя, на прямой, нетрансформативный перенос (транскрипция, транслитерация, прямые семантические соответствия и пр.). В результате в тексте перевода появляются «темные имплициты», лакуны, кальки, буквализмы, что воспринимается как дискомфортивы [Там же: 453–461]. Адаптивные стратегии ориентированы на адаптацию исходного текста к инокультурным и иноязыковым условиям и предполагают трансформативные действия переводчика.

Самый распространенный тип – лингвокультурная адаптация. Переводчик сам определяет степень адаптации, т.е. чрезмерная адаптация приводит к утрате национальной идентичности оригинала. Жанровая адаптация необходима в случае отсутствия соответствующих форм и жанров в отечественной литературной традиции (исключаются потенциальные лакуны). Возрастная адаптация (текст, предназначенный для детей – исключаются лакуны и имплициты). Альтернативные стратегии – переводчик вносит в текст собственные смыслы, самостоятельно расставляет акценты, приписывает автору собственные мысли и пр.

Культурно-ориентированный и деятельностный подходы к переводу представляются нам правомерными при исследовании метапереводческой деятельности. Диссертационное исследование опирается на концепцию переводческого пространства как синергетическую модель перевода. С одной стороны, она также может быть включена в культурно-ориентированную парадигму перевода, с другой стороны, является основанием для создания лингвокогнитивной модели метадискурсивной переводческой деятельности, что может быть описано в терминах метапереводческого пространства художественного текста.

В области синергетики работа опирается на основные положения концепции переводческого пространства, разработанной Л.В. Кушниной [Кушнина, 2004]. Процесс перевода расценивается автором как межъязыковое и межкультурное взаимодействие, возникающее между личностями, текстами, дискурсами, языками, культурами. Этот процесс автор представляет как полевую структуру нелинейной конфигурации, где разграничиваются ядро и периферия, ядерные и периферийные смыслы. Если ядерные смыслы эксплицитны, то периферийные смыслы имплицитны, поэтому задача переводчика состоит в «распаковке» гетерогенных, имплицитных смыслов, их декодировании, а затем транспонировании из одного языка в другой, из одной культуры в другую. Ядром переводческого пространства выступает содержание текста, а его маркером – тема-рематическая прогрессия. Это подразумевает, что извлечение переводчиком всех тем и всех рем текста, установление динамики темы-ремы приводит к постижению единственного эксплицитного смысла исходного текста – фактуального. Для потенциального читателя это означает, что базовый смысл текста, его концепт (в случае научного перевода), его образ (в случае художественного перевода) транспонирован успешно, а перевод адекватен.

Однако смысловое разнообразие и богатство текста гораздо шире. Здесь переводчику необходимо осознать, понять, транспонировать множество смыслов. С этой целью переводчик устремляется на поиски смыслов, которые разворачиваются в переводческом пространстве. Прежде всего, речь идет об имплицитных смыслах, порождаемых в полях всех субъектов переводческой коммуникации: автора, переводчика, реципиента. В этом отношении переводческое пространство субъектоцентрично. Каждый субъект формирует свой компонент смысла, и они неидентичны: смысл поля автора (модальный) неидентичен смыслу поля переводчика (индивидуально-образный); смысл поля реципиента (рефлексивный) неидентичен ни смыслу поля автора, ни смыслу поля переводчика. В переводческом пространстве как саморазвивающейся, самоорганизующейся структуре происходит синергия смыслов всех субъектов. Но процесс перевода на этом не завершается. Вокруг содержания текста формируются еще два текстовых поля: энергетическое и фатическое. В этом

отношении переводческое пространство текстоцентрично. В энергетическом поле порождается эмотивный смысл, в фатическом – культурологический. Автор концепции считает, что извлечение культурологического смысла становится возможным в результате постижения переводчиком интертекстуальных связей и взаимодействий текста, возникающих в исходной и производной культурах. Интегральный смысл текста перевода является результатом синергии смыслов всех полей переводческого пространства, при этом неперенным условием является приращение новых смыслов, соотносимых с принимающей культурой. Если переводчику удалось транспонировать и синергизировать все смыслы, кроме культурологического, перевод будет эквивалентным. В случае синергии всех смыслов перевод будет признан гармоничным. Гармония – цель и ценность перевода.

Подчеркнем важную для исследования мысль о том, что, в процессе освоения переводческого пространства в сознании переводчика формируется гармоничное переводческое мировоззрение, предполагающее, что достижение качественного перевода возможно лишь в результате транспонирования множества имплицитных смыслов текста оригинала в другое множество имплицитных смыслов текста перевода. Как подчеркивает автор концепции, «гармония – это одна из базовых ценностей европейской культуры, установка культуры, ориентирующая на осмысление мироздания и человека с позиций их глубинной внутренней упорядоченности. Гармония подразумевает сбалансированность, целостность, согласованность, стройность» [Кушникова, 2009]. Автор поясняет, что гармония – «реляционный признак, устанавливающий отношения гармоничности между текстами оригинала и перевода, т.е. смыслы текста перевода соразмерны, гармоничны смыслам текста оригинала» [Там же, с. 309].

Ниже будет показано, что обращение к метапереводческой деятельности проводится с опорой на концепцию переводческого пространства. При этом предполагается, что наряду с переводческим пространством, можно выделить так называемое «околопереводческое пространство», оба они находятся в тесном взаимодействии. Иными словами, лишь достижение переводчиком гармоничного перевода может послужить основанием его не менее успешной, столь же

гармоничной метапереводческой деятельности, что является предметом нашего исследовательского интереса.

Изложив в общих чертах концепцию переводческого пространства, остановимся на некоторых понятиях и категориях, которые были разработаны как в рамках данной концепции, так и некоторых других. В рамках данного параграфа проанализируем трактовку М.М. Бахтиным понятия «хронотоп», определение Н.Д. Маровой понятия «ноохронотоп», а также понимание переводческого хронотопа Л.В. Кушнина, И.Н. Хайдаровой, Л.В. Енбаевой [Бахтин, 1974; Енбаева, 2002; Кушнина, 2009; Марова, 2006; Хайдарова, 2008].

В современной лингвистике и литературоведении классическим является взгляд на художественный текст как отражение знаний о мире говорящего (пишущего) субъекта, событий реального мира в художественном. В основе исследований концептосферы художественного текста, языковой картины мира и категорий времени и пространства в языкознании лежит идея о том, что точкой отсчета в системе пространственно-временных координат является человек [Апресян 1995; Арутюнова, 1999; Бахтин 1974; Бахтин, 1986; Вежбицка 1996].

Для обозначения неразрывной связи времени и пространства в художественном тексте М.М. Бахтиным был предложен термин «хронотоп» [Бахтин, 1979]. Хронотоп является универсальной категорией, которая определяет художественное единство литературного произведения в его отношении к реальной действительности: «В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [Там же, с. 234].

Современная лингвистическая парадигма стремится к переосмыслению и развитию категории хронотопа [Лукина, 2011; Колодина, 2002; Новикова, Лошаков, 2009; Хазагеров, 1994-2013]. Исследуя языковую картину мира, лингвисты развивают теорию хронотопа М.М. Бахтина, включая в нее такие составляющие как «хронотоп наблюдателя», «точка зрения интерпретатора-

наблюдателя», «перспектива», «ментальная функция наблюдения», «ментальные миры», «минус-пространство» и др. [Марова, 2006; Топоров, 1983; Степанов, 2001].

В своей работе «Парадигмы интерпретации текста» Н.Д. Марова вводит категорию «ноохронотоп», обладающую, с одной стороны, признаками классического хронотопа М.М. Бахтина, с другой, приобретающую «духовные параметры, специфичность которых зависит от некоторой ментальной точки зрения, от менталитета интерпретатора» и призвана, по мнению исследователя, упорядочить мир в соответствии с требованиями и условиями с точки зрения наблюдателя-интерпретатора [Марова, 2006: 69]. По мнению ученого, необходимо принять во внимание, что «перспективированный мир знака неизбежным образом обогащается духовным измерением» поэтому, кроме традиционных параметров времени и пространства, ноохронотоп должен включать в себя понятие ментальности, т.е. духовности и разумности [Там же, с. 69]. С учетом этого, ментальная картина видения, являясь следствием выражения определенной точки зрения интерпретатора, запечатлевает его манеру видения текста, выражает комплекс условий видения рассматриваемого текста и манифестируется в тексте через пространственную, временную и духовную точки зрения образуя перспективу текстоментальной действительности. Эти наблюдения исследователя приобретают особое значение в нашей работе, т.к. позволяют понять ментальную картину видения переводчика-интерпретатора и его точку зрения. Данный подход позволяет включить переводчика в иерархию «автор-текст-читатель» как полноценное звено, духовность и точка зрения которого продлевает «жизнь текста автора». Впервые понятия духовность и точка зрения были введены Н.Д. Маровой в своей работе «Парадигмы интерпретации текста» [Марова, 2006]. Ученый говорит о зависимости перевода от ментальной точки зрения, от менталитета интерпретатора [Там же]. Под духовностью и точкой зрения переводчика нами понимается некая ментальная картина видения авторского текста, ментальное образование, продукт процесса смыслового восприятия текста переводчиком в той или иной степени приближающейся к авторскому варианту текста с целью порождения качественного перевода художественного текста.

Теперь обратимся к концепции гармонизации перевода, согласно которой вводится понятие «переводческий хронотоп», включающий в себя переводческое пространство и переводческое время – новую переводческую реалию, отражающую особое переводческое видение, своего рода переводческую картину мира [Кушникова, 2008].

Суть переводческого пространства, как указывает Л.В. Кушникова, сводится к представлению процесса перевода как сложной системы гетерогенных темпорально-пространственных смыслов, которые транспонирует переводчик.

Очевидно, что представления Н.Д. Маровой, которая создает текстоментальную концепцию перевода, созвучны данной трактовке процесса перевода. Обе концепции привлекают внимание лингвистов, которые размышляют над проблемами транспонирования смыслов текста из одного языка в другой, из одной культуры в другую: «перевод текста на другой язык есть перевод его интерпретационной картины видения на уровень ее воссоздания средствами иного языка» [Марова, 2006: 316].

В свете обозначенных выше концепций, рассмотрим проявление ноохронотопа в переводе, акцентируя внимание на категории духовности – ментальной точки зрения не только автора, но также переводчика и реципиента.

Согласно взглядам Н.Д. Маровой и Л.В. Кушниковой, перевод призван сохранить целостность и самоценность оригинала, отражая смыслы исходного текста, но не копируя их; преломляя эти смыслы в сознании всех субъектов перевода. Это означает, что в рамках целого текста процесс гармонизации смыслов совершается сложными путями, по мере того, как переводчик преодолевает все препятствия, возникающие при постижении каждого поля переводческого пространства.

Изучив концепции хронотопа, ноохронотопа, переводческого хронотопа, можно сформулировать понятие переводческого ноохронотопа как пространственно-временного континуума, в котором категория духовности находит свое выражение и обретает видимую форму, как при принятии переводческого решения в переводческом пространстве, так и в процессе создания переводческого метатекста.

Переводческое пространство, с одной стороны, уникально, т.к. является результатом особой конфигурации для каждого текста и каждого переводчика, с другой стороны, может генерировать разнообразные смысловые модели и поэтому поливариантно. Наряду с понятием переводческого пространства несомненный исследовательский интерес приобретает категория переводческого решения, изучаемая Л.В. Енбаевой, и феномен «информационного шума» при анализе переводов художественного текста [Енбаева, 2009; Казакова 2006]. Исследователи указывают на стремление переводчика структурировать получаемую информацию, придавая ей упорядоченность, через упорядочивание информационного содержания переводческого пространства, которое происходит посредством комплекса переводческих решений, а также на возможность прогнозирования восприятия текста, что при изучении переводческого метатекста анализируется в рамках процедуры аппроксимации.

Как показывают наблюдения писателей-переводчиков, именно реализация категории духовности и разумности способствует принятию верного переводческого решения, которое является результатом осмысленного упорядочивания интерпретации оригинала, отражения интенциональности текста, его текстовой энергии и эстетического воздействия на переводчика, отражения переводческой ментальной точки зрения (Волевич, 2001; Веденяпин, 2001; Волчек, 2002; Дубин, 2001; Иванов, 2004; Ильин, 2002; Мавлевич, 2001; Силакова, 2002; Федорова, 2001; Яхнина, 2001).

В диссертационном исследовании развивается идея Л.В. Енбаевой и П.М. Топера о том, что профессиональное переводческое решение принимается переводчиком в зависимости от его общей концепции относительно эстетического воздействия произведения, замысла автора произведения, авторского стиля, системы образов произведения, а также согласованности всех принятых переводческих решений, т.е. в зависимости от ментальной картины видения произведения, автором, переводчиком, реципиентом, а также от степени духовного сопереживания субъектов переводческой коммуникации [Енбаева, 2009; Топер, 1998].

В свете обозначенных выше концепций рассмотрим проявление ноохронотопа в переводе, акцентируя внимание на категории духовности – ментальной точке зрения не только автора, но и переводчика и реципиента.

Исследование опирается на трактовку качественного, гармоничного перевода как смысловой соразмерности исходного и переводного текстов, который «должен отвечать требованиям культурной, социальной, природной, индивидуальной обусловленности» [Кушникова, Юзманов, 2010: 41–42]. В результате синергии смыслов всех полей переводческого пространства происходит создание гармоничного текста перевода, который становится фактом другого языка и другой культуры. В случае неуспешного перевода, имеет место переводческая дисгармония, что можно соотнести с переводческой ошибкой, погрешностью, несоответствием. Это означает, что категория духовности как неотъемлемое свойство переводческого ноохронотопа, остается нереализованной, т.е. ментальная картина видения переводчика не соответствует ментальной картине видения автора, что приводит к искажению смыслов.

Представляется важным использование в работе системы критериев оценки качества перевода, включающей в себя адекватность, эквивалентность, гармоничность, дисгармоничность. При этом адекватность и эквивалентность рассматриваются в традиционном смысле.

К анализу представлен фрагмент из романа Г. Свифта «Последние распоряжения» (G. Swift, 1996; Свифт, 1998).

Пример 1.1

Текст оригинала	Перевод В. Бабкова
« <i>And when I make the old joke – 'The Coach won't come to me' – she smiles but she frowns at the same time, ...she drops the smile and sips her coffee again. 'Well don't go just yet.'</i> (выделено нами – Н.П.) (Swift, 52).	« <i>И когда я повторяю нашу старую шутку: «Да ведь “Карета” сама ко мне не придет, - она улыбается и хмурится одновременно, ...она сгоняет с лица улыбку и снова отхлебывает кофе. «Погоди минутку»</i> (выделено нами – Н.П.) (Свифт, 129).

Проанализируем высказывание *Well don't go just yet*, в котором присутствует глагол движения *go* – ходить. Дословный перевод высказывания: «Не уходи пока». Можно предположить, что в сознании русскоязычного переводчика

возникает цепь ассоциаций, не соотносимых со значением английского глагола движения (go), но связанных со значением русского глагола состояния (ждать). Мы отмечаем динамику переводческого ноохронотопа: от формы «не уходи», к форме «побудь еще», «подожди», а далее, к разговорной форме «погоди минутку». Полагаем, что в процессе осмысления переводчиком описанной выше ситуации, он стремится гармонизировать ментальные картины монокронного видения англоязычного автора с перспективами русскоязычной полихронности. Тем самым, действие из пространственного измерения перемещается во временное, что обусловлено их способностью переходить друг в друга, и что является отражением классического хронотопа М.М. Бахтина [Бахтин, 1979]. В переводческом пространстве раскрывается духовность, заложенная в текст автором, которая проникает в ментальную картину видения переводчика, что обуславливает порождение гармоничного перевода.

В романе «Хорошая работа» Д. Лоджа (L. Lodge, Nice Work) находим несколько вариантов дисгармоничного переводческого решения (Lodge, 1989; Лодж, 2004). Прежде чем проанализировать конкретные фрагменты текста, дадим краткую характеристику главным героям романа, Робин Пенрайт и Вику Уилкоксу, что позволит представить авторскую ментальную картину, его ноохронотоп.

Робин – молодая самодостаточная женщина, преподаватель английской литературы в университете, происходит из образованной семьи университетского профессора, обладает определенными моральными принципами, проповедует идеи феминизма, заявляя, что картинки в стиле pin-up унижают достоинство женщин (Там же).

Вик – типичный успешный топ-менеджер на сталелитейном предприятии, родом из бедных предместий, «человек, который сделал себя сам». Однако ему присущи традиционные старомодные семейные ценности и отношение к женщинам (*«Жена – не машина. Ее нельзя сменить, когда она устареет или в ней что-то разладится. И если ты понял, что ошибся, – очень жаль, но придется жить с ней и дальше»*), он обычно не грубит женщинам, по крайней мере,

образованным и равным ему по положению («В чем дело? – обратился Вик к рабочему... – Заело эту б*** собачку, – не оборачиваясь ответил тот. – Выбирай выражения, сказал Уилкокс. – Здесь дама»), и каждое воскресенье приглашает отца на семейный обед (Там же, с. 128, 162).

Пример 1.2

Текст оригинала	Перевод М. Ворсановой
<p><i>'My field is the nineteenth-century novel,' said Robin. 'And women's studies.'</i></p> <p><i>'Women's studies?' Wilcox echoed with a frown. 'What are they?'</i></p> <p><i>'Oh, women's writing. The representation of women in literature. Feminist critical theory.'</i></p> <p><i>Wilcox sniffed. 'You give degrees for that?'</i></p> <p><i>'It's one part of the course,' said Robin stiffly. 'It's an option.'</i></p> <p><i>'A soft one, if you ask me,' said Wilcox. 'Still, I suppose it's all right for girls.'</i></p> <p><i>'Boys take it too,' said Robin. 'And the reading load is very heavy, as a matter of fact.'</i></p> <p><i>'Boys? Wilcox curled a lip. Nancy boys?' (выделено нами – Н.П.) (Lodge, 114)</i></p>	<p>– Я занимаюсь романом XIX века, – пояснила Робин. – И женской темой.</p> <p>– Женской темой? – переспросил Уилкокс с явным неодобрением. – Это еще что такое?</p> <p>– Женская проза. Изображение женщины в литературе. Феминистская критика.</p> <p>– Уилкокс засопел.</p> <p>– И за это дают ученые степени?</p> <p>– Я читаю не всему курсу, – неохотно уточнила Робин. – У меня факультатив.</p> <p>– По-моему, слишком примитивный, сказал Уилкокс, – впрочем, для девушек сойдет.</p> <p>– У меня есть и юноши, – возразила Робин. – Кстати, текстовый материал очень трудный.</p> <p>– Юноши? – Уилкокс презрительно скривился. – В смысле недерасты? (выделено нами – Н.П.) (Лодж, 112)</p>

В данном фрагменте мы констатируем проявление дисгармонии. Словосочетание *Nancy's boys* является эвфемизмом, к которому прибегает Вик, чтобы не выглядеть необразованным и непочтительным по отношению к Робин. Для перевода этого словосочетания выбрано словарное соответствие «*недераст*», обладающее негативно окрашенной коннотацией, что относит его к стилистически сниженному регистру языка.

В современном русском языке слово «*недераст*» считается оскорбительным и употребляется намеренно с целью выражения пренебрежения и унижения адресата. Нам представляется, что ментальная картина переводчика в данном

случае не соответствует авторской, что привело к искажению смысла и переводческой дисгармонии. Удачным переводческим решением было бы использование таких лексем как «голубые», «гомики», «педики», которые отражают ментальную авторскую картину видения персонажа: как бы ни был удивлен Вик тем, за что в современных британских университетах дают степень бакалавра и магистра, он не настолько этим шокирован, чтобы не контролировать себя в присутствии Робин.

Рассмотрим следующий фрагмент.

В данном эпизоде Вик, крайне раздраженный тем, что происходит в его семье, находится наедине с самим собой, когда никто (*«даже наглая, назойливая феминистка из Университета»*, цит. по переводу М. Ворсановой) не контролирует его мысли и слова (Там же, с. 162).

Пример 1.3

Текст оригинала	Перевод В. Ворсановой
<i>Vic is quite sure she (Marjorie) has no intention of carrying out his instructions. If she hadn't arranged to take Sandra to the doctor's Marjorie would probably go back to bed herself, now, with a cup of tea and the Daily Mail. A few weeks before, he'd returned home soon after getting to work because he'd left some important papers behind, and found the house totally silent, all three children and their mother sound asleep at 9.30 in the morning. No wonder the country is going to the dogs (выделено нами – Н.П.) (Lodge, 27).</i>	<i>Вик совершенно уверен в том, что у нее (Марджори, жена Вика – примечание наше) и в мыслях нет выполнять его распоряжения. Если бы не поездка с Сандрой (дочь Вика – примечание наше) к врачу, Марджори, скорее всего, легла бы сейчас в постель, прихватив с собой чашку чая и «Дейли Мейл». Несколько недель назад Вик вернулся домой, едва уехав на работу, – забыл взять важные документы. Была половина десятого утра, в доме царила полная тишина: трое детей и их мать сладко спали. Не стоит удивляться, что страна летит в тартарары (выделено нами – Н.П.) (Лодж, 25).</i>

С психологической точки зрения, во время внутреннего монолога человек в состоянии раздражения и гнева, пребывая в полной уверенности, что его никто не слышит, даже если бы мысли прозвучали вслух, склонен высказываться, используя стилистически яркую, сниженную лексику. Поэтому Вик Уилкоккс,

имеющий типично мужские воззрения на мир, использует выражение «*No wonder the country is going to the dogs*», которое, согласно данным словарей, переводится на русский язык как «*пойти прахом*», «*пойти псу под хвост*», «*идти (ко всем) чертям*». Современные словари добавляют к последнему варианту перевода разговорное сочетание «*...к чертям собачьим*». В переводческом пространстве, в поле переводчика возникает другой образ, отражающий его ментальный ноохронотоп, тяготеющий к использованию эвфемизма «*тартарары*», что нейтрализует стилистически сниженное выражение, и что приводит к дисгармонии.

Дисгармония ментальной картины видения переводчика художественного текста демонстрирует недостаточную степень его духовного сопереживания автору, неполноценное прогнозирование рецепции текста читателем, что приводит к ошибкам или погрешностям перевода, которые, даже если бы они были несущественны в рамках одного фрагмента, становятся глобальными в тексте в целом.

Вполне очевидно, что идея ноохронотопа, подразумевающая создание переводчиком гармоничного авторскому тексту перевода, понимание ментального времени-пространства автора, означает освоение переводчиком собственного ментального времени-пространства и воссоздание в тексте перевода духовности текста оригинала, что может послужить значимым критерием оценки качественного перевода.

Подтверждением данной идеи являются замечания Б.Л. Пастернака о том, что писатель-переводчик, как носитель языка, предлагает нам свое понимание оригинального текста, т.е. осмысленную ментальную картину видения оригинального текста: «Подобно оригиналу, перевод должен производить впечатление жизни, а не словесности» [Пастернак, 1990:180].

Подчеркнем также мысль М.М. Бахтина о «вненаходимости» воспринимающего, т.е. определенной отстраненности ментальной точки зрения переводчика-интерпретатора [Бахтин, 1979]. Перевод не может и не должен стремиться к полному устранению различий между оригиналом и переводом, т.к.

иноязычная культура может полностью раскрыться реципиенту только посредством понимания незнакомых ему реалий и объектов. В этой связи напомним предложенное Г.Г. Гадамером сравнение перевода с диалогом, в котором переводчик сам инициирует «разговор с оригиналом», превращая перспективированный мир знака в смысл, при этом остается лишь партнером в обсуждении, причастным к этому смыслу наравне с самим текстом [Гадамер, 1991]. В работах У. Эко перевод сравнивается с переговорами: «...перевод основан на чем-то вроде переговоров, поскольку они – именно такой базовый процесс, в ходе которого, дабы нечто получить, отказываются от чего-то другого; и, в конечном счете, договаривающиеся стороны должны выйти из этого процесса с чувством разумного и взаимного удовлетворения, памятуя о золотом правиле, согласно которому обладать всем невозможно» [Эко, 2006: 19].

Таким образом, представленная выше концепция переводческого пространства, а также идея переводческого хронотопа, ноохронотопа и точки зрения переводчика имеют существенное значение при анализе переводческой деятельности. Однако основной акцент в данной работе сделан не на собственно переводческой деятельности, которая достаточно широко освещена в современных исследованиях, а на метапереводческой, метадискурсивной деятельности, исследование которой только начинается, и что будет рассмотрено в следующем параграфе.

Истоки изучения параперевода восходят к трудам западноевропейских ученых, в частности, к работам французского исследователя Ж. Женетта (G. Genette), впервые опубликованным в 1980-е гг. и получившим мировую известность в результате их перевода на английский язык в 1990-е гг. В отечественной лингвистике наиболее значимыми являются исследования В.Б. Кашкина, выполненные в начале 2000-х гг.

1.1.3 Понятие предисловия/послесловия как жанров метатекста

В историческом аспекте метатекст, а именно, предисловия и послесловия, представляли научный интерес для исследователей на протяжении всей истории человечества. Историографические исследования показывают, что первые попытки описания и классификации метатекста были предприняты еще Аристотелем, в последующие периоды истории метатекст использовался духовными и светскими лицами для направления читателя по «правильному пути» [Софронова, 1981]. Ученые кратко излагали историю создания произведения, прославляли автора, трактовали содержание произведения. В период с XV по XIX вв. метатекст носит явный дидактический и полемико-философский характер. Так, например, британская писательница и философ М. Уолстонкрафт использовала свои предисловия не только для рассуждения о пользе образования для женщин и детей, но и о необходимости лингвокультурной адаптации текста [Wollstonecraft, 1790]. Великий русский писатель И.С. Тургенев в предисловиях к переводам различных лет говорит о пользе чтения, о роли предисловия в популяризации произведения, рассуждает о точности перевода и т.д. [Тургенев, 1968]. К концу XIX-началу XX в. метатекст в целом и предисловия/послесловия в частности приобретают устойчивую стилистическую и композиционную структуру, т.к. они направлены на облегчение сложного процесса восприятия первоисточника читателем.

Фундаментальные исследования в области метапереводческой деятельности, несмотря на многовековой интерес, начались сравнительно недавно. В целом, метатекст, несмотря на востребованность и широту использования термина, не является пока предметом самостоятельного целостного изучения. Феномен метатекста может описываться как «повествование в повествовании», автометатекстуальность, метаописательный пласт текста, метакомментарии, интер- или гипертекст и др.

В отечественной лингвистике нашли отражение такие понятия как метатекст, метаперевод, метакогнитивная деятельность переводчика, метадискурсивная деятельность переводчика, параперевод и др.

С целью исследования современного состояния данной проблемы проведем дефиниционный анализ некоторых терминов и терминосочетаний, которые в своей совокупности дают представление о современных трактовках метатекстовых компонентов произведений.

Известно, что в самом широком смысле, метатекст является ничем иным как «текстом о тексте», что подчеркивает его вторичность по отношению к основному тексту, определяемому учеными как базовый текст, исходный текст, материнский текст, прототекст и пр.

Среди типов метатекста можно вычлениить следующие:

- 1) предисловие (автора, редактора, переводчика);
- 2) послесловие (автора, редактора, переводчика);
- 3) вступление;
- 4) вводная статья (критическая, текстологическая, историческая и пр.);
- 5) предтекстовые, послетекстовые, затекстовые статьи комментирующего характера.

В связи с тем, что в исследовательской главе работы будут рассмотрены метатексты, относящиеся к переводческой деятельности, а именно, метатексты художественных переводных произведений, при этом в научной литературе нет четкого разграничения отдельных типов метатекста, в работе был проведен дефиниционный анализ, результаты которого отражены в следующей таблице. Источником дефиниционного анализа стали следующие словари и учебные пособия разных лет: Толковый словарь С.И. Ожегова, Издательский словарь-справочник, Популярный словарь русского языка. Толково-энциклопедический словарь «Литература и язык», Современная иллюстрированная энциклопедия, Словарь синонимов русского языка. Практический справочник, Литературная энциклопедия в 11 томах, и др. [Александрова, 2011; Горкин, 2006; Гуськова, Сотин. 2003; Мильчин, 2003; Тришин. 2013; и др.].

Дефиниционный анализ термина «предисловие»

Тип словаря	Толкование/ определение	Синонимы
Ожегов. С.И. Толковый словарь русского языка/ С.И. Ожегов. – М.: Новое издание, 2012.	Вводная статья к к-л сочинению	введение, вступление, преамбула, предисловие, пролог
Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. – М.: Астрель, 2007.	Отдел литературного или научного произведения, содержащий предварительные разъяснения и замечания (автора, редактора, издателя), вступление к тексту изложения.	введение, вступление, преамбула, предисловие, пролог
Литературный энциклопедический словарь/ П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987.	Вводная статья критического, текстологического, исторического и т. п. содержания, предпосылаемая книге, чтобы сообщить читателю те или другие сведения, которые, по мнению автора, редактора или издателя необходимы для лучшего понимания последней. <i>Авторское предисловие</i> – своеобразный комментарий к тексту. <i>Историко-литературное</i> правильное истолкование творчества классика для современного читателя, также могут включать помимо комментариев печатную историю произведения, объяснять читателю, какие произведения, почему именно избраны и включены в издание, план и порядок расположения материала, принципы его обработки и т. п. П., выясняющие автора и происхождение произведения, его социально-политический смысл и значение в истории литературы, особенно необходимы в изданиях материалов, ранее неизвестных (законченных произведений, замыслов, писем, мемуаров и т. п.), извлекаемых редакторами из литературного архива писателя.	вступление, начало, преамбула, предупреждение, прелюдия, пролегомена, пролог, статья
Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. — М.: Росмэн. Под редакцией проф. Горкина А.П. 2006.	Литературно-критическая статья или заметка, предваряющая какое-либо произведение. В предисловии даются необходимые пояснения к произведению, биографические сведения об авторе, история создания книги, принцип выбора материала и т. д. Предисловие может быть написано издателем, критиком, переводчиком произведения. В отличие от введения, предисловие не является частью самой книги, а только предваряет и облегчает восприятие её содержания. Однако, в отличие от вступительной статьи, оно тесно связано именно с данной книгой. Иногда функцию предисловия выполняет <i>послесловие</i> .	вступление, начало, преамбула, предупреждение, прелюдия, пролегомена, пролог, статья

Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. — М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель. Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. 1925.	Вступительное слово автора к своему произведению, в котором сообщается что-либо по поводу его, напр., дается указание на основной замысел произведения, на план его, ответ критикам и проч.	введение, вступление, преамбула, предисловие, пролог
Издательский словарь-справочник. — М.: ОЛМА-Пресс. А.Э Мильчин. – 2003.	Элемент <i>аппарата издания</i> , предуведомление читателя автором, изд-вом, редактором о том, что следует иметь в виду, читая, просматривая или изучая издание. П. может содержать сведения о значимости темы издания, его назначении и возможностях использования, об особенностях содержания и формы произведения и (или) издания, прежде всего об отличиях от изданий на ту же или близкие темы, о принципах построения и отбора материала, о не освещенных темах и проблемах. Желательно, чтобы заголовок П. оповещал об авт. принадлежности (<i>П. автора, П. изд-ва, П. редактора</i> и т. п.).	вступление, начало, преамбула, предуведомление, прелюдия, пролегомена, пролог, статья
Популярный словарь русского языка. Толково-энциклопедический. — М.: Русский язык-Медиа. А.П. Гуськова, Б.В. Сотин. 2003.	Вступительная часть какого-л. произведения, содержащая предварительные разъяснения, а также замечания критического характера.	вступление, начало, преамбула, предуведомление, прелюдия, пролегомена, пролог, статья
Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. — М.: Русский язык. З. Е. Александрова. 2011/ Словарь синонимов ASIS. В.Н. Тришин. 2013.	Предисловие – вступительная часть какого-либо произведения	введение, прелюдия, пролог, преамбула, начало, статья, предуведомление, вступление.

Как явствует из таблицы, термины «предисловие» и «вступление» используются в опубликованных переводных художественных произведениях как синонимы. Термин «послесловие» близок по своему содержанию предисловию, но

отличается лишь местоположением относительно основного текста. Критическая статья выполняет функции предисловия и послесловия, но ее расположение является подвижным: как «до», так и «после» основного текста. Все эти типы метатекста предназначены для разъяснения содержания текста читателю.

Таким образом, метатекст в его общелингвистическом значении является разновидностью текста, выполняющего в процессе коммуникации определенную функцию комментирования и пояснения основного текста. Представляется, что именно функциональное значение метатекста позволило исследователям обратить внимание на метатекст, создаваемый переводчиком. В этом случае понятие метатекста может быть приравнено к понятию метаперевода, т.к. составление текста переводческого предисловия и переводческого послесловия становится возможным лишь после того, как переводчик выполнит соответствующий перевод.

Это обусловило обращение к результатам исследований ученых, которые анализируют метатекст. Наибольший исследовательский интерес представляет предисловие, характеристика которого описана А.Э. Мильчиным в «Справочнике издателя и автора» [Мильчин, 1999]. Автор определяет предисловие как предтекстовые, послетекстовые, затекстовые статьи комментирующего характера, созданные переводчиком, поскольку «предмет пояснения у них одного типа... и граница между ними зыбка» [Мильчин, 1999: 487]. Форма и структура их также одинакова: они имеют вид статьи, состоящей из введения, основной части, заключения. Их содержательная сторона создается с учетом особенностей целевой аудитории в принимающей культуре, что придает им лингвокультурологический и контекстуально-ориентированный характер. Как поясняет ученый, эти типы метатекста создают единый комплекс, сочетающий в себе текст и метатекст.

Вопрос о необходимости создания метатекста является предметом научного интереса в исследованиях, подчеркивающих проблему лакуарности любого переводного произведения [Арутюнова, 1999; Ахманова, Гюббенет, 1997]. В связи с этим дополнительная метатекстовая информация приобретает особую значимость, а исследование содержательной и структурной характеристик переводческого метатекста представляется целесообразным.

Как показали наблюдения, с точки зрения содержания и структуры, переводческое предисловие/послесловие подразделяется на два типа:

- 1) собственно переводческое предисловие/послесловие дескриптивного, просветительского характера, облегчающее восприятие содержания основного текста читателем, которое выполняется переводчиком основного текста;
- 2) переводческое предисловие, содержательно и функционально приближенное к первому, но написанное переводчиком-экспертом в данной области.

Содержательный аспект предисловия/послесловия обусловлен несколькими факторами: идиостилем писателя, особенностями языковой личности переводчика, особенностями языковой личности адресата и пр.

В работе анализируется предисловие/послесловие как самостоятельный метатекст, созданный переводчиком для читателя в процессе прогнозирования его восприятия, а также интерпретации и осмысления прочитанного.

1.1.4 Место и роль предисловий/послесловий переводчика в системе метапереводческой деятельности

В новейших исследованиях в области теории перевода, обращенных к анализу деятельности переводчика, изучаются различные аспекты этой деятельности. Внимание ученых привлечено не только к собственно переводческой деятельности, но и к так называемой метапереводческой деятельности, исследовательское поле которой чрезвычайно широко. Несмотря на многовековую историю этого типа деятельности, его научное обобщение началось относительно недавно. Первые теоретические обоснования принадлежат французскому переводчику-литературоведу Ж. Женетту, который в восьмидесятих годах прошлого века опубликовал фундаментальный труд по проблемам параперевода [Genette, 1987, 1997]. В начале нынешнего века испанский ученый Ж.Ю. Фриас дал собственную трактовку параперевода, на которую ссылаются многие западноевропейские ученые [Frías, 2012].

В отечественной лингвистике в этот же период появились работы В.Б. Кашкина, посвященные метапереводческой деятельности [Кашкин, 2009].

В современной науке обнаруживается тенденция изучения параперевода – именно этот термин закрепился в зарубежной традиции, и метапереводческой деятельности – термин, используемый в отечественной науке.

В фокусе исследовательских интересов диссертации – предисловия и послесловия, внутритекстовые и послетекстовые примечания переводчика к переведенным художественным текстам и научным статьям, что может быть проанализировано как с позиций метапереводческой деятельности, так и с позиций параперевода. На основании дефиниционного анализа терминов, мы признаем их тождественность, но останавливаем свой выбор на термине «метаперевод» и «метатекст».

Таблица № 1.2

Дефиниционный анализ терминов с приставкой пара- (паратекст) и мета- (метатекст)

	Мета-	Пара-
Энциклопедический словарь. – 2009.	МЕТА... (от греч. «вместе с чем либо», а также «после чего либо», «потом») Часть сложных слов, означающая промежуточность, следование за чем-либо, переход к чему-либо другому	ПАРА... (от греч. «возле, мимо, вне»), 1) часть сложных слов, означающая: находящийся рядом, а также 2) отклоняющийся от чего-нибудь
Большой словарь иностранных слов.- Издательство – «ИДДК», 2007.	Часть сложных слов, означающая промежуточность, следование за чем-либо, переход к чему-либо другому.	Часть сложных слов означающая: находящийся рядом, отклоняющийся, переходящий к другому
Dictionary.com Unabridged/ Based on the Random House Dictionary.– © Random House, Inc.– 2015.	A prefix appearing in loanwords from Greek, with the meanings “after,” “along with,” “beyond,” “among,” “behind,” and productive in English on the Greek model:	A prefix appearing in loanwords from Greek, most often attached to verbs and verbal derivatives, with the meanings “at or to one side of, beside, side by side”
Collins Dict.com ©	indicating change, alteration, or alternation occurring or situated behind or after	beside; near beyond
McMillan.com ©	behind, near or after	beyond

Как явствует из таблицы, термины с приставками мета- и пара-, в нашем случае паратекст и метатекст, описывают периферийный, т.е. вторичный по отношению к основному тексту, размещенный до, рядом, вместе, после основного

текста, либо отклоняющийся от основного или уходящий за его границы – например, гипертекст или связанный с основным текстом другой текст. Следовательно, термины паратекст и метатекст можно признать тождественными.

Исследование метаперевода и метатекста проводится в русле разработанной ранее концепции переводческого пространства, выступающей синергетической моделью перевода [Кушникова, 2009].

Поясним эту мысль на примере текста предисловия, составленного переводчиком. Формально предисловие предшествует тексту перевода, что отвечает его функции – облегчить восприятие текста реципиентом. Однако его смысловое наполнение возникает только в результате успешного завершения собственно переводческой деятельности. Текст перевода, несмотря на его компрессированный характер, не является аннотированием исходного текста, но результатом его переосмысления переводчиком, его индивидуального видения ключевых концептов (если речь идет о научном тексте) или его ключевых образов (если речь идет о художественном тексте). В тексте предисловия отражено стремление переводчика передать значимость текста для читателя.

Расценивая текст предисловия как метаперевод, мы определяем его как сложный синергетический феномен, который вбирает в себя, с одной стороны, синергию смыслов исходного и производного текстов в переводческом пространстве, с другой стороны, их синергию в околореводческом пространстве, где находит отражение уникальная «точка зрения» переводчика, прогнозирующая восприятие читателя. В результате текст предисловия оказывается гораздо более свободным, чем текст собственно перевода, он содержит как новые смыслы, привносимые переводчиком, так и «расшифрованные» смыслы автора, что в совокупности порождает смыслы реципиента.

1.2 Современные исследования паратекста (параперевода) и метатекста (метаперевода) в зарубежной и отечественной лингвистике

1.2.1 Концепция паратекста и параперевода в современной зарубежной лингвистике

Наше исследование проводится, как уже отмечалось, с позиций концепции переводческого пространства, согласно которой когнитивный взгляд на перевод как на произведение мыслящего субъекта – переводчика, позволяет акцентировать внимание на языковой личности переводчика, его речевой деятельности, его ментальной сфере, его интеллектуальной активности и пр. В данном разделе представляется необходимым рассмотреть феномен языковой личности в рамках когнитивных концепций, обращенных к исследованию паратекста и метатекста.

Обращаясь к феномену параперевода и метаперевода, подчеркнем, что на современном этапе исследований представляется целесообразным обозначить их функции в дискурсивной деятельности языковой личности переводчика с целью последующего более успешного прогнозирования, восприятия и внедрения текста перевода в принимающую лингвокультуру. Подчеркнем, что проблематика параперевода и паратекста существует исключительно на иностранных языках. Изложенные в работе концепции являются результатом нашего перевода с английского и французского языков.

Начнем с концепции Ж. Женетта, основателя теории паратекста в западноевропейской лингвистике.

Классическим исследованием в области паратекста является фундаментальный труд Ж. Женетта (G. Genette, *Seuils*), опубликованный в 1987 г. на французском языке [Genette, 1987]. Переведенный на многие иностранные языки, в том числе, на английский, этот труд до сих пор полностью не переведен на русский язык. В связи с этим мы воспользуемся в своей работе англоязычной и франкоязычной версиями.

Напомним метафорическое объяснение Ж. Женеттом понятия «паратекст»: “Le paratexte n’est qu’un auxiliaire, qu’un accessoire du texte. Et si le texte sans son

paratexte est parfois comme un éléphant sans cornac, puissance infirme, le paratexte sans son texte est un cornac sans éléphant...” («Паратекст является лишь второстепенным, дополнительным к тексту элементом. Если текст без паратекста также бесполезен, как слон без погонщика, то паратекст без основного текста – это погонщик без слона» – *Здесь и далее перевод наш. – Н.П.*) [Genette, 1987: 9]. По мнению ученого, паратекст обозначает совокупность произведений, которые сопровождают собственно текст: сообщают о нем, рекламируют его и пр. В своих работах Ж. Женетт объясняет предназначение паратекста как результат совместной ответственности автора и издателя, поскольку он включает такие компоненты как заголовок, посвящения, эпиграфы, предисловия, примечания, интервью, беседы об издании. В процессе анализа паратекста ученый выделяет его специфические компоненты: различные типы предисловий, более крупные комплексы, обозначенные как перитекст, эпитекст и сам паратекст:

1) перитекст (péritexte) – все виды периферийного текста внутри физических границ книги: названия, подзаголовки; посвящения, предисловия, примечания, комментарии, послесловия;

2) эпитекст (épitexte) – письменный и устный метатекст (публичный и приватный), находящийся за пределами книги (история создания книги, писательская, издательская и переводческая переписка и переговоры, дневники и мемуары, др.).

Ученый создает формулу: паратекст = перитекст + эпитекст.

Согласно Ж. Женетту, перитекст обозначает дискурсивные жанры, которые окружают текст в рамках одного издания, тогда как эпитекст обозначает все произведения, которые находятся за пределами данного издания. Следовательно, паратекст – это гетерогенный объект. Но все его компоненты предназначены для влияния, манипуляции, убеждения, аргументации и пр., независимо от того, осуществляются эти процессы сознательно или неосознанно.

Ж. Женетт выявляет пространственные, темпоральные, сущностные, прагматические, функциональные характеристики паратекста. Пространственные характеристики позволяют определить его местоположение (вопрос: где?).

Темпоральные характеристики обозначают время появления и исчезновения паратекста (вопрос: когда?). Сущностные характеристики определяют подход к анализу элементов паратекста (вопрос: как?). Прагматический и функциональный статус паратекста является важнейшей характеристикой, требующей изучения (вопросы: для чего это нужно? от кого? кому?).

Ж. Женетт трактует паратекст как “a certain number of verbal or other productions, such as an author's name, a title, a preface, illustrations, etc... the paratext is what enables a text to become a book and to be offered as such to its readers and, more generally, to the public” («набор вербальных и невербальных элементов (имя автора, название, предисловие, иллюстрации и др.), позволяющих книге стать книгой и быть представленной своим читателям, и, в более широком смысле, публике») [Genette, 1997: 1]. По мнению Ж. Женетта, паратекст – это “more than a boundary or a sealed border, the paratext is, rather, a *threshold*, or – a word Borges used apropos of a preface – a ‘vestibule’ that offers the world at large the possibility of either stepping inside or turning back. It is an ‘undefined zone’ between the inside and the outside, a zone without any hard and fast boundary on either the inward side (turned toward the text) or the outward side (turned toward the world's discourse about the text), an edge, or, as Philippe Lejeune put it, ‘a fringe of the printed text which in reality controls one's whole reading of the text’ («Паратекст – это не предел или граница, а скорее *порог* (*seuil*), по Борхесу – “вестибюль”, предлагающий либо войти внутрь, либо повернуть назад. Это “нейтральная полоса” между тем, что внутри и тем, что снаружи ... полоса без видимых и четких границ как снаружи, так и внутри, край, как назвал его Филип Лежен, периферия печатного текста, которая на самом деле целиком определяет прочтение текста») [Там же, с. 2–3].

Исследуя паратекст, Ж. Женетт впервые высказывает мысль о том, что перевод может быть приравнен к паратексту. В работах современных исследователей данная идея не нашла развития, т.е. наряду с понятием паратекст существует понятие параперевод. Их современная трактовка будет рассмотрена ниже.

Ученый полагает, что перевод-паратекст выполняет функцию комментария к основному тексту (‘serves as commentary on the original text’) [Там же, с. 405]. С

нашей точки зрения, перевод как комментарий или перевод как паратекст есть лишь одна из возможных разновидностей параперевода. В этой трактовке параперевода мы солидаризируемся с турецким исследователем Ш.Тагир Гюрчаклар [Tahir Gürçağlar, 2013]. Кроме того, Ж. Женетт трактует перевод как вид гипертекстовой деятельности – ‘transposing a text from one language into another’ – функция которой состоит в том, чтобы «перенести текст из одного языка в другой» [Genette, 1997: 214].

В связи с тем, что предметом нашего исследования являются переводческие предисловия, важно отметить понимание данного жанра паратекста в концепции Ж. Женетта. Ученый определяет предисловие как любой тип вводного текста, расположенный до или после основного текста. Автор выделяет три типа предисловия: авторское, вымышленно-авторское (написанное от лица другого человека или персонажа) и предисловие-аллограф (написанное третьими лицами): критиком, редактором, издателем, переводчиком и пр.

Согласно Ж. Женетту, авторское предисловие, написанное самим автором к его первой публикации или к первому переводу текста на другие языки, ученый обозначил как оригинальное предисловие, основную функцию которого он определяет следующим образом: “to get the book read and to get the book read properly” («заставить прочитать книгу и прочитать ее правильно») [Там же, с. 197]. Оригинальное предисловие содержит пояснения о том, как и почему было создано данное произведение, как его читать, в чем его значимость, новизна, какова его жанровая принадлежность и целевая аудитория. Такие предисловия пишут обычно к оригинальным изданиям и включают как в текст оригинала, так и в текст перевода. Вымышленно-авторское предисловие предназначено для того, чтобы выразить авторскую точку зрения в ином ракурсе, скрыть от предполагаемого читателя его собственные намерения. Предисловие-аллограф написано третьим лицом (‘by a wholly different (third) person’), на язык которого выполнен перевод, и которому эта функция и привилегия делегирована автором/издателем [Там же, с. 197]. Женетт определяет их как ‘the two people responsible for the text and the paratext’ – «двух лиц, ответственных за текст и паратекст»), к числу которых относится переводчик [Там

же, с. 9]. Ж. Женетт подчеркивает, что предисловие-аллограф написано на языке перевода, оно выполняет те же функции, что и авторское предисловие. Исходя из описания ученого, можно предположить, что его функции гораздо шире, т.к. оно включает в себя информацию об авторе, о тексте произведения, о процессе выполнения перевода данного произведения, о той социально-культурной значимости, которую данное произведение выполняет в родной культуре, и которую оно может приобрести в принимающей культуре.

В связи с тем, что проблематика диссертационного исследования сконцентрирована вокруг функций переводческого предисловия/послесловия, представляется важным привести суждения ученого относительно функций предисловия-аллографа, а именно:

1. Функция презентации текста – представление информации об авторе, о произведении, об его жанровой принадлежности и литературной традиции;
2. Функция рекомендации для прочтения, реализованная экспертом, “whose reputation is more firmly established than the author’s” («чья репутация гораздо более прочна, чем репутация автора») [Там же, с. 268].

Во второй главе исследования будут представлены другие функции переводческого предисловия.

Современные англоязычные и франкоязычные европейские ученые и их азиатские коллеги – испанский исследователь Ж.Ю. Фриас, турецкий лингвист Ш. Тагир Гюрчаклар, канадский исследователь И. Билодо, английский ученый Э. МакРэй, швейцарский исследователь Л. Хьюсон, румынский лингвист Р. Димитриу, японские исследователи А. Мицуна и А. Янабу и др., развивая концепцию Ж. Женетта, подчеркивают стратегическую роль переводческого предисловия, позволяющего переводчику вступить в контакт с читателем, благодаря чему переводчик из «невидимки» превращается в активного субъекта деятельности [Bilodeau, 2012; Dimitriu, 2009; Frías, 2012; Hewson, 2016; Mcrae, 2012; Mizuno, 2010; Tahir Gürçağlar, 2013; Yanabu, 2010]. В исследованиях зарубежных ученых внимание акцентируется на категории переводчика как субъекте деятельности, в то время как в

исследованиях отечественных ученых исследуется категория языковой личности переводчика, что будет рассмотрено нами в отдельном параграфе.

Здесь же подчеркнем мысль Ж. Женетта о том, что в текст предисловия переводчик может включать собственные комментарии и критические замечания; при этом он перестает быть «голосом» автора текста, а приобретает собственный голос. В результате предисловие перестает быть аллографом и становится полноценным паратекстом, созданным переводчиком.

Так возникает проблема двойственной, противоречивой природы переводческого предисловия, о чем размышляет турецкий лингвист и переводчик Шехназ Тагир Гюрчаклар (Şehnaz Tahir Gürcağlar) в своей работе “Agency in Allographic Prefaces to Translated Works: An Initial Exploration of the Turkish Context” [Tahir Gürcağlar, 2013]. Рассмотрев аргументы Ж. Женетта и изучив все аспекты авторского и переводческого предисловия, ученый пишет: “Therefore, in my view, these prefaces can be handled separately in a category of their own and be added as an additional fourth category to Genette’s tripartial classification” («Таким образом, по моему мнению, эти предисловия (*переводческие предисловия* – пояснение наше – *Н.П.*) можно выделить в отдельную категорию и добавить к классификации Женетта в качестве дополнительной четвертой категории к трехчленной классификации Женетта») [Там же, с. 5].

С точки зрения турецкого исследователя, переводческое предисловие и/или любое предисловие-аллограф играет особую роль во взаимодействии текста перевода и читателя, т.к. автор предисловия не только представляет текст читателю, но формирует рецепцию перевода целевой аудиторией. Следовательно, предисловие не всегда можно рассматривать в качестве второстепенного паратекста, как на это указывает Ж. Женетт.

Лэнс Хьюсон в своих исследованиях также указывает на роль паратекста в объяснении читателю текста оригинала и обеспечении быстрого доступа к смыслу текста [Hewson, 2016: 12].

Проблема паратекста, включая исследование переводческих предисловий и переводческих комментариев, широко дискутируется в настоящее время

зарубежными учеными [Bardají, Dimitriu, 2009; Orero, Rovira-Esteva, 2012; Kovala, 1996; McRae, 2012; Norber, 2012, Tahir Gürcağlar, 2013].

Воззрения на функции переводческого предисловия изложены в работе румынского исследователя Родики Димитриу [Dimitriu, 2009]. Автор выделяет три функции:

1. объяснительная (the explanatory function) с целью разъяснения читателю перевода (‘explaining the translation for the readership.’);

2. нормативно-прескриптивная (the normative/prescriptive function) с целью дать инструкции и указания для других переводчиков (‘providing instructions and guidelines for other translations.’)

3. информативно-дескриптивная (the informative/descriptive function) с целью предложить дополнительную информацию относительно текста оригинала, автора и социально-культурных особенностей текста (offering information regarding the source text or the socio-cultural contexts.’) [Там же, с. 195–201].

Румынский исследователь обращает внимание на несомненную ценность переводческого предисловия для экстраполирования информации о процессе перевода, для уточнения точки зрения переводчика на перевод, для установления иерархии автора текста, переводчика и читателя, для понимания ментальной картины мира переводчика, принадлежащего к той или иной культурной эпохе [Там же, с. 201].

Интересные наблюдения по поводу переводческого предисловия предлагает Изабель Билодо (Isabelle Bilodeau), лингвист-исследователь из университета г. Нагойя (Япония). В своей работе “Discursive Visibility: Quantifying the practice of Translator Commentary in Contemporary Japanese Publishing” автор акцентирует внимание на традиции написания переводческого предисловия и послесловия (yakusha atogaki) как неотъемлемой части японской культуры [Bilodeau, 2012]. Ученый определяет место, которое занимает послесловие в переводном дискурсе, и частотность, с которой оно присутствует в современной японской издательской культуре. Исследователь приходит к выводу, что yakusha atogaki чаще всего

присутствуют в первых и повторных переводах классики и в современной переводной художественной литературе – так называемых «элитных бестселлерах». При этом они менее распространены или практически отсутствуют в переводах популярных бестселлеров и детской иллюстрированной литературы. Исследователь подчеркивает, что *yakusha atogaki* для японского переводчика всегда служили инструментом связи с читателем, обозначали его неперемнное присутствие и предоставляли возможность высказывать собственное мнение и продвигать свой социальный статус. В культуре, подобной японской, размещение переводческого паратекста после основного является нормой уважения к автору, равно как и проявление уважения к переводчику через неоднократное упоминание о нем в перитексте. Изучению этого аспекта посвящены работы других японских исследователей [Mizuno 2010; Yanabu, 2010].

Среди зарубежных ученых, исследующих метатекст с позиции переводческой стратегии, можно выделить Дж. Лейти, Э. Макрей (Великобритания), Ш. Тагир Гюрчаклар (Турция), У. Ковала (Финляндия) и др. [Tahir Gürçağlar, 2002; Kovala, 1996; Lathey, 2006; Mcrae, 2012]. Все они подтверждают создание метатекста как осознанный выбор переводчика. В частности, Дж. Лейти в своей работе “The Translator Revealed. Didacticism, cultural mediations and visions of the child reader in translators’ prefaces”, посвященной изучению метатекста в английской переводной детской литературе, отмечает, что сравнительное изучение исходных и переводных текстов указывает на кропотливую работу переводчика не только по подбору лексико-грамматических соответствий, но и адаптации контекста оригинала к социокультурной модели принимающего языка [Lathey, 2006]. По мнению Лейти, этим могут быть объяснены опущения, добавления и комментарии в тексте. Ученый уделяет особое внимание предисловию к переводной детской литературе, так как, с его точки зрения, переводческое предисловие к детскому произведению, кроме основных функций оправдания перевода и презентации его читателю, несет другие смысловые нагрузки: 1) указание на педагогическую ценность произведения и 2) «примирение» трех сторон – детей, родителей и учителей – в

возможном конфликте восприятия содержания произведения. Согласно Лейти, переводчик детской литературы особенно тщательно прогнозирует восприятие произведения юным читателем. Исследователь подчеркивает, что именно метатекст, созданный переводчиком, не только во многом обеспечивает успех переводного произведения в принимающей культуре, но способен создавать определенное стереотипное отношение к культуре переведенного произведения, например, элиминировать или, наоборот, подчеркнуть элемент чужеродности, вдохновить читателя на исследование иноязычного феномена или создать в его сознании неверный застывший образ «чужого». Об этом же говорит Ш. Тагир Гюрчаклар в своей работе “What Texts Don’t tell. The Uses of Paratexts in Translation Research” [Tahir Gürçağlar, 2002]. Турецкий исследователь также связывает создание и содержание переводческого метатекста с осознанной стратегией переводчика и/или издателя. По мнению ученого, переводческое предисловие может быть сознательно использовано для привнесения определенного геополитического или пропагандистского элемента в условия адаптации иноязычного произведения в принимающей культуре.

Западноевропейские исследователи также связывают присутствие или отсутствие предисловия/послесловия с литературным статусом оригинального текста и статусом издателя или издания, публикующего перевод, а также с жанровой принадлежностью произведения.

Проблема ответственности автора и издателя дискутируется в работах другого французского ученого Филипа Лана, который включает в паратекст, кроме вышеназванных компонентов, обложку книги, все виды аргументации, принадлежащие преимущественно издателю, а также рекламные кампании и каталоги [Lane, 1991]. Совокупность паратекстов определяется автором как паратекстуальные произведения (*productions paratextuelles*) [Там же, с. 99].

В целом, исследования зарубежных ученых разграничивают, во-первых, паратексты автора, во-вторых, паратексты издателя.

В 2010 г. университет Барселоны (*Universitat Autònoma de Barcelona*) в рамках 7-й международной конференции по переводу (7th International Conference

on Translation) выпустил сборник “Paratextual Elements in Translation”, состоящий из десяти статей, написанными наиболее известными современными исследователями паратекста Х.Ю. Фриасом, Н. Кансу-Йеткинер, Л. Октар, Э. Макрей, У. Нордбергом, М. Стратфорд, М.Л. Уордл и др. (José Yuste Frías, Neslihan Kansu-Yetkiner, Lütfiye Ohtar, Mary Louise Wardle, Ellen McRae, Ulf Norberg, Madeleine Stratford) [Frias et al, 2010].

Оценивая в целом статьи, опубликованные в сборнике, отметим, что они отражают современные подходы к изучению паратекста, акцентируя внимание на функциональной значимости паратекста для успешности рецепции перевода исходного текста. Согласно результатам данных исследований, паратекст, по отношению к транснациональным явлениям и культурам, является локальным порождением и неотделим от культурного и социально-политического контекста. Он оказывает несомненное влияние на особенности рецепции переводной литературы и выступает инструментом формирования национальных образов и стереотипов в принимающей культуре. В случае повторного перевода одного и того же литературного произведения, каждый перевод локализован в соответствии с той исторической и социально-культурной обстановкой, которой принадлежит переводчик. При этом, по мнению ученых, сам переводчик становится элементом паратекста [Wardle, 2012].

Другой опубликованный сборник трудов “Children's Literature in Translation: Challenges and Strategies” под редакцией Я.В. Колли и У. Вершуерена (J.V. Coillie и W.P. Verschueren) посвящен исследованиям паратекста в переводах детской литературы. По мнению авторов, для детей, не владеющих иностранными языками, переводчик и созданный им перевод и паратекст – единственный путь установления контакта с иноязычной культурой [Coillie, Verschueren, 2006].

Лингвокультурные аспекты паратекста дискутируются в исследованиях Ричарда Ватта [Watt, 2000]. По мнению исследователя, паратекст как норма издательской и литературной культуры создает интерпретационный фрейм переведенного произведения и диктует нормы восприятия данного произведения обществом в целом. Исследователь пишет: “Whether explicitly or implicitly, the

literary institution — the network composed of publishers, critics, and, to some degree, authors that enforces the cultural traditions of the literary world—dictates the form that the *outside* of the literary text will take, directing the text toward a particular readership and a particular interpretation. From design elements such as the raised foil-leaf lettering of much trade fiction published for the North American market to less superficial paratextual interventions such as Jean-Paul Sartre’s ‘preface’ to Jean Genet’s complete works that runs at more than 500 pages, the paratext exists to capture readers and influence the work’s reception” («Явно или скрыто литературные институты – сообщества издателей, критиков, и, до некоторой степени, авторов, навязывающие культурные традиции внутри литературного мира, диктуют форму, которую текст примет вне этого мира, направляя этот текст определенному читателю в определенной интерпретации. От дизайна блестящих выпуклых заголовков романов для североамериканского рынка до менее поверхностных интервенций паратекста, таких как “предисловие” Ж.-П. Сартра к полному изданию Жана Жене, занимающее более 500 страниц, паратекст существует, чтобы захватить внимание читателя и повлиять на восприятие произведения») [Watt, 2000: 2]. Как видим, расхождения в трактовках паратекста, выдвигаемых разными учеными, простираются и на объем паратекста, который занимает, в некоторых случаях, 500 страниц.

Турецкие и румынские ученые обращают внимание на то, что содержание паратекста может включать самую разнообразную информацию, которая может быть использована как в собственно переводческой, так и в метапереводческой деятельности [Dimitriu, 2009; Tahir Gürçağlar, 2002].

Оценивая в целом работы западноевропейских ученых, можно сделать вывод, что они развивают основные положения концепции паратекста и параперевода Ж. Женетта, анализируют лингвистические и лингвокультурные аспекты паратекста, его роль в презентации перевода и управлении пониманием читателя.

1.2.2 Концепция метатекста и метапереводческой деятельности в отечественной лингвистике

Проблема метакогнитивных аспектов перевода рассматривается в трудах В.Б. Кашкина, имеющих непосредственное значение для проводимого нами исследования. Впервые в отечественной лингвистике было обращено внимание исследователей на то, что переводческая деятельность не является изолированной сферой интеллектуального производства в обществе, а неким континуумом идей, мнений и взаимных действий познающего и действующего субъекта, создающего особую социальную сеть.

В.Б. Кашкин рассматривает переводческую деятельность как целостный процесс интеллектуального производства, к которому присоединяются, и в который вплетаются процессы оценки и самооценки, размышления о чужом и собственном переводе, советы, указания другим переводчикам и др. Идея метакогнитивного подхода реализуется в исследованиях В.Б. Кашкина в сочетании с метакоммуникативным подходом к деятельности переводчика. По мнению ученого, метакоммуникативный аспект перевода отражает индивидуальность языковой личности переводчика как субъекта межкультурной и межъязыковой коммуникации: особенности его менталитета, его эмоционально-чувственной и волевой сферы, его ассоциации, импликации, коннотации и пр. [Кашкин, 2009].

Ученый рассуждает о том, что помимо собственно выбора переводческих решений и оформления текста перевода, в процесс взаимодействия включаются размышления о переводе, мониторинг и автомониторинг, оценка перевода и пр. В связи с этим В.Б. Кашкин формулирует свою трактовку метапереводческой деятельности, обладающей метакогнитивными и метакоммуникативными свойствами: «Метапереводческая деятельность, как и предполагает приставка “мета-“, это взгляд на перевод “со стороны” или “в зеркало”» [Там же, с. 230]. В сознании каждого переводчика, начинающего или опытного, всегда присутствует «зеркало», желание знать, как выполнен перевод, т.е. метапереводческая деятельность. Ученый обращает внимание на существование обширного поля метапереводческой деятельности, включая в нее следующие компоненты:

- обыденные представления о переводе, как со стороны переводчика, так и со стороны заказчика;
- обоснованные профессиональной компетенцией представления начинающего переводчика о переводе;
- параметры оценки перевода как собственного, так и чужого;
- комментарии и примечания переводчика;
- общественные представления о переводческой деятельности;
- предрассудки и мнения о переводе;
- анкетирование и интервьюирование переводчика.

В.Б. Кашкин выделяет следующие **жанры метаперевода**: вступительные статьи к переводам (предисловия); заключительные статьи к переводам (послесловия); внутритекстовые примечания; послетекстовые примечания переводчика; примечания редактора; критические статьи; воспоминания переводчиков; художественная литература или фильмы, в которых упоминается перевод; размышления о переводе в прессе; блогосфера и форумы [Там же, с. 230–243.]

В рамках диссертационного исследования при выборе направления исследований мы основывались на жанровой дифференциации, предложенной В.Б. Кашкиным, что позволило нам подойти к изучению такого жанра метапереводческой деятельности как переводческое предисловие и переводческое послесловие. Исследовательская задача заключается в том, чтобы рассмотреть метапереводческую деятельность в дискурсивном аспекте, что мы обозначили как метадискурсивная деятельность переводчика.

Важной представляется идея ученого о том, что метапереводческая деятельность должна быть изучена в широком межсемиотическом подходе, направленном на изучение разнообразного материала, созданного переводчиками или посвященного переводчикам, т.е. является неотъемлемой частью целостного процесса общественного интеллектуального производства, в котором переводчик и его продукт существуют в «едином континууме идей и мнений» [Там же, с. 231].

Работы В.Б. Кашкина в области метакогнитивных исследований перевода послужили основанием развития теории метапереводческой деятельности отечественных ученых, которые будут рассмотрены в следующем параграфе.

Как показал анализ литературы, современные отечественные ученые считают, что метакоммуникативная деятельность переводчика, т.е. создание переводческого предисловия, послесловия, комментариев и других жанров метаперевода, обуславливает пояснение авторского текста для потенциальных читателей, что оказывает положительное влияние на протекание когнитивных процессов принятия литературного произведения носителями другого языка и другой культуры: «Лингвокультурные особенности текста оригинала, совокупность отраженных в нем материальных и духовных ценностей, характерных для той или иной культуры представляют собой вызов читателю» [Виноградов, 2004: 235].

Современные российские исследователи М.Ю. Авдониная, О.А. Бурукина, Н.И. Жабо в работе «Индивидуальное коннотативное поле текста», рассматривают переводчика как «продукт соприкосновения и взаимодействия двух культур, способного трактовать сокровенные смыслы с точки зрения языка и культуры оригинала» [Авдониная, Бурукина, Жабо, 2007: 5]. Мы полагаем, что «сокровенные смыслы», о которых пишут ученые, переводчик выражает не только и не столько в самом переводе, сколько в ходе метапереводческой деятельности в процессе осмысления перевода; не только в переводческом пространстве, но и в «околопереводческом пространстве», где протекает его метапереводческая деятельность.

Особый интерес приобретают результаты исследования Н.В. Захаровой «Роль комментируемого слова в проекции текста читателем», выполненного под руководством проф. Т.М. Рогожниковой [Захарова, 2014]. В работе исследуется роль комментариев к лакунизированным словам в понимании переводных текстов читателем. Комментарий переводчика рассматривается автором как метатекст, или метатекстовая организация информации, признанная оптимальной переводческой стратегией экспликации пресуппозитивного знания за пределами текста. По мнению автора, метатекстуальность комментария снимает линейность

его восприятия и сближает его с гипертекстом, а переводчик как профессиональный билингв, является не только мыслящим, но и чувствующим субъектом, способным спрогнозировать трудности реального читателя-инофона и создавать «читательскую проекцию текста в том направлении, в каком хотел направить читателя автор оригинала» [Там же, с. 10].

Идея формирования читательской проекции текста перевода релевантна для любого жанра метапереводческой деятельности, включая исследуемые в диссертации предисловия и послесловия переводчика.

Анализируя значение и природу метатекста, Н.В. Захарова приходит к выводу, что метатекст, принадлежащий автору перевода и являющийся посторонним по отношению к автору текстом, стремится слиться с финальным текстом, предъявляемым читателю перевода, а метакоммуникативные дополнения во многом объясняют процесс самого перевода, его трудности и неоднозначные решения, которые должен принимать переводчик [Там же].

Т.Г. Пшёнкина рассматривает деятельность переводчика как субъекта, который занимает центральное место в моделировании процесса перевода. Вероятно, отдельные этапы моделирования процесса перевода могут найти отражение в метапереводческой деятельности, представленной в таких жанрах как предисловие и послесловие [Пшёнкина, 2005].

По мнению Ю.В. Гарусовой, переводчик, принимая во внимание возможный сценарий восприятия его перевода читателем, выбирает определенную осознанную переводческую стратегию транспонирования литературного произведения «для читателя» [Гарусова, 2007].

В связи с тем, что методологическим основанием проводимого исследования является концепция переводческого пространства, разработанная Л.В. Кушниковой, мы акцентируем внимание на поле реципиента, в котором формируется рефлексивный смысл. В свете вышеизложенного, поле реципиента формируется под влиянием контекста, т.е. фоновых знаний адресата. В лингвистических исследованиях (О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет и др.) существует понятие вертикального контекста, включающего в себя объективно заложенную историко-

филологическую информацию: реалии, цитаты, идиоматику, аллюзии и пр. Вертикальный контекст может быть расшифрован на основе фоновых знаний, отсутствующих у представителей принимающей культуры. Как пишет Н.Д. Арутюнова, переводчик должен принимать во внимание фактор адресата [Арутюнова, 1981]. Очевидно, что именно метатекст в виде предисловия/ послесловия компенсирует уровень подготовки реципиента. Иными словами, если в тексте перевода переводчику не удалось гармонизировать рефлексивный смысл поля реципиента с другими имплицитными смыслами, то, создавая метатекст как элемент текстового комплекса, он обеспечит полноценное восприятие текста перевода, результативность которого может оценить только адресат.

Современные культурно-ориентированные концепции перевода рассматривают текст как явление культуры, а процесс перевода как «новую жизнь текста» в иной культурной среде. Процесс перевода рассматривается как транспонирование (переключение) произведения из одного языка в другой [Базылев, 2000]. Данный подход отражает так называемый культурологический парадокс перевода – необходимость сохранить и передать иноязычный и инокультурный колорит произведения в процессе перевода.

Проблему лингвокультурного парадокса перевода рассматривал А.Д. Швейцер, по мнению которого перевод бикультурен, и, даже адаптируясь к принимающей культуре, он не может и не должен разрывать связь с исходной культурой. Переводчик, в силу данных обстоятельств, вынужден принимать компромиссные решения, в основе которых лежит необходимость элиминировать противоречия между культурами текста оригинала и текста перевода. [Швейцер, 1994]. Создавая переводческое предисловие/послесловие, переводчик нацелен, прежде всего, на устранение лингвокультурного парадокса, только в этом случае ему удастся создать гармоничный текст перевода, который станет достоянием другой культуры. В свою очередь, некачественные переводы можно отнести к дисгармоничным, т.к. они создают дополнительные лингвокультурные парадоксы, что приводит к коммуникативным сбоям и непониманию коммуникантов. Аналогичная мысль высказывается В.Н. Карпухиной,

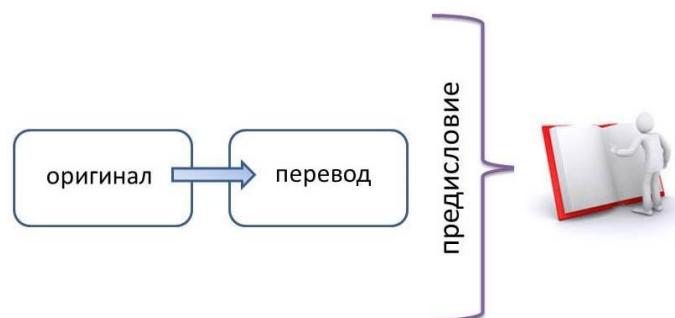
отмечающей, что переводчик не только «пересоздает» текст на другом языке, но и обозначает его включенность в другую культуру, указывая на значимые различия и особенности [Карпухина, 2010: 120].

Несмотря на то, что в отечественной лингвистике утвердились термины «метатекст», «метаперевод», ряд ученых используют термины «паратекст» и «параперевод», что объясняется их обращением к изучению англоязычной и франкоязычной научной литературы. Так, в работе Л.Г. Викуловой, исследующей французскую сказку, используется понятие паратекста. В своем исследовании авторского и издательского паратекста французской сказки ученый утверждает, что изучение «проблемы паратекста неизбежно подводит к понятию текста как особой лингвистической единицы, структурированной из основного текста произведения и паратекста в единый текст литературного произведения, который рассматривается как коммуникативное явление в дихотомии текст–дискурс» [Викулова, 2001]. Исследователь выстраивает 4-х ярусную текстообразующую парадигму иерархических подсистем и приходит к выводу, что комплекс паратекста и текста самого произведения образуют коммуникативную единицу высшего порядка, являющуюся семантически, структурно и функционально законченным целым. Автор рассматривает паратекст как неотъемлемую структурную составляющую сложной архитектоники литературного произведения, а предисловие и комментарий – как стратегическую составляющую коммуникативного взаимодействия автора, издателя и адресата.

А.А. Гаврилова видит роль метатекста и метатекстовых компонентов (вербальных и невербальных) в управлении пониманием читателя научного текста [Гаврилова, 2009].

Следовательно, предисловие как метаперевод представляет собой новый текст, и для будущего читателя он становится своего рода «промежуточным» текстом, между исходным, иноязычным, и конечным, созданным на родном языке.

Данный процесс можно представить схематически следующим образом.

Рассмотрим созданную нами схему на примере предисловия А. Сергеева к первому переводу стихов Леса Меррея (Австралия) на русский язык, опубликованному в журнале «Иностранная литература» в 1998 г. (Меррей, 1998: 5). Переводчик вступает в коммуникацию с читателем («Существует мнение, что..., Есть и другое мнение..., Сам поэт согласен..., Добавлю, что...»), объясняя значимость Леса Меррея в современной мировой литературе и индивидуальность его сюжетной тематики, подкрепляя свою точку зрения цитатами из современной периодики и литературной критики, например, известных отечественному читателю И. Бродского и Ш. Хини (Там же, с. 5). Это указывает на то, что переводчик провел обширное исследование в области современной англоязычной поэзии, литературной критики и социально-культурных особенностей австралийской литературы. Приводя некоторые биографические факты из жизни поэта, переводчик акцентирует внимание на престижной премии Т.С. Элиота, полученной Мерреем незадолго до времени публикации перевода, и высказывает предположение о возможном получении поэтом Нобелевской премии в ближайшем будущем. Далее переводчик называет Меррея «единственным наследником поразительного расцвета австралийской поэзии тридцатых», характеризует его манеру как сложную и богатую, подчеркивая, что поэт сложен для чтения и тем более для перевода (Там же). Таким образом, переводчик не только вводит возможного читателя в мир Л. Меррея, но и через свои комментарии прогнозирует и моделирует восприятие текста перевода, обозначая возможные вызовы читателю и переводчику. В целом, предисловие А. Сергеева охватывает оба текста, наполняется новыми смыслами путем привнесения новой информации, культуросообразования текстов оригинала и

перевода, расшифровки смыслов автора, отражения собственной точки зрения переводчика, его ментальной картины видения авторского текста, что обуславливает успешную рецепцию переведенного текста читателем.

Таким образом, работы российских ученых в области метакогнитивных исследований перевода развивают теорию метапереводческой деятельности, предложенную В.Б. Кашкиным, освещая различные аспекты метаперевода и роли переводчика как субъекта коммуникации.

1.3 Феномен языковой личности с позиций когнитивного подхода

1.3.1 Теория языковой личности в когнитивном аспекте

Современная антропоцентрическая парадигма перевода обращена к изучению переводчика как субъекта деятельности, как активной, мыслящей языковой личности, что привело к расцвету когнитивного переводоведения, исследующего когнитивные механизмы перевода. Процессы переводческой деятельности, равно как и процессы метапереводческой деятельности, совершаются в сознании переводящей личности, переводящего субъекта. Поэтому представляется правомерной систематизация воззрений ученых на понимание феномена языковой личности переводчика, что будет рассмотрено в данном параграфе.

Впервые термин языковая личность был введен В.В. Виноградовым в 1930 г. в работе «О художественной прозе» [Виноградов, 1930] и позднее был разработан с точки зрения когнитивной лингвистики Г.И. Богиным [Богин, 1984], который под языковой личностью, прежде всего, понимал человека как носителя языка и его способности к речевой деятельности.

Термин «языковая личность» вошел в научный лексикон после публикации Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [Караулов, 1987]. Структура языковой личности по Караулову складывается из трех уровней:

1) вербально-семантического, дающего представление о владении языковой личностью системой языка;

2) когнитивного, содержащего понятия, идеи, представления, складывающиеся в картину мира;

3) прагматического, включающего цели, мотивы, интересы, оценки, проявляющиеся в речевой деятельности.

Ученый определяет языковую личность как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание им речевых произведений (текстов)» [Караулов, 1989: 3-8].

Другие исследователи также включают в содержание изучаемого явления ценностный, культурологический и личностный компоненты [Карасик, 2004]. По мнению ученых, ценностный и мировоззренческий компоненты формируются в процессе воспитания человека и формируют его систему жизненных принципов и смыслов. Язык служит призмой, через которую человек усваивает представления, формирующие национальный характер, и одновременно инструментом для реализации сложившейся языковой картины мира через языковую коммуникацию. Культурологический компонент основан на усвоении культурных норм того социума, в котором живет эта личность. Личностный компонент является отражением индивидуальных характеристик каждой конкретной личности.

В.А. Маслова следующим образом характеризует уровневую модель языковой личности: «Уровневая модель языковой личности отражает обобщенный тип личности. Конкретных же языковых личностей в данной культуре может быть множество, они отличаются вариациями значимости каждого уровня в составе личности» [Маслова, 2001: 119].

Идея о том, что проекция текста отражает результат понимания, сформировавшегося у индивида, одним из первых была высказана А.А. Леонтьевым, который рассматривает создание текста перевода как соотнесение проекции текста с образом содержания текста, трактующего понимание текста как процесс перевода смысла в другую форму его закрепления [Леонтьев, 1997].

Эта идея получила дальнейшее развитие в разработанной В.Б. Кашкиным факторной модели перевода, которая основана на принципе взаимной переводимости языков и посреднической деятельности переводчика: процесс

перевода проходит определенные точки выбора, когда переводчик принимает решение о необходимости перевода той или иной единицы, ее смыслового развития или замены [Кашкин, 2002].

Н.В. Захарова, также опираясь на факторную модель перевода, подтверждает главенствующую роль переводчика в процессе воссоздания текста оригинала на языке перевода, так как от него зависит интерпретационная составляющая текста перевода, его языковое и стилистическое оформление [Захарова, 2014].

А.А. Залевская [Залевская, 2001] исходит из трудностей разграничения восприятия и понимания, поскольку смысловое восприятие речевого сообщения имеет своим результатом понимание/непонимание этого сообщения. Ученым была разработана психолингвистическая концепция понимания текста, которая, по нашему мнению, согласуется с концепцией метапереводческой деятельности как когнитивного процесса и основана на центральной роли переводчика в процессе транспонирования иноязычного текста в иноязычную культуру и роли переводчика-медиатора в аппроксимации восприятия перевода читателем-инофоном и ассимиляции перевода в иноязычную культуру.

Н.Л. Галеева [Галеева, 2002] рассматривает перевод как сложную речевую мыследеятельность. Автор характеризует художественный текст как содержательно трудный и считает, что причиной переводческих неудач является именно непонимание текста оригинала. По ее мнению, переводчик может успешно преодолеть языковые трудности, сняв при этом некоторые сложные обороты и некоторую стилистическую неправильность оригинала. Однако такой перевод теряет большинство смыслов оригинала и не является достоверным. Переводчик, по мнению ученого, должен не только понять текст оригинала, но и организовать текст перевода таким образом, чтобы он содержал аналогичные трудности понимания, т.е. понимался аналогичным образом реципиентами принимающей культуры [Галеева, 2002]. Автор отмечает, что художественность текста определяется мерой рефлексии, а достоверный переводной текст содержит «зацепки» для рефлексии и трудности оригинала.

И.Э. Клюканов, анализируя адаптивный и резистивный механизмы перевода, также указывает на то, что в творческом процессе перевода переводчик во время ментальной обработки поступившей информации никогда не ограничивается лишь лингвистическим материалом [Клюканов, 1988]. По мнению ученого, любой компонент смысла может попасть в его концептуальную систему благодаря разностороннему опыту, памяти, воображению и образам обывденного сознания.

Таким образом, исследование когнитивных механизмов перевода привело ученых к идее более пристального изучения мыслительной деятельности переводчика-субъекта и языковой личности переводчика как межкультурного медиатора, что имеет непосредственное отношение к проблеме изучения метапереводческой деятельности.

1.3.2 Понятие языковой/ речевой/ коммуникативной личности

Обратимся к работе В.В. Красных, которая, наряду с понятием «языковая личность» анализирует понятия «человек говорящий», «речевая личность», «коммуникативная личность». Приведем ее определения:

«Человек говорящий – личность, одним из видов деятельности которой является речевая деятельность. Языковая личность – личность, проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определенной совокупностью знаний и представлений. Речевая личность – личность, реализующая себя в коммуникации и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения... Коммуникативная личность – конкретный участник конкретного коммуникативного акта...» [Красных 2003: 50–51]. Отметим, что подобное разграничение позволяет ученому уделить особое внимание именно языковой личности, т.к.»...именно эта ипостась человека говорящего связана с когнитивными феноменами, актуализирующимися и проявляющимися в процессе коммуникации» [Там же, с. 52].

Современные культурноориентированные концепции перевода смещают акцент на роль переводчика в динамическом процессе взаимодействия культур. Эти концепции рассматривают переводчика как определенный интеллектуально-

эмоциональный тип личности, обладающий специфическим коммуникативным поведением, которое определяется культурными особенностями того общества, к которому эта личность принадлежит [Сорокин, 2003].

Позднее в развитие идей В.В. Виноградова и Ю.Н. Караулова О.Б. Сиротинина ввела в употребление термин элитарной языковой личности [Сиротинина, 1995]. Ученый отмечает: «Носители элитарной речевой культуры владеют всей системой функционально-стилевой дифференциации языка, и каждый функциональный стиль используют без особых усилий, как бы автоматически» [Сиротинина, 1995: 6]. Само понятие «элитарный», согласно трактовке О.Б. Сиротининой, подразумевает лучший, гибкий, наполненный духовно-ценностным содержанием и обладающий безукоризненным выбором средств выражения.

По мнению исследователя, для носителей элитарного типа личности характерно не только «владение всеми стилями речи и соблюдение этических и коммуникативных норм, но и незатрудненное использование соответствующего ситуации и целям общения функционального стиля и жанра речи» [Сиротинина, 2001]. К прочим характеристикам, определяющим элитарный тип, автор также относит активное и пассивное владение достижениями мировой и национальной культур – познания в области материальной культуры (артефакты), представление о шедеврах мирового искусства, гениальных личностях и т. д.; умение мыслить и логично излагать мысли, оперирование прецедентными текстами, имеющими непреходящее мировое значение; готовность постоянно пополнять свои знания, основываясь на авторитетных источниках. Речь носителя элитарной речевой культуры соответствует требуемой в конкретной ситуации функциональной разновидности, национальным нормам вежливости и общения, этическим нормам поведения. Исследователь определяет такую речь как целесообразную, успешную для адресанта и эффективную для адресата [Там же]. Носитель элитарного типа умеет всматриваться и вслушиваться в слово, творчески воспринимает язык, владеет приемами языковой.

К идеальной элитарной языковой личности можно отнести великих мастеров слова, выдающихся ученых, в частности Д.С. Лихачева [Романова, 2006]. Речь

носителя элитарной языковой личности насыщена прецедентными высказываниями, в процессе коммуникации он умеет переключаться с одних стилей языка на другие, т.е. обладает полиглоссностью, рефлексивен над словом и др. [Крысин, 2001].

Проведенные исследования свидетельствуют о многослойности и многоаспектности элитарной языковой личности. В этом ключе интересным представляется исследование М.С. Силантьевой и совместный труд М.С. Силантьевой и Л.В. Кушнина, посвященный элитарной языковой личности переводчика [Силантьева, 2009; Кушнина, Силантьева, 2010].

По мнению ученых, элитарная языковая личность, или носитель элитарной речевой культуры – это «индивид, владеющий всеми нормами литературного языка, выполняющий все этические и коммуникативные нормы, или индивид, стремящийся быть таковым» [Там же, с. 74]. Важнейшим компонентом элитарной языковой личности является культурологическая составляющая. Таким образом, переводчик, профессиональный билингв, владеющий речевыми и культурными нормами нескольких культур и способный преобразовать текст одной языковой культуры в другую таким образом, что смысл оригинала оказывается соразмерным и гармоничным смыслу перевода, определяется исследователями как элитарная языковая личность. Основной задачей переводчика, профессионального билингва, является гармоничный перевод иноязычного текста. В отличие от рядовых читателей – непрофессиональных билингвов, которые читают «для себя», переводчик прочитывает и переводит его для потенциального реципиента, не владеющего языком оригинала. Именно поэтому переводчик создает больше, чем автор. Он наращивает авторский текст метатекстом с целью преодолеть препятствия возможного непонимания или недостаточного понимания текста потенциальным читателем-инофоном.

В связи с этим задача переводчика состоит в поиске способов лингвокультурной адаптации текста. Одним из таких способов является метадискурсивная деятельность, расширяющая интерпретационные возможности переводчика. Его деятельность направлена на создание целостно-композиционного

произведения: перевод оригинального текста, сопровождаемый аннотацией, предисловием, комментариями, а также послесловием или критической статьей. Отметим, что в работах М.П. Котюровой эти «сопроводительные» тексты определяются как периферийные, что мы используем в своей работе. В процессе перевода необходима также лингвокультурная адаптация периферийного издательского текста и визуального ряда произведения (иллюстраций внутри произведения и на обложках, адаптация цветового ряда изображений, расположение текста, а в случае с детской литературой – звукового ряда).

Профессиональный переводчик, являясь элитарной языковой личностью, понимает, что решающим фактором его деятельности в процессе перевода иноязычного произведения на язык принимающей культуры является снятие сложностей восприятия инокультурного фона произведения. Принимая этот фактор за отправную точку, переводчик изучает текст оригинала с культурологической точки зрения, акцентируя внимание на возможности адаптации текста к принимающей культуре «внутри текста» и «за текстом». Сущность ассимиляции как отражения национального лингвокультурного колорита произведения выражается в появлении новых смыслов, что побуждает переводчика создать метатекст (предтекст, интертекст, послетекст и др.), предваряющий, дополняющий, поясняющий текст автора. Метатекст не принадлежит ни оригиналу, ни переводу, а является аллографом (т. е. написан либо переводчиком, либо третьим лицом). Вместе с тем он стремится, с одной стороны, слиться с текстом перевода, оправдывая его, с другой стороны, с авторским текстом, дополняя и объясняя его. Метатекст, а, в некоторых случаях, эпитекст (например, печатное или телевизионное интервью, DVD с издательскими интервью, подкаст или видеокаст беседы с автором и/или переводчиком) обогащают понимание читателем основного текста. Создавая подобную переводческую инфраструктуру вокруг текста, переводчик прогнозирует возможности восприятия текста читателем, предвосхищает возможные вопросы и программирует проекцию авторского текста в принимающей культуре.

Эта идея нашла отражение в интервью с ведущими российскими переводчиками. Приведем фрагмент из интервью с Н.С. Мавлевич для «Русского Журнала»:

«...Снова цитата из Лунгиной: “Качество переводчика влияет на качество перевода”. Может быть, это не абсолютная истина. Жадность в переводе, наверное, не чувствуется, а вот непорядочность, высокоглядство, халтура, безусловно, сказываются. Ведь переводчик в себе ищет слова для героев, на себя примеривает их чувства, побуждения. Добрых и благородных авторов не может перевести человек, не обладающий такими качествами. Главное же – добросовестность и порядочность по отношению к тексту. Автор целиком и полностью в руках у переводчика, и тот может пропустить или извратить какое-нибудь непонятное место» (Мавлевич, 2001).

Таким образом, теория языковой личности переводчика выступает одним из методологических оснований проводимого нами исследования, нацеленного на выявление содержания и структуры метадискурсивной деятельности, что будет рассмотрено в следующем параграфе.

1.3.3 Языковая личность переводчика в ее отношении к метатексту

Метапереводческая деятельность может быть изучена в разных аспектах, что позволяет вычленить понятия, содержащие набор различных качественных признаков, среди которых можно выявить как универсальные, инвариантные, так и уникальные, вариативные. В качестве ключевых понятий, характеризующих метапереводческую деятельность, рассматриваются следующие: метатекст, метаперевод, паратекст, параперевод, метадискурс; метаязыковой, метакогнитивный, метакоммуникативный, метадискурсивный.

Метаязыковая функция – одна из ведущих функций языка, которая охватывает все лингвистические учения, посвященные размышлениям о языке с помощью языка, в связи с чем она имеет универсальный характер. Метакоммуникативная функция также отражает универсальные свойства языковой и речевой деятельности субъекта в соответствующей коммуникативной ситуации, в процессе развития того или иного коммуникативного события, в рамках реализации определенного коммуникативного действия. Метакогнитивную деятельность переводчика можно уподобить мониторингу и автомониторингу процесса перевода, размышлениям и оценке переводческой

деятельности. Например, гармония выступает критерием качественного перевода текста, что означает возможность естественного вхождения текста перевода в принимающую культуру. Метакогнитивная деятельность субъектов переводческой коммуникации, включая переводчика, является уникальной для каждой языковой личности. Метапереводческая деятельность включает в себя различные жанры метаперевода, в связи с этим свойства и функции метатекста варьируются в зависимости от жанра метаперевода.

В рамках нашей работы деятельность переводчика изучается с позиций метадискурсивности, которая, в широком смысле, связана с размышлениями субъекта о дискурсе, в частности, о переводческом дискурсе.

Исследование дискурса предполагает, прежде всего, установление его соотношения с текстом: «дискурсивность означает понимание текста не как изолированной единицы, но как составной части метатекстового единства» [Чернявская, 2014: 121]. Ученый поясняет, что дискурс обладает особой семантикой, характеризующейся открытостью текста метасистеме дискурса. Особую значимость приобретает следующая трактовка дискурса: «...коммуникативное событие как интегративная совокупность определенных актов...» [Там же, с. 115].

Можно предположить, что различные коммуникативные акты, образуют разные типы дискурса и соответствующую ему дискурсивную/метадискурсивную деятельность. В переводческом и метапереводческом типах дискурса, ориентированных на гармоничную трансляцию текста перевода в принимающую культуру, особое значение приобретают такие коммуникативные акты как аппроксимация, рецепция, ассимиляция (*approximation, reception, assimilation* – термины G. Lathey), что позволило нам уточнить понятие метадискурсивной деятельности переводчика [Lathey, 2006]. В связи с тем, что данные термины ранее не использовались в русскоязычном научном дискурсе, представляется необходимым уточнить их содержание. В результате проведенного исследования англоязычного переводческого дискурса и дефиниционного анализа терминов представляется возможным в качестве исходного принять следующее положение: аппроксимация соотносится с процедурой выбора, прогнозирования и элиминирования трудностей текста оригинала, рецепция – с процедурой

воспроизведения текста оригинала в виде перевода и предваряет создание метатекста для управления пониманием потенциального читателя, ассимиляция – с процедурой сближения, слияния текста перевода с принимающей культурой, в результате которой читатель-инофон способен самоидентифицироваться с героями и образами произведения, принимая текст перевода как неотъемлемый компонент культуры.

Рассмотрим подробнее метадискурсивную деятельность переводчика, создающего метатекст посредством обращения к одному из жанров метапереводческой деятельности – интервью переводчиков, их размышлениям о своей профессиональной деятельности, их саморефлексии, в рамках которых мы последовательно рассмотрим обозначенные выше коммуникативные акты, что позволит нам подойти к изучению структуры и содержания метадискурсивной деятельности переводчика. Материалом для исследования послужили 87 метатекстов интервью с ведущими переводчиками России, опубликованные в «Русском журнале» (РЖ) в период с 2001 г. по 2003 г.

Аппроксимацию текста мы трактуем как коммуникативный акт, соотносимый с текстом оригинала с целью прогнозирования и элиминирования сложности его восприятия в принимающей культуре. Переводчик проводит исследование текста оригинала, выявляет социально-культурные коннотации, трудно переводимые фрагменты текста, «темные пятна» и пр. В процессе работы переводчик изучает ранее созданные переводы (если таковые имеются) прибегает к помощи информационных ресурсов для снятия трудностей перевода. Аппроксимация текста оригинала предваряет рецепцию текста перевода и прогнозирует создание метатекста.

Рецепция текста перевода рассматривается в исследовании как коммуникативный акт, соотносимый с текстом перевода, нацеленный на воссоздание текста оригинала в принимающей культуре посредством создания текста перевода по форме и содержанию оптимальным для восприятия потенциальным читателем. Рецепция текста перевода предваряет ассимиляцию текста перевода и прогнозирует создание метатекста.

Ассимиляция текста перевода принимающей культурой – коммуникативный акт, соотносимый с текстом перевода и направленный на медиацию между автором и читателем посредством переводчика, осознающего необходимость создания метатекста для управления пониманием потенциального читателя. Ассимиляция текста перевода предваряет создание метатекста, обеспечивая тем самым условия сближения перевода художественного произведения с чуждой ему культурой. Ассимиляция текста перевода выявляет роль переводчика как медиатора между автором и читателем. Переводчик обеспечивает условия сближения перевода художественного произведения с чуждой ему культурой и несет ответственность за создание текста перевода и метатекста.

Очевидно, что 1) каждый коммуникативный акт осуществляется в конкретном коммуникативном пространстве, обусловленном когнитивно и типологически; 2) зафиксирован в письменных текстах и устной речи; 3) их совокупность выражает коммуникативное событие, которое, как мы покажем ниже, лежит в основе метадискурсивной деятельности переводчика. Рассмотрим их подробнее.

Начнем с аппроксимации текста оригинала, нацеленной на прогнозирование его восприятия иноязычным читателем и элиминирование потенциальных сложностей понимания смысла исходного текста для снятия так называемого лингвокультурного парадокса. Как отмечает Д.Ю. Веденяпин, «чем лучше произведение, тем больше оно укоренено в родном языке, воздухе своей страны, ее истории... Словесное искусство все-таки очень национально. Удачный перевод – это чудо. Почему существуют неудачные переводы, как раз понятно, – не получается передать вот этот самый воздух» (Веденяпин, 2001). Переводчик также подчеркивает, что «...переводимое произведение написано не по-русски (иначе зачем бы его переводить?) и это должно чувствоваться, в самом языке должно быть что-то, что показывает, что это перевод. В этом тонкость и мастерство переводчика» (Там же).

С.В. Силакова полагает, что главное – «почувствовать и перенести в другой язык социально-культурные коннотации...» (Силакова, 2002). Переводчик

сравнивает переводчиков с ассенизаторами, «пока они справляются с задачей, их существования никто не замечает» (Там же).

Б.В. Дубин признает необходимость предварительного чтения предыдущих переводов: «Но вообще-то я и обычно читал “конкурирующие” переводы, не видя в том ничего страшного. Если они плохи – попробуй сделать лучше, если хороши – порадуйся и отступишь: зачем делать новый?!» (Дубин, 2000). И.Я. Волевич сравнивает переводчика в процессе его профессиональной деятельности с компьютером, загруженным только «данным языком, реалиями заданной эпохи» (Волевич, 2001). Ю.Я. Яхнина указывает на важность работы с внешними источниками, напрямую не связанными с конкретным произведением: «Когда-то в международном переводческом журнале “Babel” я читала статью Астрид Линдгрэн, которая писала о том, что переводчик должен помнить, что дети той страны, для которой он переводит, выросли в других реалиях. ...Переводчику “взрослой” литературы полезно знать этот детский “фольклор” и детскую литературу страны, которой он занимается, – это помогает лучше понять многие ассоциативные ходы и аллюзии в различных текстах» (Яхнина, 2001).

Д.Б. Волчек полагает, что в эпоху цифровых технологий и компьютерной коммуникации для современного переводчика нет «темных мест»: «... Теперь-то что, когда есть Интернет? Напиши автору, напиши биографу, покопайся в Сети...» (Волчек, 2002). Он также уподобляет свой интерес к автору любопытству папарацци: «...мне всегда хочется забраться в дом писателя, которого я перевожу, с черного хода» (Там же). Его мнение разделяет С.В. Силакова: «Для этого надо много прочитать на языке оригинала, современную – и обязательно – среднюю литературу, знать, как принято маркировать социальную или профессиональную принадлежность, и научиться узнавать эти словечки в тексте. Если есть под рукой неглупый носитель языка, обязательно проконсультироваться с ним» (Силакова, 2002).

Эти и многие другие наблюдения практикующих переводчиков и критиков перевода говорят о том, что аппроксимация текста оригинала – неотъемлемый компонент переводческой и метапереводческой деятельности. Как отмечал П. Тороп по поводу перевода Б.Л. Пастернаком трагедии И.В. Гете «Фауст»,

«Внутренняя установка Пастернака неизменно заключалась в желании дать читателю творение Гете в его истинном виде...» (Гете, 2008). Именно процедура аппроксимации способствует решению данной переводческой задачи.

Рассматривая рецепцию перевода, обратим внимание на саморефлексию переводчиков в процессе их профессиональной деятельности. В этих размышлениях не разграничиваются понятия собственно переводческой и метапереводческой деятельности, т.к. речь идет о практикующих переводчиках.

В.В. Иванов рассуждает о способности изменить свое отношение ко всему, кроме перевода: «...работа над одним и тем же переводом может тянуться буквально всю жизнь, какие-то строки давно готовы, а другие все пытаешься передать» (Иванов, 2004). В качестве идеала хорошего перевода расценивается такой, в котором удалось передать основные уровни содержания текста подлинника.

Ю.Я. Яхнина, описывая процесс работы над текстом, признает, что начинает перевод с черновика и работает над ним довольно быстро: «Для меня важен ритм, я стараюсь не задерживаться на отделке каждой фразы, а сохранить “музыку” текста. Лексику я обычно, почти подсознательно, слышу сразу, мне несвойственны провалы в другие стилистические слои, если только они не заданы оригиналом. А потом начинается длительный и мучительный период – превращение черновика в окончательный текст. Скорость работы вообще зависит от душевного настроения, от физического состояния, да и от внешних обстоятельств» (Яхнина, 2001).

Описывая факторы, которые могут существенно повлиять на перевод, большинство переводчиков акцентирует внимание на личном отношении переводчика к автору и героям произведения, что можно рассматривать как реализацию категории духовности и разумности переводческого ноохронотопа, ментальной картины видения авторского текста.

Так, рассуждая о присутствии переводчика в тексте, Ю.Я. Яхнина приводит следующий пример: «Личность переводчика в тексте все равно ощущается всегда, ее невозможно скрыть. Я стараюсь быть верной оригиналу, но это *мое* понимание верности, любой перевод – это индивидуальное прочтение текста, это интерпретация, которая сродни, как это неоднократно отмечалось, интерпретации актера, музыканта-исполнителя». Далее переводчик приводит пример, как

разница в восприятии личности автора или героя может изменить текст перевода: «Помню, мы с моей коллегой Л. Зониной переводили книгу Сартра “Слова” (она – вторую часть, я – первую). Личность Сартра мне неприятна, но написано это автобиографическое повествование с блеском. Я с удовольствием воспроизводила авторскую иронию, возможно, иногда неосознанно ее усиливая, – это давало выход моему отношению к герою. А моя коллега говорила: “Мне его так жалко!..” Естественно, она совсем иначе воспринимала и воспроизводила текст. Наше различное отношение к автору, несомненно, ощущается в переводе» (Там же).

Обратимся к наблюдениям переводчиков за ассимиляцией текста перевода, акцентирующей внимание на роли переводчика, выступающего посредником между автором и читателем, несущего ответственность перед иноязычным читателем, осознающего потребность создания метатекста, дополняющего выполненный им перевод текста.

С.Б. Ильин принимает читателя за конечную точку координат: «...смутное ощущение, что я не умею переводить, осталось до сих пор, и я все жду, когда придет внимательный читатель и спросит: “А чего это вы тут делаете, добрый человек?”» (Ильин, 2002). Н.Н. Федорова определяет свою задачу так: «Искусство перевода в том и состоит – могу я или нет передать читателю свои чувства, чтобы он воспринял перевод по-своему» (Федорова, 2001).

Д.Б. Волчек в своем интервью приводит яркий пример необходимости создания переводческого комментария: «...Вот пример: у Берроуза в “Дезинсекторе” есть такой невнятный сюжет про оползень в шахтерском городке в Уэльсе. Легче всего сказать, что это “темное место”, наркотическая галлюцинация, сон, бла-бла-бла. Я решил проверить по конспирологической литературе и нашел: была громкая история в 1966 году – массовые наблюдения НЛО и пророческие сны у шахтеров в городке Аберфан, вскоре случился оползень, гора шлака завалила город, много погибших. Никакого темного места, достаточно короткого комментария» (Волчек, 2002).

Отсюда вполне очевидно, что ассимиляция текста перевода иноязычным реципиентом выступает важнейшей составляющей метапереводческого анализа и метапереводческой деятельности в целом.

Свою исследовательскую задачу мы видим в том, чтобы соотнести метапереводческую деятельность с дискурсивной, т.е. охарактеризовать метадискурсивную деятельность переводчика, представленную переводческим предисловием/послесловием.

Для ее разрешения необходимо выбрать научную позицию относительно понимания терминов «текст» и «дискурс». Мы придерживаемся в этом вопросе позиции В.Е. Чернявской, которая дает следующую трактовку дискурса: «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве. Иными словами, это текст плюс его вокругтекстовый фон» [Чернявская 2013: 111]. К экстралингвистическому фону ученый относит социальные институты, культурные, идеологические и другие факторы, влияющие на формирование языковых закономерностей.

Исследователь проводит следующее разграничение ключевых понятий: в сложной системе коммуникативного процесса изучаются, с одной стороны, вопросы внутритекстовой организации, процессы текстопорождения и смыслопорождения, т.е. интралингвистические процессы, с другой стороны, текст приобретает реальную целостность, если он связан с экстралингвистическим вокругтекстовым фоном. Это означает, что для понимания специфики целого текста интралингвистического аспекта недостаточно, необходимо учитывать коммуникативный, социокультурный, когнитивный факторы, т.е. человеческую личность. Именно сплетение лингвистических факторов с экстралингвистическими порождает дискурс.

Опираясь на понимание дискурса, а также на его соотношение с текстом, предложенное В.Е. Чернявской, мы приходим к выводу, что переводческий метатекст в его целостности, т.е. в совокупности с внешними по отношению к тексту особенностями коммуникативного процесса, приобретает черты метадискурса, т.е. может рассматриваться как метадискурсивная деятельность переводчика. Коммуникативный процесс метадискурсивной деятельности переводчика можно структурировать в соответствии с выявленными выше коммуникативными актами аппроксимации, рецепции, ассимиляции, что придает

им дискурсообразующий характер. В качестве результата метадискурсивной деятельности переводчика выступает гармоничный текст/дискурс перевода.

Сформулируем наше понимание метадискурсивной деятельности переводчика, создающего метатекст в виде переводческого предисловия/послесловия к художественному тексту: коммуникативное событие, интегративная совокупность следующих коммуникативных актов: аппроксимации текста оригинала, рецепции и ассимиляции текста перевода принимающей лингвокультурой.

Следует подчеркнуть, что метадискурсивная деятельность является одной из важнейших стратегий, характеризующих переводческую деятельность в целом. Ее реализация имеет давнюю историю, как в отечественной, так и в зарубежной переводческой практике, но теоретическое осмысление только начинается. В рамках данного параграфа были рассмотрены три коммуникативных акта, определяющих метапереводческую деятельность: аппроксимация текста оригинала для читателя-инофона, рецепция, ассимиляция текста перевода принимающей культурой. На современном этапе развития лингвистики становится ясно, что собственно переводческая деятельность – важнейший, но не единственный параметр совокупной деятельности переводящей личности. Если мы намерены рассматривать переводчика как элитарную языковую личность, становится понятным стремление такой личности облегчить восприятие переводного произведения читателем-инофоном, открыть это произведение в иной языковой и культурной среде, т.е. создать метатекст как продукт метадискурсивной деятельности переводчика.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Глава была посвящена анализу работ отечественных и зарубежных лингвистов в области изучения метатекста, создаваемого переводчиком в виде переводческого предисловия/послесловия, что обозначено исследователями синонимичными понятиями «метаперевод» и «параперевод», и что включено в единую метадискурсивную переводческую деятельность. Предпосылки ее научного освещения следует искать в работах, которые прямо или косвенно затрагивали проблему метатекста/метаперевода (М.Ю. Авдонина, О.А. Бурукина, Л.Г. Викулова, А.А. Гаврилова, Ю.В. Гарусова, Н.И. Жабо, Н.В. Захарова, В.Н. Карпухина, В.Б. Кашкин, Т.Г. Пшёнкина, I. Bilodeau, J.V. Coillie, R. Dimitriu, J.Y. Frías, G. Genette, A. Gil-Bardaji, G. Lathey, A. Mizuno, P. Orero, H.M. Panchon, V. Pellatt, A. Pym, S. Rovira-Esteva Ş. Tahir Gürçağlar, L. Venuti, W.P. Verschueren, M.L. Wardle, A. Yanabu). Метатекст изучается исследователями не сам по себе, автономно, а с позиций концептуального и эмпирического опыта его создателя – переводчика. Метапереводческая деятельность, – это своего рода «взгляд» на перевод действующего субъекта, это «зеркальное отражение» собственно переводческой деятельности, которое протекает в различных формах: вступительные статьи к переводам, заключительные статьи к переводам, примечания переводчика, переводческие мемуары, интервью, фильмы и книги о переводчиках, критика перевода и др. Среди широкого поля обозначенной выше метапереводческой деятельности предметом своего диссертационного исследования мы избрали переводческие предисловия/послесловия к художественным текстам, оригиналы которых были созданы на английском языке, а метатексты написаны русскоязычными переводчиками – авторами переводов и/или переводчиками, выполнившими один из переводов представленной подборки и являющимися знатоками творчества автора.

В первой главе были поставлены и решены следующие исследовательские задачи:

1. Понятие метатекста в его лингвистическом освещении строится на понятии текста и периферийного текста. В работе мы основываемся на понятии

текста, предложенном М.Н. Кожиной: «Текст как единица общения, обладающая относительной смысловой завершенностью, предназначенная для передачи целей и интенций (замысла) в процессе общения коммуникантов, т.е. обмена текстами», а также на понятии целого текста, предложенного М.Н. Кожиной: «Целый текст (произведение) перестает быть чисто лингвистическим феноменом (не теряя, однако, связей с языковой системой), перерастая в нечто большее и более сложное, в частности, в явление культуры» и на понятии периферийного текста, предложенного М.П. Котюровой: «К периферийным текстам целого научного произведения можно отнести заглавие, оглавление, предисловие, введение, послесловие, заключение, выводы, аннотацию. Они представляют собой относительно самостоятельные тексты, выражающие содержание текста обобщенно» [Кожина, 1996:59; Котюрова, 1996: 345].

2. Вслед за В.Б. Кашкиным, к метатексту, характеризующему метакогнитивную деятельность переводчика, мы относим следующие жанры: предисловие, послесловие, комментарии, интервью, мемуары переводчиков и др. Современные исследования метатекста представлены в трудах М.Ю. Авдониной, О.А. Бурукиной, Л.Г. Викуловой, А.А. Гавриловой, Ю.В. Гарусовой, Н.И. Жабо, Н. В. Захаровой, В.Н. Карпухиной, Т.Г. Пшенкиной и др. В работе проанализирован такой жанр метатекста как переводческое предисловие/послесловие. Под переводческим предисловием/послесловием понимаются предтекстовые, послетекстовые, затекстовые метатекстовые статьи комментирующего характера, созданные переводчиком с целью сообщить получателю сведения, необходимые для лучшего понимания текста.

3. Как показал анализ литературы, в англоязычных и франкоязычных источниках употребляются следующие термины: *paratexte*, *paratraduction*, *paratext*, *paratranslation*, которые можно рассматривать как синонимичные терминам *метатекст* и *метаперевод*. Зарождение учения о парапереводе связывают с именем Ж. Женетта, который рассматривает паратекст в качестве второстепенного, дополнительного к тексту элемента. Данный термин ученый соотносит с перитекстом и эпитекстом, при этом перитекст обозначает все виды периферийного

текста внутри физических границ книги; эпитекст подразумевает письменный и устный метатекст (публичный и приватный), находящийся за пределами книги.

4. В работе показано, что метапереводческая деятельность возникает в результате выполнения переводчиком собственно переводческой деятельности, в связи с чем, в своем исследовании мы обращаемся к современным научным парадигмам, описывающим закономерности процесса перевода: мыследеятельностной, культурно-ориентированной, синергетической. Мыследеятельностный подход представлен в работах Н.Л. Галеевой, исследующей освоение переводчиком духовного пространства, что обуславливает интерпретирующее понимание им текста оригинала. В работах К. Норд, Ж. Делиля, Т.А. Казаковой развиваются идеи скопос-теории, культуросозидающей функции перевода, лингвокультурологических гипотез перевода художественного текста. В работах Л.В. Кушниковой изучается категория гармонии, выступающая результатом синергии гетерогенных смыслов, формируемых в переводческом пространстве как ментальном пространстве переводящей личности, что обуславливает культуросообразность исходного и переводного текстов и естественное вхождение текста перевода в принимающую культуру.

5. В связи с тем, что создание метатекста, представленного переводческим предисловием/послесловием, есть результат деятельности переводящей личности, были рассмотрены воззрения отечественных ученых на языковую личность переводчика. На основании изучения теории языковой личности Ю.Н. Караулова, теории языковой личности переводчика В.Б. Бушева, Л.П. Тарнаевой, теории элитарной языковой личности О.Б. Сиротининой, теории элитарной языковой личности переводчика М.С. Силантьевой и Л.В. Кушниковой, делается следующий вывод: в динамическом процессе взаимодействия языков и культур переводчик, владеющий гармоничным переводческим мировоззрением, создает композиционно целостное произведение, наполненное духовно-ценностным содержанием, характеризуемое безукоризненным выбором языковых средств, адаптированное к принимающей лингвокультуре в соответствии с требованиями потенциальных реципиентов. В процессе создания

метатекста происходит порождение особой переводческой инфраструктуры, управляющей прогнозированием, восприятием и пониманием текста читателем.

6. Особое внимание уделено в работе современной трактовке понятий «дискурс», «метадискурсивная деятельность» переводчика, ее содержанию и структуре. Вслед за В.Е. Чернявской, дискурс трактуется как «коммуникативное событие, как интегративная совокупность определенных коммуникативных актов» [Чернявская 2014: 115].

7. Метадискурсивная деятельность переводчика, создающего метатекст в виде переводческого предисловия/послесловия к художественному тексту, представляет собой интегративную совокупность следующих коммуникативных актов: аппроксимации текста оригинала, рецепции и ассимиляции текста перевода принимающей лингвокультурой.

8. Аппроксимация нацелена на изучение текста оригинала с целью прогнозирования и элиминирования сложности его восприятия в принимающей культуре, предваряет рецепцию текста перевода, прогнозирует создание метатекста. Рецепция текста перевода направлена на воссоздание текста оригинала в виде перевода в оптимальной для восприятия иноязычным и инокультурным реципиентом форме и содержании и предваряет создание метатекста. Ассимиляция текста перевода нацелена на создание условий сближения перевода художественного произведения с чуждой ему культурой и возможность управления пониманием потенциального читателя посредством создания метатекста. Переводчик выполняет роль медиатора.

9. Как показал анализ научной литературы по исследуемой проблеме, совокупное исследование метатекстовой и метадискурсивной деятельности языковой личности переводчика может послужить основой создания самостоятельного предмета изучения в рамках когнитивной лингвистики – металингвистики.

ГЛАВА 2. ВЫЯВЛЕНИЕ ЛИНГВОКОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ ПОРОЖДЕНИЯ МЕТАТЕКСТА

**(на материале переводческого предисловия/ послесловия
к художественному тексту)**

2.1 Общая характеристика материала исследования

В связи с тем, что материалом диссертационного исследования являются предисловия и послесловия к переводам художественных произведений современных англоязычных писателей, опубликованные в журнале «Иностранная литература», представим краткую характеристику данного издания: основание журнала, редакционная политика, литературные традиции и приоритеты, рубрика «Трибуна переводчика», а также информация об авторах и произведениях, которые будут проанализированы в практической части нашего исследования.

«Иностранная литература» (ИЛ) – единственный российский журнал, который знакомит читателя с классической и современной зарубежной литературой в русском переводе. В современном виде журнал существует с 1955 г. Журнал публикует наиболее значительные произведения классической и современной мировой литературы в переводах лучших отечественных переводчиков. Кроме переводов художественной литературы журнал представляет обширные материалы по литературоведению: очерки и эссе, статьи и интервью, отрывки из мемуарной и биографической беллетристики. Отдельные разделы журнала, например, «Трибуна переводчика» посвящены переводческой деятельности, проблемам и современному состоянию перевода в России. В данном разделе журнал публикует интервью, статьи, мемуарные очерки ведущих российских переводчиков.

Издатели журнала ИЛ считают предисловие и послесловие неотъемлемой частью своей деятельности, что подчеркивает роль переводчика не только как эксперта переводимого текста, но, главным образом, как личности, способной создать высокохудожественный текст перевода, а также порождать собственный текст, который обозначен в современных лингвистических исследованиях как

метатекст, что позволяет рассматривать метапереводческую деятельность как неотъемлемый компонент профессиональной переводческой деятельности.

Количественные данные исследованного материала представлены в сводной таблице метатекстов, опубликованных в ИЛ в период с 1990 г. по 2015 г.

Всего было изучено 205 метатекстов, в виде предисловий/послесловий переводчика.

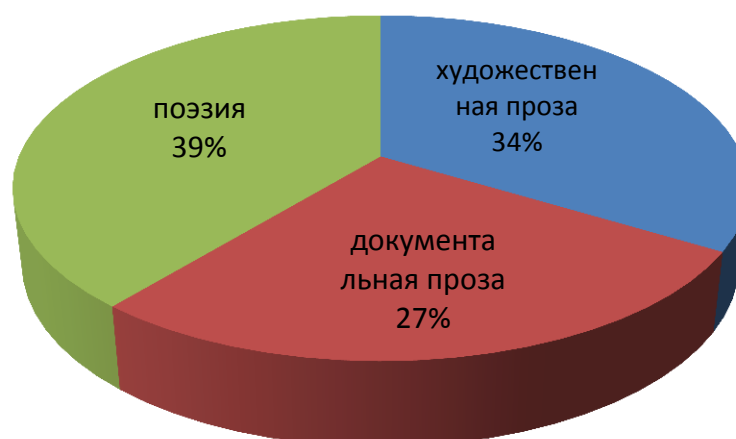
Кроме этого, проанализированы статьи, которые предваряют или заключают публикацию серии переводов одного автора или подборку переводов разных авторов, объединённых одной тематикой под рубрикой «Литературный гид» (29 статей). Общее количество изученных метатекстов – 234. Количественные данные вступительных статей представлены в Таблицах 1 и 2 (Приложение 1, С. 187).

По жанровой принадлежности изученные метатексты относятся к поэзии, художественной прозе, документальной прозе, что отражено в процентном соотношении на следующем рисунке.

В процентном соотношении весь объем изученных метатекстов можно представить следующим образом.

Рисунок № 2.1

Процентное соотношение объёма метатекста
по жанровой принадлежности

Таким образом, анализу подверглись 234 метатекста, послуживших материалом для выявления лингвокогнитивного механизма порождения

метатекста, который лежит в основе построения модели метадискурсивной деятельности переводчика. Построение данной модели будет представлено в следующих параграфах.

2.2 Выявление лингвокогнитивного механизма метапереводческой деятельности

2.2.1 Исходные принципы и аспекты моделирования метадискурсивной деятельности переводчика

Диссертационное исследование посвящено функционированию переводческого предисловия и послесловия как самостоятельных жанров метатекста. Как показал количественный анализ переводческих предисловий/ послесловий, опубликованных в журнале «Иностранная литература» в период с 1990 г. по 2015 г., 47,3% переводных текстов сопровождаются переводческим метатекстом. Данный раздел работы посвящен моделированию метадискурсивной деятельности переводчика.

Предваряя собственно моделирование, назовем основополагающие аспекты анализа метатекста и ведущие принципы моделирования, используемые в работе.

В качестве основополагающих аспектов анализа выступают следующие:

- 1) коммуникативный аспект, который обуславливает осмысление коммуникантами процессов познания и общения, формирование коммуникативной личности;
- 2) мировоззренческий аспект собственно переводческой деятельности, обусловленной владением переводчиком гармоничным переводческим мировоззрением;
- 3) когнитивный аспект переводческой деятельности, определяющий формирование элитарной языковой личности;

- 4) метапереводческий аспект, обусловленный формированием метапереводческого пространства и обладающий «символической ценностью» (термин И. Билодо, Нагойя, Япония/ I. Bilodeau, Nagoya, Japan).

Разработка лингвокогнитивной модели метадискурсивной деятельности переводчика (на материале русскоязычного предисловия/послесловия к переводному художественному тексту) основана на следующих теоретических принципах:

- 1) принцип моделирования в лингвистике, сформулированный З. Харрисом и В. Ингве (1944), которые ввели понятие «модель языка»; понятие лингвистических моделей в отечественной и зарубежной лингвистике: Ю.Д. Апресян, А.А. Залевская, В. Ингве, А.А. Леонтьев, А.Ф. Лосев, И.И. Ревзин, В.Д. Табанакова, Н. Хомский и Ч.Ф. Хоккет [Апресян, 1966; Залевская, 2001; Ингве, 1965; Лосев, 2004; Ревзин, 1962; Табанакова, 2009; Хоккетт, 1970; Хомский, 1965];
- 2) принцип моделирования в теории перевода, впервые сформулированный работах В.Н. Комиссарова: «Модель перевода – это условное изображение процедуры осуществления процесса перевода, основанная на попытке распространить на перевод некоторые общие постулаты языкознания или психологии. Модель носит гипотетический характер, поскольку, как мы знаем, процесс перевода в мозгу переводчика непосредственно наблюдать нельзя, и нет уверенности, что переводчик действует именно так, как предсказывает та или иная модель» [Комиссаров 2002: 152];
- 3) принцип синергетического моделирования процесса перевода, сформулированный Л.В. Кушиной. Синергетический эффект обусловлен не только пониманием всех исходных смыслов, но приращением культуросообразных смыслов, что позволяет рассматривать текст перевода как гармоничный. Можно предположить, что создание переводческого метатекста, его метадискурсивная деятельность, направленная на успешную рецепцию и ассимиляцию текста перевода как целостного произведения, также отвечает требованиям гармоничности, сформулированным в

концепции переводческого пространства. В связи с этим метатекст мы расцениваем как текст, создаваемый в метапереводческом пространстве;

4) принцип моделирования метатекста, разработанный В.Д.Табанакowej и Е.Г. Сеченовой [Сеченова, 2009]. Согласно результатам данного исследования, «наиболее эксплицитно авторская индивидуальность проявляется в тех элементах научного издания, которые вводят читателя в книгу, ориентируют в ней, поясняют ее значение, указывают ее место в потоке подобных, т.е. в предисловии и вступительной статье, которые предназначены для того, чтобы подготовить читателя к рациональному использованию научной информации и более глубокому, осознанному ее освоению» [Сеченова 2009: 43]. Важными представляются такие параметры как эксплицитная авторская индивидуальность, подготовка читателя к информации и ее глубокому освоению, ориентация в книге, пояснение ее значения и места.

Таким образом, представленные выше принципы моделирования и аспекты анализа метатекста положены в основу построения модели метадискурсивной деятельности переводчика.

2.2.2 Выявление квантов смысла в метатексте

В рамках данного параграфа рассмотрим подробнее понятие «символическая ценность перевода», а также охарактеризуем семантическое наполнение данного понятия, представленное в виде квантов смысла.

В своем исследовании мы используем термин, предложенный франкоязычным исследователем И. Билодо, работавшей в Канаде, а в настоящее время проживающей и публикующей свои научные труды в Японии. И. Билодо ввела в научный оборот термин «символическая ценность» перевода (*valeur symbolique de la traduction*). Как поясняет автор данного термина, переводческое предисловие создает определенную символическую ценность перевода в принимающей культуре [Bilodeau, 2009].

Изучение работ И. Билодо на английском и французском языках показало, что автор ограничился введением термина, не объясняя его. На русский язык работы этого автора не переведены. В рамках диссертационного исследования термин «символическая ценность» перевода приобретает особое значение, что потребовало наполнения данного термина определенным семантическим содержанием в рамках представленной выше концепции метатекста и введения соответствующей дефиниции.

Начнем с дефиниционного анализа лексемы «символический». На основании лексикографических данных мы обнаруживаем следующие словарные дефиниции и синонимы: выступающий символом, малый, условный, символический, номинальный, схематичный, воображаемый, что представлено в таблице:

Таблица № 2.1

Дефиниционный анализ лексемы «символический»

Идеографический словарь русского языка. — М.: Издательство ЭТС/ О.С. Баранов. – 1995.	символьный, малый, ничтожный, символический, условный
Толковый словарь иностранных слов Л. П. Крысина.– М.: Русский язык, 1998.	символический, ничтожно малый
Толковый словарь Ефремовой/ Т. Ф. Ефремова. 2000.	ничтожно малый, символический
Словарь синонимов русского языка в 2-х т. Под ред. А.П. Евгеньевой. Справочное издание. — М.: Астрель: АСТ, 2003.	маленький, символический, условный, ничтожный, символьный, малый, чисто символический
Популярный словарь русского языка. Толково-энциклопедический/ А.П. Гуськова, Б.В.Сотин. — М.: Русский язык-Медиа, 2003.	ничтожно малый, мизерный

Из таблицы явствует, что термин *символический* можно определить как отсылку к чему-либо, имеющему символическое значение, т.е. выступающему символом чего-либо и, одновременно, репрезентацию этого объекта или явления в номинальном, малом объеме.

Термин *ценность* мы понимаем в традиционном толковании, т.е. как указание на человеческое, социальное и культурное значение определенных

объектов и явлений, отсылающее к миру должного, смыслового; представление о чем-либо как о благе, отвечающем потребностям, интересам, целям субъекта.

Таким образом, исходя из идеи автора термина И. Билодо, дефиниционного анализа, а также концепции метатекста, представленной в первой главе диссертационного исследования, можно следующим образом сформулировать наше понимание символической ценности перевода.

Символическую ценность перевода можно определить как транспонирование переводчиком реальной ценности текста оригинала в принимающую лингвокультуру в номинально малом объеме посредством метатекста с целью создания репутации переведенного произведения, привлечения потенциального читателя и управления его пониманием. Подчеркнем, что мы рассматриваем символическую ценность перевода как некий абстрактный конструкт, возникающий в сознании элитарной языковой личности переводчика, в процессе освоения им переводческого пространства и построения ментальной картины видения трех объектов: текста оригинала, текста перевода, метатекста. При этом категория духовности и разумности переводческого ноохронотопа является определяющим фактором при принятии переводческого решения, стратегии и формы перевода, степени его лингвокультурной адаптации, необходимости создания переводческого метатекста.

Определив содержание термина «символическая ценность перевода», перейдем к его описанию.

Мы предположили, что символическая ценность перевода может быть установлена при условии выявления квантов смысла и функций метатекста, служащих для построения модели метадискурсивной деятельности переводчика.

Переходим к выявлению квантов смысла. Как было показано в первой главе (параграф 1.2.2.) В.Б. Кашкин акцентирует внимание на установлении «континуума взаимоотношений собственно текста и вынужденного метатекста» [Кашкин, 2009: 230]. Солидаризуясь в целом с мнением ученого относительно континуума взаимоотношений, мы не считаем создание метатекста вынужденным

явлением. Полагаем, что метатекст способствует преодолению препятствий возможного непонимания или недостаточного понимания текста потенциальным реципиентом. Метатекст выполняет разнообразные функции, которые реализуются в метадискурсивной деятельности переводчика.

В своем исследовании мы опираемся на терминированное понятие, введенное М.П. Котюровой – «кванты смысла» [Котюрова, 2010]. Под квантами смысла мы понимаем единицы смысла, обладающие, с одной стороны, многомерностью, многоплановостью, многозначностью, с другой стороны, неразложимостью, неделимостью. В рамках нашего исследования особое значение приобретает разработанная М.П. Котюровой концепция эпистемической ситуации, включающей в себя три компонента анализа: онтологический, аксиологический, методологический. В дальнейшем М.П. Котюрова включила в состав ЭС коммуникативно-прагматический компонент. В целом, кванты смысла понятийно насыщены, обладают оценочной коннотацией, соотнесены с экстралингвистической ситуацией.

Опираясь на трактовку квантов смысла, описанных М.П. Котюровой, а также на наше исследование переводческого метатекста, нами выявлено и охарактеризовано восемь квантов смысла. Представим их: аттракторы текста оригинала, признание автора, контекстуализация текста, реконтекстуализация текста, оправдание перевода, апеллирование к читателю, рекомендация к прочтению, переводческий комментарий.

1. Аттракторы текста оригинала. Переводчик аннотирует произведение и дает общую оценку произведению, проблематике, главным героям. Переводчик акцентирует внимание на лингвистических, лингвостилистических, лингвокультурологических и пр. аттракторах текста.

Применяя данный термин, мы опираемся, с одной стороны, на семантически доминантный смысл притяжения и/или тяготения [Дворецкий, 1976: 113], с другой стороны, на современные концепции лингвосинергетики. Теория концептуального совмещения (интеграции, блендинга) М. Тернера и Ж. Фоконье объясняет привлекательность данного понятия способностью к интеграции в метафорическом

моделировании как конструировании нового смысла. Как указывают исследователи, в этот процесс вовлекаются и, следовательно, одинаково познавательно ценны все исходные ментальные пространства (понятия) [Turner, 1998: 83]. Анализ и моделирование структурных элементов языковой системы как саморазвивающегося феномена в целом и использование аттракторной модели для анализа элементов языковой системы послужили основанием для изучения понятия аттрактора в лингвосинергетике. Данный аспект широко изучается такими отечественными учеными как И.А. Герман, Н.В. Дрожащих, Ю.И. Леднев, В.А. Пищальникова, Е.В. Пономаренко и др. [Герман, 2000; Дрожащих, 2006; Леднев, 2007; Пищальникова, 1999; Пономаренко, 2004].

Лингвосинергетика трактует понятие аттрактора как область притяжения системы литературного дискурса, определяемого «на основании той авторской цели и интенции, ради которой дискурс (коммуникативный блок) эволюционирует, обеспечивая реализацию своей ведущей функции – воздействия» [Пономаренко, 2004: 158.]. В лингвосинергетическом подходе широко используется понятие креативного аттрактора, введенное В.А. Пищальниковой [Пищальникова, 1999]. По мнению ученого, креативный аттрактор это – «зона притяжения всех элементов текста, позволяющая ему существовать как целому, одновременно допуская возможность его пребывания в состоянии относительной стабильности и перехода к иному состоянию», она обладает доминантным смыслом [Там же, с. 55]. Ю.И. Леднев подчеркивает роль языковой аттракции как «механизма для создания связности и целостности речи» [Леднев, 2007: 20]. Л.В. Бронник акцентирует внимание на толковании аттрактора как «понятия, близком понятию цели» [Бронник, 2009: 21-26].

Опираясь на описанные выше составляющие понятия аттрактор, представляется возможным использовать его для обозначения концептуального ядра системы квантов смысла в переводческом предисловии/ послесловии, притягивающего остальные элементы системы на основании связности и неделимости квантов смысла. Пересечением множеств является предметная

область, образуемая на общих элементах двух или более предметных областей, что позволяет расценивать данную модель как функционально-синергетическую.

Остальные кванты смысла мы расцениваем как периферийные. Прежде чем описать периферийные кванты смысла, представим систему в целом.

Схематически данную систему можно представить следующим образом.

Рисунок № 2.2

Примеры аттракторов текста оригинала, представленные в изученных метатекстах:

«“Лед” принято относить к шедеврам жанра слипстрим (slipstream)» (Симановский, 2010).

«Роман вышел в 2004 году, и его тут же назвали “гранатой черного юмора, чей взрыв отозвался разрушительной силы хохотом и вместе с тем щемящей сердце тоской”» (Дементиевская, 2006).

«Китайская поэзия, тигры, Атлантида, Октавио Пас, шпионы, фотография, орхидеи складываются в узор, несущий в себе обещание удовольствия для самых взыскательных любителей “приключений ума”» (Драгомощенко, 2007).

«Жанр “Орландо” не определить.... “Орландо” – отдых мастера... “Орландо” – шутка мастера... “Орландо” – книга очень не похожая на другие вещи автора.... Герой (героиня) – ко всему прочему литератор и очень много размышляет...» (Е. Суриц, 1994: 109).

2. Признание автора направлено на возвышение роли автора, создание репутации автора/произведения в принимающей культуре. Переводчик возвышает уже известного инофону автора или создает репутацию малоизвестному или неизвестному инофону автора и/или произведения через похвалу произведения/автора. П. Бордо подчеркивает, что переводчики склонны прибегать к похвале автору, чтобы выделить несомненные аттракторы текста и создать «литературный капитал» автора в принимающей культуре [Bourdieu, 1993: 38]. Например:

«Роман вышел в свет в 1991-м. Спустя десять лет, после известных событий в Нью-Йорке, Делилло объявили пророком – выявленная им тенденция воплотилась в жизнь с пугающей точностью» (Силакова, 2003).

«Ирвин Уэлш – очень модный писатель...Ирвина Уэлша можно уверенно назвать подлинной культовой фигурой 90-х» (И. Кормильцев, 1998).

«Юная студентка написала книгу, благосклонно встреченную читателями и критикой.... Еще по первой книге было ясно, что Бисмют лучше всего удастся повествование от первого лица... Надин Бисмют оправдала ожидания канадских читателей, покоренных талантливым дебютом» (Н. Хотинская, 2006).

«Дженет Уинтерсон поэтизирует прозаический язык, открывая в нем новые измерения; смело соединяет реальное и ирреальное, манипулирует временем. Она искренне верит в преобразующую силу искусства, в магию художественного слова; и каждое ее произведение – это “очистительный” акт, призыв к самосовершенствованию и гимн любви» (Поваляева, 2009).

3. Контекстуализация текста. Под контекстуализацией текста в работе понимается удовлетворение потребности восполнить недостающую информацию в фоновых знаниях, необходимых реципиенту-инофону для адекватной интерпретации информации, заложенной в тексте [Шеина, 2010]. Переводчик информирует читателя о литературных течениях, модных трендах, эпохе автора и других темпоральных и социокультурных факторах, под влиянием которых было написано произведение. Приведем примеры из метатекстов:

«Вот приблизительные характеристики уэлшевской вселенной: место – пригород шотландской столицы, время – 80-е или начало 90-х, герой – молодой человек не вполне определенных занятий, интересы которого: музыка, танцы, секс и наркотики...» (И. Кормильцев, 1998).

«Сборник рассказов “Через Ла-Манш” посвящен многовековым и очень непростым отношениям двух народов, английского и французского, тесно связанных друг с другом географической и исторической близостью, которая, увы, не всегда порождает человеческую близость, а тем более любовь» (Стамм, 1998).

«Анна Каван, в девичестве Элен Эмили Вудс, родилась в Каннах в 1901 году. Еще в младенчестве родители отослали ее в Англию с французской кормилицей, от которой девочка с молоком впитала отвращение к холоду – так, во всяком случае, объясняла свою неспособность переносить низкую температуру сама Каван. Мать Элен была женщиной состоятельной, эффектной и болезненно властной; отец умер, когда ей было тринадцать, предположительно покончив с собой» (Симановский, 2010).

4. Реконтекстуализация текста. Термин «реконтекстуализация» мы соотносим с адаптацией лингвокультурных феноменов для читателей-инофонов чуждых культур посредством своего опыта, стремлением автора метатекста находить общность между различными культурными, социальными, историческими явлениями, проявлять способность ассоциировать отдельные эпизоды и образы с современным ему обществом или историческим прошлым своего социума. Переводчик предпринимает попытку элиминировать культурную отчужденность текста, информирует читателя о ценности переведенного произведения для принимающей культуры, об эмоциональной близости, о параллелях в интертекстуальном пространстве двух культур, о возможном влиянии перевода на современное общество, о проявленном ранее интересе к творчеству данного автора.

«...И русскоязычный читатель, встретившись с ними на страницах романа, наверняка обнаружит, что и в жизни ему приходилось сталкиваться и с Томами Браунами, и с Флэшменами, хотя их звали иначе, и они говорили на другом языке» (Глек, 2006).

«В предисловии Тейлор предупреждает читателей о том, что факты заимствованы им у русского автора Petjerski, а фантазия – его собственная. Имелся в виду Мельников-Печерский и его рассказ “Старые годы”, увидевший свет в “Русском вестнике” в 1857 году. Сопоставление этих двух рассказов дает основание говорить о “Красавице и звере” как о переложении (и даже частичном переводе) рассказа русского писателя. У Тейлора действуют те же герои – как главные, так и второстепенные, что и у Мельникова-Печерского. В центре повествования тот же конфликт барина-крепостника, воплощающего зло, и его невестки, носительницы добра и красоты...» (Лапина, 2006).

«Предлагаемая читателям журнала пьеса “Там вдали” была написана под непосредственным впечатлением от событий в Югославии, но в тексте нет никаких примет времени и места. Читатели и зрители могут сами домыслить географические и временные координаты – Германия или СССР 1930-х, Руанда 1970-х и 1990-х, Афганистан, Ирак, Чечня третьего тысячелетия от Рождества Христова,... к сожалению, список можно продолжать долго» (Генина, 2007).

5. Оправдание перевода. Переводчик выявляет и подчеркивает культурную ценность произведения и значимость его перевода на язык другой культуры, возможный вклад этого произведения в мировое и национальное наследие.

Вышеуказанные факторы служат оправданием желания перевести текст на русский язык и представить его читателю. Например:

«Перед вами фрагменты одной из самых известных книг о Китае XX века. Автор с эпической неторопливостью рассказывает историю бабушки, матери и свою собственную: за двадцать шесть лет, проведенных ею в Китае, Чжан Жун успела побывать “барышней из знатной семьи”, “красным охранником” – хунвэйбином, крестьянкой, “босоногим врачом”, рабочей, студенткой, преподавателем английского языка и, наконец, выиграть стипендию на обучение в Англии – каждый раз не сомневаясь, что судьба ее определена на всю жизнь» (Шапиро, 2005).

«Джеймс Альберт Линдон у нас почти не известен. Исключение составляют только самые популярные его палиндромы, которым удалось проникнуть даже в филологические диссертации... тем интереснее собрать воедино наследие этого поэта, тем любопытнее его переводить» (Матвеев, 2014).

«В 2014 году редакция журнала “Иностранная литература” совместно с Британским Советом в России провели конкурс перевода стихотворений современной английской поэтессы Шинейд Моррисси. На русском языке произведения Шинейд Моррисси практически не публиковались, однако в Великобритании она признана одним из ярчайших поэтов своего поколения» (Хесед, 2015).

6. Апеллирование к читателю. Данный квант смысла учитывает фактор адресата, проявляющийся во включении в текст эксплицитных и имплицитных обращений к читателю. Обращения к адресату могут быть дополнены обращением к героям произведения, воображаемому собеседнику, описываемым реалиям, времени и месту действия. Поддержание контакта с адресатом связано с моделированием в тексте предисловия/послесловия аналога речевой коммуникации посредством вопросительных и побудительных предложений, использования личных местоимений «мы», «нас» для сближения с читателем. Переводчик выбирает такой регистр языка, такие языковые средства, которые позволят ему установить контакт с читателем, управлять его вниманием и др. [Стернин, 2012; Шантарович, 2004]. Подобный стиль написания предисловия/послесловия характеризуется как контактоустанавливающий (термин Л.Г. Антоновой) [Антонова, 1998]. Например:

«И если существует такая вещь, как непрерывность опыта, как преемственность жизни, то не связана ли она с самой территорией, с местной топографией? Не служат ли сами улицы и переулки источниками тех или иных видов деятельности или фигур наследственного сцепления времен?» (Мотылев, 2002).

«Но какова же все-таки развязка повести? Что произошло с ее главным героем? Даже теперь, когда мы прогулялись почти по всем смысловым пластам текста, нам для ответа на этот вопрос не хватает еще какого-то важного звена. И тут я бы посоветовал читателю обратить внимание на числа и даты» (Ливергант, 1997).

«Вот и у нас – проект.... Оставим на их совести выбранный нашими заокеанскими коллегами...» (Бунимович, 2007).

7. Рекомендация к прочтению. Переводчик рекомендует произведение к прочтению, обращаясь непосредственно к читателю, в некоторых случаях он эксплицирует свою рекомендацию прочитать произведение; в большинстве случаев намерение выражено имплицитно, что создает у реципиента потребность в прочтении произведения для формирования собственного мнения. Например:

«В высшей точке кислотного трипа – той самой, в которой находится Кэлум в подземном переходе, – часто кажется, что весь мир пронизан странными нитями, как бы паутиной, связывающей все и всех. И от точки, где находишься ты, отходят многочисленные лучики, по любому из которых ты можешь отправиться в свое прошлое или будущее. Точно такие же нити отходят от любого литературного произведения, и, путешествуя по ним, можно обнаружить много интересного. Два опубликованных выше текста Ирвина Уэлша не являются исключением, и поэтому я предлагаю, избрав их в качестве начального пункта, отправиться в путешествие ...» (С. Кузнецов, 1998).

«Роман “Вилла ‘Инкогнито” – последний из написанного известным американским прозаиком и первый, представленный на суд российскому читателю. У Тома Роббинса множество верных почитателей в англоязычных странах – теперь, можно не сомневаться, они появятся и у нас» (В. Пророкова, 2005).

«Статья об англо-уэльском двуязычии и подборка стихов — дар автора читателям “Иностранной литературы”» (Кельберт, 1998).

8. Переводческий комментарий. Переводчик в качестве автора метатекста или его соавтора сообщает о трудностях перевода, которые ему пришлось преодолеть, об особенностях произведения, которые существенно повлияли на переводческие решения и/или стратегию перевода. Переводческий комментарий может также отражать индивидуальную точку зрения переводчика на прочтение текста или определенную переводческую стратегию. Например:

«Мой перевод – отчаянная попытка сохранить стилистику и, конечно же, точный смысл оригинала» (Сергеев, 1994).

«...и очаровательные темноты, которых тщился не засветить переводчик» (Суриц, 1994).

«Выбрать для перевода несколько стихотворений из большой книги оказалось непросто. В частности, потому, что составитель антологии не ограничивал себя размером включаемых произведений, а журнальная площадь весьма и весьма ограничена. Из-за этого пришлось отказаться от замечательного, но длинного стихотворения Дерека Уолкотта “Символы” и, разумеется, от всех поэм. ... Я выбирал не поэтов, а стихи; но так уж вышло, что выбрались поэты известные» (Кружков, 1999).

Представленные выше кванты смысла, характеризующие переводческое предисловие/послесловие, маркируют содержание изучаемого метатекста, что способствует построению его когнитивной модели.

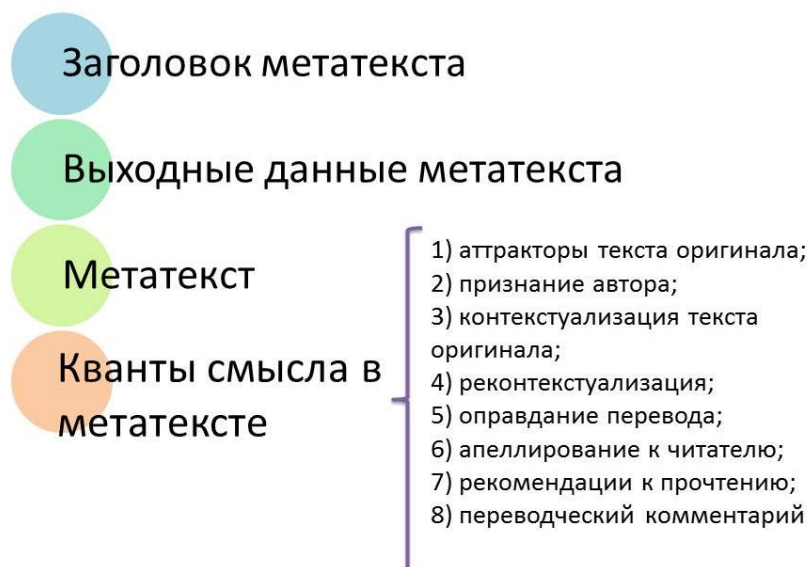
В качестве структурных компонентов метатекста можно вычленить следующие:

- А. Заголовок метатекста;
- Б. Выходные данные метатекста;
- В. Метатекст;
- Г. Кванты смысла (метасмыслов) в метатексте (переводческом предисловии):
 - 1) аттракторы текста оригинала;
 - 2) признание автора (возвышение или создание репутации автора/произведения в принимающей культуре);
 - 3) контекстуализация текста оригинала;
 - 4) реконтекстуализация;
 - 5) оправдание перевода;
 - 6) апеллирование к читателю;
 - 7) рекомендации к прочтению;
 - 8) переводческий комментарий.

Схематически это можно представить следующим образом.

Рисунок № 2.3

Структурные компоненты метатекста

2.2.2.1 Анализ квантов смысла на примере предисловий/послесловий к поэтическим текстам

Объемы исследованных метатекстов существенно варьируются: от метатекста объемом 109 слов до метатекста объемом 10 874 слова и состоящего из 17 глав. Все метатексты относятся к художественным произведениям, оригиналы которых написаны на английском языке.

Отметим, что самый объемный из проанализированных метатекстов, предисловие Г. Кружкова к переводу стихов Дж. Клэра, состоит из 17 глав (Кружков, 2005). Представляется возможным заключить, что такой объем мог быть обусловлен целеполаганием переводчика – представить российскому читателю «полузабытого крестьянского поэта романтической эпохи», переживающего ренессанс (Там же). Подобное представление нуждается в широкой исторической справке, так как российский читатель не знаком с представленной в метатексте информацией. Следующая отличительная черта данного метатекста состоит в том, что, принимая во внимание полноту изложенного материала и количество ссылок на привлечённые внешние источники (14), он может рассматриваться как часть целого текстового комплекса «текст автора + перевод + метатекст», так и как вполне автономный переводческий авторский метатекст. Такие тексты могут существовать отдельно от основного комплекса и впоследствии быть опубликованы как отдельное произведение. Примером может служить прозаический перевод В. Набокова пушкинского романа «Евгений Онегин», который переводчик сопровождал двухтомным комментарием, представляющим собой филологический анализ текста. В качестве еще одного примера можно привести перевод произведения А. Милна «Винни-Пух», выполненный В.П. Рудневым, перевод которого содержит (помимо текста перевода) подробный переводческий комментарий, описание философской концепции текста и концепции его перевода, а также библиографический список. Оба метатекста носят исследовательский характер и

были использованы и/или позднее опубликованы (исследование В.П. Руднева) как отдельные произведения [Нестерова, 2005; Руднев, 1994].

Прежде чем приступить к анализу метатекстов, обозначим их. На данном этапе анализа нами были рассмотрены следующие предисловия и послесловия к поэтическим текстам:

- 1) Clare J. Poems. Дж. Клэр. Стихи. Перевод, вступительная статья Г.М. Кружкова (ИЛ 2005, 4);
- 2) Connecting Poets. Anthology. Современная американская поэзия. Перевод, вступление Е.А. Бунимовича (ИЛ 2007, 9);
- 3) Durkan P. Poems П. Деркан. Стихи. Перевод, вступление Г.И. Агафонова (ИЛ 1998, 1);
- 4) Green J. The Dark Bark: Poetry and Song. Дж. Грин. Рин-Тин-Тин: Лай в темноте. Перевод, вступление, комментарии А.В. Нестерова (ИЛ 2009, 6);
- 5) Jenkins N. Poems. Н. Дженкинс. Стихи. Перевод, вступление О.Я. Кельберт (ИЛ 1998, 3);
- 6) Kay J. Selected Poems. Дж. Кэй. Стихи. Перевод, вступление А.И. Кудрявицкого (ИЛ 2003, 6);
- 7) Lindon J.A. The New Ambidextrous Universe III ed. Как окрестить червя. Стихи. Перевод, вступление М.Л. Матвеева (ИЛ 2014, 4);
- 8) Morrissey S. Parallax. Ш. Моррисси. Шесть стихотворений. Перевод, вступление Л.А. Хесед (ИЛ 2015, 9);
- 9) Nash O. Selected Poems. О. Нэш. Вот, что должно быть вышито на каждом слюнявчике. Перевод, вступление, комментарий М.Л. Матвеева (ИЛ 2012, 4);
- 10) Peak M. Selected Poems. М. Пик. Стихи. Перевод, вступление М.В. Калинина (ИЛ 2004, 1);
- 11) Rayan K. The Niagara River. К. Райан. Река Ниагара. Перевод, вступление Г.М. Кружкова (ИЛ 2011, 1);
- 12) Rossetti K. Selected Poems. К. Россетти. Стихи. Перевод, вступление М.М. Лукашкиной (ИЛ 2005, 4);

13) Stevenson R.L. Selected Poems. Р.Л. Стивенсон. Стихи. Перевод, вступление Е.А.Славороссовой (ИЛ 2001, 1).

Приступим к анализу непосредственно метатекстов.

1. **Аттракторы текста оригинала.** Что касается аттракторов текста оригинала, их выбор обусловлен аутентичностью переведенного произведения. Так, например, Бунимович Е. подчеркивает, что переведенная им антология представляет собой «американский взгляд на самое характерное и важное в современной поэзии США» (Бунимович, 2007). Для А. Нестерова это – необычность поэтического текста, в котором рассказчиком выступает пес, а человек лишь выполняет функцию редактора: «Он пишет книгу от лица... пса Рин-Тин-Тина, который был героем детских сериалов вроде тех, что потом снимали про овчарку Лесси. ... На обложке книги Джо Грина стоит имя “Рин-Тин-Тин”, сам поэт является лишь редактором, а в предисловии сказано: «Эта горстка стихов – малая часть 1673-страничной рукописи “Лай в темноте”, которая была найдена во двореке приюта для бездомных животных на Брайтон-Бич». А. Нестеров определяет привлекательность переведенного им текста как «картографию» другого поэтического пейзажа в целом и иного поэта как своеобразное «геологическое явление», серьезно меняющее ландшафт современной поэзии (Нестеров, 2009). Происхождение автора также может служить дополнительным аттрактором текста: «Есть поэты, которых обстоятельства их происхождения ставят вне общего ряда» (Кудрявицкий, 2003). В некоторых случаях в качестве дополнительного аттрактора текста выступает событие, связанное с автором произведения. Для Л. Хесед притягателен тот факт, что публикуемые поэтические тексты Моррисси представляют собой переводы победителей международного конкурса переводчиков (Хесед, 2015). Моррисси как автор широко известна за рубежом, но ее творчество неизвестно в России. По мнению автора метатекста, данная публикация послужит популяризации творчества поэтессы. Отметим также, что отличительной чертой данного метатекста является тот факт, что большинство переводов выполнены другими

авторами. В связи с этим данный метатекст является предисловием-аллографом в полном смысле: он не только написан третьим лицом (не автором переводного или исходного текста), но человеком, которого принято считать экспертом в данной области, к чьему мнению прислушается читатель¹.

2. **Признание автора.** Выражая признание автору, переводчики рассказывают об уникальности автора. Оценивая творчество Дж. Грина, А. Нестеров подчеркивает, что без него «пейзаж современной поэзии немислим». Он использует такие эпитеты, как «необычный», «своеобразный», характеризует автора как экспериментатора, создавшего «удивительную смесь горечи и иронии, пародии и ностальгии», автора альтернативной реальности (Нестеров, 2009). По мнению переводчика, с помощью своих героев автор создаёт ироничную пародию, «заряженную очень сильными эмоциями» (Там же).

Л. Хесед воздавая похвалу Ш. Моррисси, называет ее одним из «ярчайших поэтов своего поколения», подчёркивая тот факт, что поэтесса была удостоена престижных премий в молодом возрасте, указывая о широком признании ее таланта, отмечая ее опыт погружения в иноязычную культуру (Хесед, 2015). По мнению Л. Хесед, Моррисси способна осмыслить, облечь в поэтическую форму и представить читателю феномены разных времён и культур.

3. **Контекстуализация текста.** Для контекстуализации текста переводчики описывают современную автору эпоху, литературные течения, исторические события, повлиявшие на его творчество. А. Нестеров в своем предисловии к переводам из Дж. Грина дает историко-литературоведческую справку о принадлежности произведения/автора к определённой эпохе в истории США, упоминая культовые личности и феномены того времени – А. Хичкока, Б. Холлидей, Т. Капотэ, сенатора Маккарти и др. «В стихах “Рин-Тин-Тина” мелькают знакомые имена: певица Билли Холлидей и писатель Трумэн Капоте, сенатор Маккарти и актер Лоренс Оливье; события почти узнаваемы» (Нестеров, 2009). Он кратко описывает тот же период в Великобритании, упоминая не менее

1 **Лидия Хесед** (г. Москва). Кандидат филологических наук. Переводчик с английского языка.

культовых «Битлз» и клуб «Каверн». В своем метатексте переводчик указывает на интертекстуальность произведения, на его очевидную связь как с классиками мировой литературы (например, Э.Б. и Р. Браунингами), так и с феноменами масскульта (знаменитым сериалом про овчарку Лесси, романами С. Кинга), на его способность «отыграть» определённые современные культурные коды масскульта (Непóнятый Гений, знавший Великих, Безумный Интеллектуал, Индиана Джонс, Активист-гринписовец, Кладбище домашних животных и др.): «...явственно присутствует аллюзия на романы Пола Остера: “Левиафан”, или “Запертая комната”, или “Книга иллюзий”, где сюжет строится на поиске автора, пожелавшего исчезнуть, раствориться в толпе после того, как им создан шедевр; плюс тени четырех (если считать и Роберта Браунинга, мужа Элизабет Баррет Браунинг) больших поэтов, призванные из небытия, – и все это на пространстве текста меньше двух абзацев...» (Там же). Переводчик говорит о поэте как об авторе, создавшем необычную виртуальную реальность неизжитого прошлого, населённую весьма известными личностями с мировой репутацией.

Л. Хесед, презентуя публикуемые стихотворения, поясняет лингвокультурный контекст каждого из них: «Стихотворение “V is for Veteran” навеяно размышлениями над страницей школьного учебника, на которой изображён вернувшийся с войны солдат, «”Baltimore” – это воплощенное в стихах беспокойство матери о будущем своих детей», «Темой стихотворения “1801” является один день из жизни Дороти Вордсворт – сестры Уильяма Вордсворта, знаменитого основателя “озёрной школы”, и др. (Хесед, 2015) Переводчик объясняет и название поэтического цикла, которое отражает основную идею творчества Моррисси: «Термин “параллакс”, которым обычно астрономы обозначают разное положение звезд в зависимости от точки зрения наблюдателя, по мнению Моррисси, отражает основную идею ее книги: взглянуть на привычные вещи так, чтобы увидеть скрытую в них красоту и запечатлеть ее» (Там же).

4. **Реконтекстуализация текста.** Попытка реконтекстуализации у А. Нестерова прослеживается в виде упоминания о ностальгическом «неизжитом прошлом» в истории США и Британии, что может привести читателя к мысли о

соответствующем периоде в истории СССР – 1950-60-х гг., время хрущёвской оттепели и стиляг: «Неизжитое время в разных местах разное» (Нестеров, 2009). Время, которое из сегодняшнего дня «видится каким-то “золотым веком”, и не потому, что было столь уж безоблачно-счастливым», а просто потому что «кажется, что зло и добро в нем еще были разделены и не смешивались друг с другом, мир можно было понять – и действовать в нем по правилам» (Там же). Примечательно, что некоторые из описанных автором лингвокультурных стереотипов не принадлежат к определённой национальной культуре и являются легкоузнаваемыми в любом лингвокультурном контексте, например, Непонятый Гений, знавший Великих, Безумный Интеллектуал, Активист-гринписовец и др.

Г. Кружков для реконтекстуализации текста Дж. Клэра проводит параллели с К. Прутковым, упоминая о схожести литературных контекстов в Англии и России XIX века, говорит о сходных мотивах в творчестве А.С. Пушкина, В.Ф. Одоевского, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя: «То же самое происходило и в России с небольшим временным отставанием. Не случайно даже Пушкин в 1830-е годы все больше переходил на прозу и журналистику. Публика гонялась за интригующими новинками, в моде было гротескное, страшное или смешное: Барон Брамбеус, Гоголь с “Вечерами на хуторе...”, Одоевский с “Русскими ночами”» (Кружков, 2005).

Осознавая необходимость реконтекстуализации переводов ранних стихотворений Л. Стивенсона, Е. Славороссова упоминает известных переводчиков творчества автора: «...детские его стихи переводили Брюсов и Ходасевич, Балтрушайтис, Бальмонт и Мандельштам, наибольшее признание получила баллада “Вересковый мед” в блестящем переводе Маршака. Позднее переводили его А. Сергеев, И. Ивановский и другие» (Славороссова, 2001).

5. **Оправдание перевода.** В качестве оправдания перевода, переводчики приводят различные доводы: А) идею появления и реализации проекта публикации двуязычных антологий, попытки «отобрать все действительно лучшее», чтобы представить современному читателю по обе стороны океана (Бунимович, 2007); будущее событие – V московский международный фестиваль

«Биеннале поэтов» – как способ объединить культурные явления двух стран (Там же); Б) желание представить читателю необычный феномен в современной американской поэзии: «Игра, которую затевает Джо Грин, весьма своеобразна» (Нестеров, 2009); «Мервин Пик с самого рождения был загадочным и необычным» (Калинин, 2004); В) желание организаторов переводческого конкурса продемонстрировать международный переводческий интерес к творчеству Ш. Моррисси и представить переводы призёров конкурса: «Мы рады представить вниманию читателей переводы стихотворений, выполненные победителями конкурса» (Хесед, 2015); Г) желание переводчика представить читателю забытого поэта, творчество которого вызвало интерес у себя на родине и заслуживает внимания российского читателя: Полузабытый крестьянский поэт романтической эпохи <...> Джон Клэр в последние десятилетия пережил нечто вроде ренессанса (Г. Кружков, 2005); желание познакомить российского читателя с поэтом, для кого Россия – почти Родина: «В результате этих поездок появилась книга «Домой, в Россию» (1987) — настоящее объяснение в любви к стране, к людям, к русской поэзии» (Агафонов, 1998).

6. **Апеллирование к читателю** проявляется в стилевом оформлении метатекста через контактоустанавливающий стиль предисловия: «И еще, пожалуй, сегодня впервые...» (Бунимович, 2007). Переводчики употребляют местоимения «мы», «нас», обращение к читателю, прибегает к имитации разговорного стиля устной речи: «Вот и у нас – проект», «И еще...», «Оставим на их совести выбранный нашими заокеанскими коллегами...» (Бунимович, 2007). Г. Кружков обращается к читателю: «Вы можете сказать, что такого у него нет...», «Не спорю. Может быть»; управляет процессом прочтения: «Я хочу, чтобы читатель на этом месте сделал вдох, чтобы читать дальше»; «Здесь я хотел бы поделиться с читателями...» (Кружков, 2005). Подобный стиль свидетельствует о желании сблизиться с читателем, эксплицитно или имплицитно устанавливая контакт с адресатом.

7. **Рекомендация к прочтению.** Переводчики, имплицитно, через похвалу автору («Стивенсон дарит нам райский сад поэзии – в детстве; рыцарский

бой за справедливость – в отрочестве; фехтование романтической иронией в лабиринтах жизни – в юности; мудрость детской простоты – в зрелости» (Славороссова, 2001); «Один из американских журналов назвал Нэша “божьим даром Америке”. И не только Америке, добавим мы» (Матвеев, 2012)), обширную реконтекстуализацию текста, переводчик стремится вызвать потребность прочтения произведения. В некоторых случаях переводчик упоминает, что произведение никогда раньше не переводилось на русский язык: «Как видим, во многих странах Игана уже читают. Теперь — в первый раз и, надеемся, не в последний — подборка его стихов публикуется и на русском языке» (Кудрявицкий, 1999). В отдельных случаях перевод преподносится как дар читателю: «Статья об англо-уэльском двуязычии и подборка стихов — дар автора читателям “Иностранной литературы”» (Кельберт, 1998). Переводчик может рекомендовать перечитать поэта-классика в новом свете: «Но настало поколение внуков. Викторианский мир видится издалека если не лучше, то беспристрастней. И пришла пора опять всмотреться в старые фотографии А. Теннисона (некоторые из них сделаны Льюисом Кэрроллом), вслушаться в хриплую аудиозапись на одном из первых восковых валиков (подарок Эдисона), а главное, заново перечитать стихи поэта и попытаться понять его искусство и судьбу» (Кружков, 2006). М.М. Лукашкина предоставляет читателю возможность самому составить аутентичное мнение не только о переведенном стихотворении, но и о своих предпочтениях в поэзии: «Ответ на вопрос, что интереснее современному читателю: замечательная лирика Кристины Россетти, ее религиозно-мистическая сказка, циклы сонетов или ставшие классическими стихи для детей, – каждый читатель вправе дать сам» (Лукашкина, 2005).

8. **Переводческий комментарий** может быть представлен А) личными впечатлениями переводчика, например, в главе II предисловия к переводу стихотворений Дж. Клэра Г. Кружков делится следующим: «Мне кажется, что Клэра и слишком рано и слишком надолго записали в безумцы» или в главе V, переводчик апеллирует к читателю: «Вы можете сказать, что такого у него нет, я сам “вчитываю” это в Клэра. Не спорю. Может быть. Но и тогда спасибо автору,

который дал мне возможность вчитывать это в его стихи». Глава 14 целиком посвящена «личным соображениям» переводчика о судьбе и болезни Клэра (Кружков, 2005); Б) личным участием в инициации и реализации проекта, в таком случае его личное участие и отношение засвидетельствовано именами и датами: «Вот и у нас – проект. Параллельное издание двух антологий-билингв: современной русской поэзии в США и современной американской поэзии в России. Задумали мы его с замечательным американским поэтом по имени Дейна Джойа <...> в виде все-таки книги мы надеемся предъявить уже в этом году, в конце октября, в рамках пятого московского международного фестиваля “Биеннале поэтов» (Бунимович, 2007); «В 1979 году он получил диплом дорожного инженера и в этом качестве по сей день работает в своем родном городке. Дороги в районе Уэстпорта отличные, автор этих строк свидетельствует!» (Кудрявицкий, 2003). В) переводческими решениями: «При всей очевидной сложности их конструирования палиндромы Линдона еще и не лишены остроумия. Всего два примера. Буквенный палиндром: “Cigar? Toss it in a can, it is so tragic”. И палиндром словесный: “Girl bathing on Bikini, eyeing boy, finds boy eyeing bikini on bathing girl”. Юлий Данилов в книге М. Гарднера «Есть идея!» (1982) перевел его так: «Девушка, купающаяся на острове Бикини и украдкой поглядывающая на молодого человека, видит молодого человека, не отрывающего глаз от бикини на купающейся девушке». Попробуем и мы, приняв словесную игру Линдона, переложить этот палиндром на русский язык: «Девушке, купающейся на Бикини, отчетливо видно: юноше видно отчетливо бикини на купающейся девушке» (Матвеев, 2014); Г) комментариями по поводу выбора текста для перевода: «Я выбрал Кей Райан почти не задумываясь, инстинктивно почувствовав что-то близкое: не только то, что мы родились в один год и месяц, под одним созвездием, не только сразу попавшееся мне стихотворение о черепахе (мой тотем!), но и какое-то тихое упрямство, выраженное в этом гимне неуклюжести и тихоходности...» (Кружков, 2011).

Как явствует из анализа, в приведённых предисловиях в разной степени присутствуют все значимые кванты смысла. Такие кванты смысла как аттракторы

текста оригинала, признание автора, контекстуализация, оправдание перевода являются неотъемлемыми компонентами переводческого предисловия (присутствуют в 100% исследованных метатекстов). В подавляющем большинстве случаев переводчик прибегает к реконтекстуализации текста как средству создания читательского интереса через указание на определённую историческую или эмоциональную общность иноязычного произведения с принимающей культурой (наблюдается в 75% изученных метатекстов). Некоторые из компонентов, например, переводческий комментарий или эксплицитное апеллирование к читателю, могут быть опциональными и зависят от личного отношения переводчика к необходимости раскрывать некоторые аспекты своей деятельности или выбранного стиля предисловия. Личное отношение переводчика к автору и/или произведению прослеживается в 37,5% изученных метатекстов. Эксплицитного апеллирования к читателю в изученных нами метатекстах к поэтическим текстам не наблюдалось, однако авторы предисловий прибегали к определённым приёмам риторики текста (имитация диалога с читателем через вопросно-ответную структуру предложений), использовали контактоустанавливающий стиль написания для установления коммуникации и регулирования потока информации. Прямая рекомендация к прочтению отсутствует, она создаётся имплицитно посредством создания репутации автора, за счет подчёркивания его значимости и уникальности, актуальности произведения, внушения составить аутентичное мнение о нем посредством прочтения произведения.

В процентном соотношении наличие всех квантов смысла символической ценности переводческого предисловия в структурно-композиционном отношении ко всему тексту предисловия в изученных нами метатекстах к переводам поэтических произведений может быть выражено следующим образом:

Соотношение квантов смысла в метатексте (в процентах)

2.2.2.2 Анализ квантов смысла на примере предисловий/послесловий к текстам повторных переводов (перепереводов)

На данном этапе анализа были изучены метатексты, составленные переводчиками к перепереводам англоязычных авторов, опубликованных в журнале «Иностранная литература» в 1990-2015 гг. в рубрике «Переперевод» (общее количество – 5 метатекстов за весь период). Все метатексты написаны к произведениям поэтического жанра. Повторного перевода прозаических произведений в ИЛ за указанный период не опубликовано.

Объемы исследованных метатекстов существенно варьируются: от одного целостного метатекста объемом от 1650 слов (Елифёрова, 2014) до метатекстов объемом 7 114 слов (Матвеев, 2012).

В качестве примеров были проанализированы метатексты к следующим произведениям:

1) Donne J. A Valediction Forbidding Mourning. Донн Дж. Прощание, возбраняющее печаль. Перевод, комментарии, послесловие М.В. Елиферовой (ИЛ 2014, 2);

2) Shakespeare W. Comedy of Errors. Отрывки из «Комедии ошибок» Перевод с параллельным английским текстом, вступление М.Я. Бородинской (ИЛ 2012, 10);

3) Wilde O. The Sphinx. Уайльд О. Сфинкс. Перевод, послесловие, комментарии М.Л. Матвеева (ИЛ 2012, 8).

Как и на предыдущем этапе, исследование переводческого метатекста к повторному переводу проводилось путем выявления квантов смысла.

1. **Аттракторы текста оригинала.** В качестве аттракторов текста оригинала переводчики подчёркивают уникальность и оригинальность переведённого произведения. М.Я. Бородинская указывает на несомненную ценность ранней комедии Шекспира, сравнивая ее «с жёлудем, таящим несколько будущих дубков». В этой ранней комедии она видит осязаемые черты более поздних произведений (Бородинская, 2012).

2. **Признание автора** наблюдается на уровне характеристики текста оригинала; оценки автора текста и самого произведения – М.Я. Бородинская описывает пьесу Шекспира как плотную и цельную, анализирует метрическую систему и стихотворный размер пьесы (Бородинская, 2012). М.В. Елиферова характеризует емкость образов и концептов Донна как «культурный субстрат» (Елиферова, 2014). М.Л. Матвеев дает детальный анализ стиля и образов О. Уайльда (Матвеев, 2012).

3. **Контекстуализация.** Для контекстуализации текста оригинала переводчики приводят справочную и биографическую информацию об авторе, произведении и событиях, существенно повлиявших на создание произведения: М.В. Елиферова указывает на отличительные черты английских поэтов-метафизиков XVII в., религиозность Дж. Донна (Елиферова, 2014). М.Я. Бородинская говорит о характерных жанровых чертах произведений У. Шекспира (Бородинская, 2012). Большинство переводчиков указывает на непреходящую ценность и актуальность произведения.

4. **Реконтекстуализация.** В качестве реконтекстуализации текста переводчики упоминают о наиболее известных переводах произведения, созданных ранее. Так, М.В. Елифёрова обращается к шести известным переводам поэтического текста, в разное время выполненным И. Бродским, Г. Кружковым, С. Козловым, М. Кузьминым, О. Румером, В. Топоровым, А. Шадриным. Она также выявляет общность стиля и тематики Дж. Донна «в русском XVII веке и у русских религиозных писателей» (Елифёрова, 2014).

5. **Оправдание перевода.** Как показал анализ, оправданием перевода может служить либо личная неудовлетворённость переводчика существующими переводами: «Мне удалось сформулировать, чего мне не хватало в сложившейся традиции русских переводов этого стихотворения» (Елифёрова, 2014), либо отсутствие полноценного и качественного перевода: «...в нашем общем литературном хозяйстве жизнеспособного перевода этой ранней (примерно 1591 года) пьесы просто не нашлось» (Бородицкая, 2012).

6. **Апеллирование к читателю.** Эксплицитно не наблюдалось.

7. **Рекомендация к прочтению** текста перевода в исследованных метатекстах эксплицитно не наблюдалась.

Необходимо пояснить, что такие кванты смысла как апеллирование к читателю и рекомендация к прочтению чаще всего выражены имплицитно: через контактоустанавливающий стиль самого метатекста (местоимения первого лица, объединение себя с читателем, имитация диалога для управления потоками информации) и убеждение читателя в необходимости прочтения перевода для составления личного мнения о произведении или указания на неадекватность или несостоятельность ранних переводов.

8. **Переводческий комментарий** (личное отношение/ опыт переводчика) в метатекстах к перепереводам занимает значительное место, он включает рефлекссию переводчика и анализ ранее созданных переводов. М.В. Елифёрова так описывает свое личное отношение к переперевод: «Уже к тому времени у меня сложилось представление, что для перевода текстов, которые неоднократно переводились, нужен уважительный повод, и таким поводом может быть только личная,

выстраданная и целостная концепция, а не абстрактное желание самовыразиться». Далее она указывает на необходимость культуросообразовать перевод: «К тому моменту у меня уже сложилась убежденность в том, что переводчик может и должен подсвечивать культурный фон подлинника, если для читателя принимающей культуры что-то не вполне очевидно. И для прояснения следует использовать язык, который бы “включал” у читателя подсветку этого фона, – то есть язык культурологический *наполненный*» (Елифёрова, 2014). Что касается анализа ранее созданных переводов данного произведения с целью оправдать необходимость переперевода, переводчики указывают на достижения и неудачи своих предшественников. Так, например, М.В. Елифёрова подробно анализирует шесть известных переводов стихотворения Дж. Донна: «...это место лучше удалось Г.М. Кружкову, а вот это А.М. Шадрину, а Иосиф Бродский, к сожалению, тут не дотянул (что признает даже такой поклонник Бродского, как И.О. Шайтанов)», «Неудачным оказывается вариант Бродского: “Но мы...”», «Существенно лучше обстоит дело у Шадрина и Кружкова». «Рассмотрение шести переводов подводит к неутешительному выводу – хотя среди них есть и хорошие, и плохие, но культурный контекст лирики Донна в них нивелируется» (Там же).

Анализ всех метатекстов к повторным переводам показал, что в абсолютном большинстве текстов присутствуют такие кванты смысла как аттракторы текста оригинала, признание автора, оправдание перевода (100%), анализ существующих переводов и переводческий комментарий (80%). Рекомендация к прочтению и апеллирование к читателю в большинстве метатекстов выражены имплицитно (70%). Реконтекстуализация наблюдается в 60% случаев.

В отличие от других видов метатекстов, в предисловиях к перепереводам в переводческий комментарий и анализ ранее созданных переводов занимает существенное место (80%), что может быть объяснено желанием оправдать повторный перевод произведения.

Схематически результаты анализа можно представить следующим образом.

Рисунок № 2.5

Соотношение квантов смысла в перепереводах поэтических текстов (в процентах)

2.2.2.3 Анализ квантов смысла на примере предисловий/послесловий к прозаическим текстам

Предваряя анализ метатекстов, следует отметить, что объемы изученных метатекстов предисловий/послесловий к прозаическим текстам также существенно варьируются: от метатекста объемом 178 слов (5848 печатных знаков) до метатекста объемом 1800 слов (более 12000 печатных знаков). Прежде чем перейти к анализу, представим использованные в качестве примеров метатексты к следующим произведениям:

1. Acroyd P. London: The Biography. Акройд П. Биография Лондона. Перевод, вступление Л.Ю. Мотылева (ИЛ 2002, 10);
2. Bainbridge B. According to Queeney. Бейнбридж Б. Согласно Куинни. Перевод, вступление А.Я. Ливерганта (ИЛ 2004, 12);
3. Barker H. The Possibilities. Баркер Г. Возможности. Перевод, вступление А.Н. Сергиевского (ИЛ 2014, 10);

4. Bismuth N. Scrapbook. Бисмют Н. Scrapbook. Перевод, вступление Н.О. Хотинской (ИЛ 2006, 11);
5. Cunningham M. The Hours. Каннингем М. Часы. Перевод, вступление Д.Ю. Веденяпина (ИЛ 2000, 9);
6. Delillo D. Мао II. Делилло Д. Мао II. Перевод, предисловие С.В. Силаковой (ИЛ 2003, 11);
7. Doyle A.C. The Haunted Grange of Goresthorpe. Дойль А.К. Подлинная история о привидениях Горспторской усадьбы. Перевод О.Новицкой, вступление и публикация А.А. Лапудева (ИЛ 2008, 1);
8. Doyle A.C. The Valley of Fear. Дойль А.К. Долина смерти. Перевод И. Бернштейн, вступление и публикация А.А. Лапудева (ИЛ 2008, 1);
9. Dylan T. Collected Stories. Дилан Т. Рассказы. Перевод, вступление Е. Суриц (ИЛ 1999, 12);
10. Pinter H. Old Times. Пинтер Г. Былые времена. Перевод, вступление А.Я. Ливерганта (ИЛ 2006, 5);
11. Saunders G. Short Stories. Сондерс Дж. Рассказы. Перевод, вступление С.В. Силаковой (ИЛ 2001, 7);
12. Welsh I. Ecstasy. Уэлш И. Экстази. Между экстази и экстазом: статья-послесловие С.Ю. Кузнецова (ИЛ 1998, 4);
13. Welsh I. Fortune's Always Hiding. A Corporate Drug Romance. Уэлш И. Судьба вся в бегах. Фармацевтический романс. Перевод и послесловие Б.Н. Кузьминского (ИЛ 1998);
14. Welsh I. The State of the Party. Уэлш И. Вечеринка что надо. Ирвин Уэлш – Жан Жак Руссо химического поколения. Перевод, вступительная статья И.В. Кормильцева (ИЛ 1998);
15. White B. Mama Makes Up Her Mind and Other Dangers of Southern Life. Уайт Б. Мама делает выбор, или какие опасности подстерегают вас на Юге. Перевод, вступление Ю.Б. Степаненко (ИЛ 2007, 7);
16. Wolfe T. Of Time and the River. Вулф Т. О времени и о реке. Перевод, вступление В.О. Бабкова (ИЛ 2004, 7).

1. **Аттракторы текста оригинала.** Изучив метатексты, выделяем такие аттракторы текста оригинала как аутентичность автора, современность и актуальность его творчества. С. Силакова так описывает привлекательность автора: «Американский мастер рассказа Джордж Сондерс — это три “С”: сарказм, сюрреализм, сатира. <...> Кроме того, Сондерс злободневен — он живописует зловещие плоды, которые вскоре разовьются из сегодняшних “цветочков” цивилизации» (Силакова, 2001). Для Д. Веденяпина аттрактором текста оригинала являются общефилософские темы романа и несомненное новаторство романа, где «то, что происходило когда-то, происходит и сейчас. Оставаясь в “сегодня”, можно оказаться в “завтра”» (Веденяпин, 2000). Б. Кузьминский видит привлекательность И. Уэлша как создателя течения наркопанка в современной литературе (Кузьминский, 1998). Н. Хотинская выделяет такие аттракторы текста оригинала как новизна «роман с секретом», несомненное сходство героини с автором, переводчик пародийность стиля, и ироничная критика «любимицы публики Бриджет Джонс» (Хотинская, 2006). Название романа *Scrapbook* (Альбом) — аллюзия на популярный роман Хелен Филдинг *Bridget Jones's Diary* (Дневники Бриджет Джонс) тоже, по мнению переводчика, способно привлечь читателя. Для И. Кормильцева аттрактором И. Уэлша выступает противоречивость его творчества, легендарный статус писателя: «Ирвин Уэлш — очень модный писатель. Для писателя это в равной степени привлекательно и опасно, поскольку влечет за собой неизбежное обвинение в конъюнктурности — особенно если он сам подыгрывает своему статусу живой легенды. А Ирвин Уэлш подыгрывает — и еще как!» (Кормильцев, 1998). В качестве аттрактора текста переводчик также указывает на общефилософскую тематику Уэлша — «воспитание чувств с целью обретения смысла существования», несомненные достоинства его произведений, на существенное отличие прозы Уэлша от современной трансгрессивной литературы (Там же).

2. **Признание автора.** Возвышая репутацию автора, переводчики акцентируют внимание на принадлежность автора к великим: «Вулф заметно выделяется даже в блестящей плеяде американских прозаиков начала прошлого века. Сам Фолкнер объявил его первым писателем поколения» (Бабков, 2004); на

особой повествовательной манере автора, например, «слуховом» начертании фрагментов текста И. Уэлша: «И. Уэлш – это не Дж. Арчер, что можно расценивать как эксплицитную похвалу. (Поясним, что Дж. Арчер является автором популярных бестселлеров, так называемого «light read» (легкого, развлекательного чтения) (Кузьминский, 1998). В некоторых случаях переводчики, воздавая похвалу автору, создают репутацию писателю-дебютанту, уже получившему признание на родине: «Вышедшему в 1999 году сборнику новелл двадцатитрехлетней студентки из Монреаля “Без измены нет интриги” была устроена настоящая орация; критики в один голос – и вполне заслуженно – превозносили талант юного автора, живой язык, “незамыленный” взгляд и психологическую достоверность. Книга была удостоена двух литературных премий, а Надин Бисмют признана новой звездой, взошедшей на литературном небосклоне Канады» (Хотинская, 2006).

3. **Контекстуализация.** Большинство переводчиков прибегают к описанию эпохи автора, его литературной принадлежности, упоминают писателей-современников, дают характеристику типичным героям в творчестве писателя. Ю. Степаненко, в своем метатексте описывает особенности времени и действия романа: «Книга Бейли Уайт “Мама делает выбор, или какие опасности вас подстерегают на Юге” – насмешливо-любовный портрет американской южной глубинки, особняком стоящей среди всех остальных захолустий. О месте Юга в истории и культуре страны очень много написано. И Бейли Уайт пишет о том же, но только пером участника событий, а не хладнокровного исследователя» (Степаненко, 2007). А. Сергиевский дает краткую справку о начале течения литературы катастроф в британской драматургии и его типичных чертах, причинах, породивших подобный жанр. «Говард Баркер, один из ведущих британских драматургов, автор нескольких десятков театральных, телевизионных и радиопьес, дебютировал в конце 60-годов, а к середине 70-х получил известность как автор окрещенных многими критиками “пьес катастроф”. И действительно, насилие, разочарованность и опустошенность, истощенность привычных форм социально-культурного бытия – вот только некоторые из излюбленных тем и мотивов в драмах и комедиях Баркера. Их откровенная публицистичность проявляется в переплетении непосредственного изображения

событий с философскими, лирическими отступлениями: прямым обращением героев в зал, комментированием событий, участниками которых они являются» (Сергиевский, 2014). Б. Кузьминский представляет в предисловии типичных героев Уэлша – современных британских подростков и их родителей, бредящих футболом (все), употребляющих наркотики (дети), пьющих почитателей оранжистов (родители). Переводчик подчеркивает, что эти персонажи являются историческим фоном для современной британской литературы. В качестве реконтекстуализации текста переводчик указывает на близость проблематики творчества автора русскоязычному читателю: переводя оригинал, он видит за героями Уэлша современных российских подростков того же возраста и с теми же проблемами, а говоря об обывателях, называет их «москвич», «челябинец», подчеркивая тем самым обыденность героев И. Уэлша (Кузьминский, 1998).

4. **Реконтекстуализация.** Осознавая необходимость реконтекстуализации текста, ранее неизвестного или малоизвестного русскоязычному читателю, переводчики прибегают к параллелям в творчестве автора и созвучных ему русских/российских писателей, устанавливают общность образов и др. С. Силакова упоминает о том, что автор ценит творчество известных русских сатириков Н.В. Гоголя, И.Э. Бабеля, А.П. Чехова и Д.И. Хармса, задавая, таким образом, параметр общности между авторами, героями и стилем: «А для нас будет небезынтересно, что этот заокеанский писатель высоко ценит русских авторов — Гоголя и Бабеля, Чехова и Хармса» (Силакова, 2001). Б. Кузьминский, видит в творчестве И. Уэлша отражение российской действительности: «...а ну как передо мной точный, на ближайшие пятнадцать лет, прогноз судьбы того поколения российских 13-16-летних, что сейчас читают журнал “ОМ”, ночи напролет тащатся под рейв в экс-дансингах и мне лично представляются прилетевшими с другой, абсолютно не гуманоидной планеты?» (Кузьминский, 1998). Н. Хотинская в качестве реконтекстуализации указывает на близкий российскому читателю образ «юной студентки, обдумывающей житье», образ достаточно популярный в современной российской литературе и кино (Хотинская, 2001).

5. **Оправдание перевода.** Оправдывая желание перевести текст на русский язык, переводчик выявляет и подчеркивает культурную ценность

произведения и значимость его перевода на язык другой культуры, возможный вклад этого произведения в мировое и национальное наследие, опираясь на такие факторы как известность автора, новаторство, актуальность творчества, ценность философской позиции. А. Ливергант подчеркивает общефилософскую направленность переведенного романа: «...о разобщенности близких, проживших вместе всю жизнь людей, о тайне человеческих отношений, которую не передать словами. Не оттого ли в “Былых временах” по много раз на одной странице встречается одна и та же ремарка – “Молчание”» (Ливергант, 2006). Для Д. Веденяпина перевод оправдан желанием представить читателю новаторский роман в духе В. Вулф, Дж. Джойса, Б. Пастернака и В. Набокова: «Русским читателям, наверное, вспомнятся Пастернак и Набоков с их романами о поэтах» (Веденяпин, 2000).

6. **Апеллирование к читателю.** Переводчик апеллирует к читателю посредством стиля написания метатекста и его лексического наполнения. Он выбирает такой регистр языка, такие языковые средства, которые позволяют ему установить контакт с читателем, управлять его вниманием и др. Переводчик может использовать оценочные и генерализирующие маркеры: «Вообще, если вы заметили...», «Надеюсь, не прогноз...», прибегать к графической визуализации текста (капитализация, использование восклицательного знака) для привлечения внимания: «Впечатление чужой, ЧУЖДОЙ планеты — ровно то же самое»; «...изначально адресованного английскому зрителю, речь героев сопровождается английскими же (!) субтитрами» (Кузьминский, 1998); использовать языковые средства неформального стиля: «И то сказать, кому как не писателю сочинять жизнеописание другого писателя? Ему, как говорится, и карты в руки» (Ливергант, 2012); «Самым привлекательным в этих рассказах было не содержание, а герои — рассказчик и его друг: Джек... Джефф... Джеймс... Джон(?) доверительно и обстоятельно повествует о необыкновенных событиях, участником которых он стал благодаря своему приятелю — Тому... Томасу... Шерлоку(?). О, этот Том! Прекрасно образованный, физически развитый, бесстрашный, неизменно настроенный патриотически. А чего стоит его манера курить так, что клубы дыма полностью скрывают его фигуру, и лишь голос звучит, как у дельфийского оракула!

А его отношение к другу-рассказчику!» (Лапудев, 2008). Создавая метатекст, многие переводчики в иерархии «автор→переводчик→читатель» сознательно объединяют себя с читателем, для которого перевод предназначен: «Согласитесь с ней, даже по этой скромной картинке, я надеюсь, и вы» (Суриц, 1999).

7. **Рекомендация к прочтению.** Переводчик может эксплицировать свою рекомендацию читателю - прочитать произведение: «Два опубликованных выше текста Ирвина Уэлша не являются исключением, и поэтому я предлагаю, избрав их в качестве начального пункта, отправиться в путешествие ...» (С. Кузнецов, 1998: 194); «Публикующаяся ниже очень неожиданная для Конан Дойла повесть “Долина страха” не только выполнена замечательным мастером российского переводческого цеха И.М. Бернштейн, но и прошла основательную проверку на достоверность и точность воспроизведения повседневной жизни людей того времени. Все это и позволяет смело рекомендовать ее читателю» (Лапудев, 2008). В большинстве случаев намерение выражено имплицитно, что создает у реципиента потребность в прочтении произведения для формирования собственного мнения: «Лондон как живое существо. Что это — метафора или своего рода религия? Пусть об этом судит читатель» (Мотылев, 2002). Переводчик указывает на интригу текста: «Роман сделан очень крепко: всякое ружье, даже висящее в самом дальнем углу, в итоге стреляет. Следить за развитием всех этих тем и мотивов очень интересно» (Силакова, 2003); задает читателю вопросы, ответ на которые предлагает найти в романе: «Как устроено время? Как рождаются книги? Как сцеплены между собой авторские слова-сны? Как влияют события (разнесенные во времени и пространстве) на слова, а слова — на события? Что делать с бог весть откуда взявшейся способностью испытывать “абсолютное и безусловное восхищение”? Как жить в мире, в котором столько всего сразу: “погода, вода, земля, дома, прошлое и будущее, космос и история”, болезни, смерть, творчество?» (Веденяпин, 2000). В качестве рекомендации к прочтению Н. Хотинская упоминает, что Н. Бисмют полностью оправдала надежды канадских читателей, выражает надежду, что «и в России она завоюет немало сердец» (Хотинская, 2001).

8. **Переводческий комментарий.** В качестве переводческого комментария могут выступать: А) Переводческие решения и стратегии. Для Б. Кузьминского это

связано с трудностями перевода языка романа, персонажи которого изъясняются на достаточно сложном диалекте шотландского рабочего гетто или предместья, где живет так называемый ‘low-middle’ (низший средний класс); определенная часть персонажей смешивает этот диалект с молодежным жаргоном, представленным арготом наркоманов. Кроме того, роман насыщен различными прецедентными феноменами, свойственными британской культуре: национальной одержимостью футболом, шотландским и уэльским национализмом, спецификой жизни наркоманов и т.д. В переводческом комментарии переводчик описывает свое видение перевода подобных произведений, пишет о сознательном отказе от создания комментария как дополнительного метатекста ради сохранения феномена отчужденности мира героев, параллельной вселенной, далекой от обывателя. «Воспроизвести подобную структуру по-русски — задача заведомо безнадежная; противится традиция, и литературная, и попросту графическая. (Впрочем, попытка такого “слухового” начертания, не знаю уж, насколько удачная, предпринята в главке “Индзастройка”, где контрастно имитируются шотландский, ирландский и вест-индский акценты. И еще: к финалу данной повести монолог героя-повествователя становится куда более внятен даже и “зрительно”, чему русский текст пробует соответствовать.)» (Кузьминский, 1998).

Б) Описание события, связанного с переведенным произведением: «“Возможности” в первый – и последний – раз были поставлены на российской сцене в сезоне 1988-1989 года, то есть вскоре после премьеры пьесы в британских театрах. Игралась пьеса в Москве, в помещении ДК им. Зуева – на площадке незадолго до того созданного Союза театральных деятелей СССР. Перевод был сделан едва ли не сразу после лондонской премьеры: английский текст попал ко мне от Анатолия Васильева, руководителя знаменитой Школы драматического искусства, только что вернувшегося тогда из Англии, с предложением перевести его для будущей постановки. Таковая, однако, не сложилась, после чего я показал пьесу Владимиру Мирзоеву, осуществлявшему в тот период свои первые театральные проекты. Игралась пьеса в два вечера: Мирзоев поделил ее пополам с Владимиром Климом, и оба режиссера – отобрав каждый по пять сцен – работали над ними независимо друг от друга» (Сергиевский, 2014).

Из проведенного анализа явствует, что в изученных предисловиях к прозаическим текстам в разной степени присутствуют все значимые компоненты символической ценности перевода. Такие кванты смысла, как аттракторы текста оригинала, признание автора, контекстуализация, оправдание перевода являются неотъемлемыми компонентами переводческого предисловия (присутствуют в 100% исследованных метатекстов). В большинстве случаев переводчик прибегает к реконтекстуализации текста как средству создания читательского интереса через указание на определенную общность иноязычного произведения с принимающей культурой (наблюдается в 62,5% изученных метатекстов). Некоторые из квантов смысла, например, переводческий комментарий или эксплицитное апеллирование к читателю, могут быть опциональными и зависят, соответственно, от личного отношения переводчика к необходимости раскрывать некоторые аспекты своей деятельности или выбранного стиля предисловия – при использовании нейтрального стиля шанс на установление более тесного контакта с читателем менее вероятен. Переводческий комментарий присутствует в 62,5% изученных метатекстов. Эксплицитного апеллирования к читателю в изученных нами метатекстах не наблюдалось, однако авторы предисловий прибегали к определенным приемам риторики текста (имитация диалога с читателем через вопросно-ответную структуру предложений) или использовали личностно-дискурсивный стиль написания для установления коммуникации с читателем и регулирования потока информации. Прямая рекомендация к прочтению присутствует в двух метатекстах, что составляет 1% от общего количества изученных нами метатекстов к произведениям прозаического жанра. В абсолютном большинстве случаев она создаётся имплицитно посредством создания репутации автора, за счет подчёркивания его значимости и уникальности, актуальности произведения, внушения составить аутентичное мнение о нем посредством прочтения произведения.

Представим схематически процентное соотношение квантов смысла в метатекстах к переводам художественных текстов:

**Соотношение квантов смысла в метатексте к переводам
прозаических произведений (в процентах)**

Ниже представлена сводная таблица, иллюстрирующая соотношение квантов смысла в текстах изученных жанровых разновидностей (поэтический текст, повторный перевод поэтического текста, прозаический текст).

Таблица № 2.2

**Сравнительный анализ наличия квантов смысла в метатексте к переводам разных
литературных жанров (в процентах)**

Кванты смысла	Поэзия	Переперевод (поэзия)	Проза
Аттракторы текста	100	100	100
Признание автора (возвышение или создание репутации автора/ произведения в принимающей культуре)	100	100	100
Контекстуализация	100	100	100
Реконтекстуализация	50	60	62,5
Оправдание перевода	100	100	100
Апеллирование к читателю (эксплицитно/ имплицитно)	0/70	0/55	0/75
Рекомендация к прочтению (эксплицитно/ имплицитно)	0/73	0/70	25/75
Переводческий комментарий/Анализ ранее выполненных переводов	50	80	62,5

В связи с тем, что все метатексты к повторным переводам, опубликованным в ИЛ за указанный период, относятся к поэтическому жанру, представляется

возможным объединить данные первых двух колонок Таблицы № 2.2. Обобщенные данные представлены в таблице 2.3.

Таблица № 2.3

Сравнительный анализ наличия квантов смысла в метатексте к переводам поэтических и прозаических текстов (в процентах)

Кванты смысла	Поэзия	Проза
Аттракторы текста	100	100
Признание автора (возвышение или создание репутации автора/ произведения в принимающей культуре)	100	100
Контекстуализация	100	100
Реконтекстуализация	55	62,5
Оправдание перевода	100	100
Апеллирование к читателю (эксплицитно/ имплицитно)	0/ 47,5	0/ 65
Рекомендация к прочтению (эксплицитно/ имплицитно)	0/71,5	3/67
Переводческий комментарий	65	62,5

Как явствует из полученных результатов, процентное соотношение квантов смысла в метатекстах к переводам поэтических и прозаических текстов несущественно различается, что позволяет нам сделать вывод об **универсальности** выявленных квантов смысла для всех типов предисловий/ послесловий

2.2.3 Выявление функций переводческого предисловия/послесловия в метатексте

Переходим к выявлению функций переводческого предисловия/послесловия, соотносимых с квантами смысла.

На основании анализа метатекстов были выявлены функции, характерные для переводческих предисловий/послесловий. Обозначение большинства функций метатекста опирается на типологию, предложенную Л.Г. Викуловой и И.В. Черниговой [Викулова, 2001; Чернигова, 2006]. В своих исследованиях авторского и издательского паратекста ученые предлагают выделить следующие функции:

А) для авторского паратекста – функция единораздельности, новаторства и традиционности; экспликативная функция; интродуктивная функция; функция освещения актуальных проблем своей эпохи и возвеличивания языка; историческая

или генетическая функция, функция комментирования названия произведения; функция авторской интенциональности.

Б) для издательского паратекста – информативная функция; функция комментирования исходного текста произведения; функция создания условий для эффективного прочтения; функция проспективного комментирования; рекламная функция.

Мы склонны считать, что переводческое предисловие выполняет как функции, свойственные для авторского и издательского видов паратекста, так и другие функции, которые были нами выявлены в ходе эмпирического анализа метатекста. Мы установили, что переводческое предисловие является авторским, оно создано переводчиком с целью адекватного восприятия основного текста перевода, управления пониманием потенциального читателя в скрытой или явной форме; оно создает условия для успешного прочтения перевода, нейтрализует или элиминирует коммуникативно-прагматические помехи лингвистического и экстралингвистического характера, сближает перевод с лингвокультурной средой читателя-инофона, убеждает читателя в ценности переведенного произведения. Отличительной чертой переводческого предисловия является экспликация переводческой деятельности (переводческий комментарий и суждения по поводу текстов оригинала и перевода) и валоризация перевода (указание на социально-культурную общность переведенного произведения с принимающей культурой).

Таким образом, при выявлении функций переводческого метатекста мы опирались, с одной стороны, на типологию Л.Г. Викуловой и И.В. Черниговой, с другой стороны, на собственные наблюдения, что позволило нам выявить следующие функции: функция комментирования, функция авторской интенциональности, функция освещения эпохи автора, интродуктивная функция, экспликативная функция, функция речевого воздействия, функция валоризации текста перевода и функция актуализации переводческой деятельности.

Проанализируем перечисленные функции в переводческом метатексте и установим их соотношение с описанными выше квантами смысла.

1. **функция комментирования** названия произведения, его композиции, жанрово-стилистических особенностей, образов главных героев и др.

Данная функция предназначена для презентации аттракторов текста оригинала, выражающих литературную, общеполософскую и общеполософологическую ценность произведения.

«Утц» – счастливая книга. Во всех отношениях. Во-первых, она получилась – состоялась как роман. Целиком: от «смешного» названия – до неожиданной «открытой» концовки. Во-вторых, внутри этой книги приятно-уютно находиться. В-третьих, это многоуровневое сочинение, причем некоторые из уровней возникли, подозреваю, помимо авторской воли. При всем многознании, таланте и писательской изощренности Брюса Чатвина конечный результат, как мне кажется, волшебнее замысла, и за время, прошедшее с момента написания, многоплановость книги стала только заметнее. Именно благодаря «неучтенным», иным смыслам книга живет и сегодня, на фоне совсем других исторических декораций» (Веденяпин, 2005).

«Стеклянный город» Пола Остера даёт пищу для размышлений не только критику и литературоведу, но и лингвисту, психологу, психиатру, возможно даже, философу.

С самого начала, с названия, читатель попадает в стихию нескончаемых литературных аллюзий (Священное Писание, Сервантес, Мильтон, Дефо, Мелвилл, Эдгар По, Льюис Кэрролл), постоянной, иногда даже несколько навязчивой словесной игры. Название повести — “City of Glass” — может восприниматься аллюзией на евангельское “sea of glass”: “...и перед престолом море стеклянное, подобное кристаллу” (Откровение, 6, 4). Инициалы героя — Д.К. — совпадают с инициалами героя Сервантеса: Дон Кихот беззаветно сражается с ветряными мельницами, а Куин столь же беззаветно в течение двух недель ведет слежку за сумасшедшим стариком, который копается в отбросах. Инициалы вымышленного ученика Мильтона Шервуда Блэка, человека, что явствует из его имени, весьма мрачного и загадочного, приехавшего в семнадцатом веке в Америку строить Новый Вавилон, совпадают с инициалами кэрролловского Шалтая-Болтая, того самого, с кем не в состоянии справиться “вся королевская конница” и кого Алиса вначале приняла за яйцо, — Стилмен-старший строит на этом целую лингвофилософскую теорию» (Ливергант, 1997).

2. функция авторской интенциональности соотносится с признанием автора текста, создания и возвышения его репутации. Речь идет об активности позиции переводчика, который, по замечанию Г.Р. Гаспарян, «становится первым интерпретатором и проводником авторского замысла» [Гаспарян, 2013: 104–105].

«Из истории русско-американских связей XIX века имя американского литератора и путешественника Баярда Тейлора (1825-1878) выпало незаслуженно. По сути дела, он был воплощением этих связей, культурным посредником между двумя странами. В России, где Тейлор побывал летом 1858-го и провел зиму 1862-1863 годов, он, человек широко образованный, знавший несколько языков, объездивший полсвета, удивлял своим несоответствием привычному образу янки. У себя на родине он разрушал стереотипные представления о нашей стране, делясь своими впечатлениями о ней в путевых очерках, статьях, публичных лекциях и даже стихах. Взгляды и оценки Тейлора не могли не воздействовать на образ России и русских в американском культурном сознании, поскольку его литературная репутация в свое время была чрезвычайно высока.

Современники называли Баярда Тейлора “великим американским путешественником” и зачитывались его книгами о дальних странах. Послушать его лекции о путешествиях собиралось до четырёх тысяч человек: “Залы были переполнены, барышни вытягивали шеи, отовсюду слышался шепот ‘вот он! это он!’”.

О его стихах и прозе одобрительно отзывались Лонгфелло и Теккерей, По и Браунинг, Теннисон и Ауэрбах. Перевод на английский язык гётевского “Фауста” принёс ему признание в академических кругах. Кроме немецкого и французского, он знал арабский и русский языки и читал Пушкина в оригинале» (Лапина, 2006).

3. функция освещения эпохи автора, литературных течений, тенденций и других культурных феноменов. Данная функция соотносится с контекстуализацией текста оригинала, со стремлением переводчика информировать читателя о социально-культурном, историко-политическом контексте создания произведения.

«По формальным признакам “Былые времена” (1971), как и большинство пьес Нобелевского лауреата 2005 года Гарольда Пинтера, относятся к театру абсурда. Три персонажа – Дили, его жена Кейт и ее подруга детства Анна – говорят между собой на разных языках (как правило, либо Дили, либо Анна, оказываются – нередко по собственной воле – “вне игры”), то и дело теряют нить разговора, не “держат тему” – все симптомы “эстетики абсурдизма” налицо. Не будем забывать, однако, что абсурд у Беккета, Чапека, Ионеско, Бенюэля, Олби, Пинтера, Магритта – не более чем форма, прием, и плоха та абсурдная пьеса, тот абсурдный фильм, роман или картина, которые абсурдны с начала и до конца, невняты, лишены смысла: “Сказка ложь, да в ней намек...” Намек “Былых времен” прост и печален: у близких людей события вместе прожитых лет воспринимаются по-разному, совпадают далеко не всегда» (Ливергант, 2006).

«Возвращаясь к понятию слипстрим, интересно вспомнить, что в литературу оно пришло из авиации, где обозначает воздушный вихрь, создающийся за винтом в процессе полета. Таким образом, наиболее точным переводом этого апофеоза странности в литературе будет “завихрение”. Это литература фантазийного волюнтаризма, где причинно-следственные связи держатся на волоске, а обострённые до предела чувства несравнимо важнее логики. Вполне реалистичное изображение вдруг подёргивается мелкой рябью, и из глубины подсознания всплывают на поверхность совершенно неожиданные образы и картины. В одном из рассказов Каван так описала источник своего вдохновения: “...это плазма чудного сна, текущая вдоль жизненного пути, но по совершенно независимой от него траектории”. <...>

В отличие от фантастики или киберпанка, слипстрим не подразумевает псевдонаучных объяснений. Влияние науки, технический прогресс проявляются в подспудном напряжении, вызванном тотальной зависимостью от технологий, которыми каждый из нас пользуется, но мало кто представляет, как они работают. Когда функции осознания добровольно переданы, а куму – неизвестно, когда то, что сейчас под контролем, может в любой момент обернуться тотальным хаосом, ситуацией, где старые правила не работают и нужно придумывать новые» (Симановский, 2010).

4. функция валоризации текста перевода отражает межкультурную, межнациональную, межличностную значимость произведения. Данную функцию мы соотносим с реконтекстуализацией, т.е. с намерением

переводчика показать читателю взаимосвязь ценностей контактирующих культур.

«Первым русским слипстримом можно назвать “Нос” Н. В. Гоголя. Все эти произведения объединяет сюжетообразующее допущение, внятно разъяснить которое не в состоянии и сам автор и корни которого – в подсознании» (Симановский, 2010).

«Писать иностранцам “от себя” не полагалась, извиняться за тогдашнее положение с авторским правом тем более... Ответ пришел неожиданно быстро. Маргарет Махи писала, как она удивилась, получив письмо из России, как обрадовалась, увидав своего ”Дракона” по-русски, и рассказывала о своей жизни. ...Маргарет писала, что русская литература занимает особое место в ее жизни. В детстве в руки ей попала сказка Ершова про Конька-горбунка, который стал ее любимым героем. Как-то, когда она была еще девочкой, отец бетонировал дорожки в саду и предложил ей: “Хочешь, нарисуй на них что-нибудь, пока цемент не остыл?” – “И я нарисовала Конька-горбунка, – писала Маргарет, – он и по сей день там”» (Демурова, 2008).

5. экспликативная функция нацелена на оправдание метадискурсивной деятельности переводчика, приступающего к переводу и к созданию метатекста. Данная функция соотносится с оправданием перевода.

«Вообще-то “переперевод” – не моя стихия. Я согласилась и осмелилась взяться за шекспировский текст именно потому, что в нашем общем литературном хозяйстве жизнеспособного перевода этой ранней (примерно 1591 года) пьесы просто не нашлось. Приступая к чтению комедии (второпях пролистанной много лет назад в тяжеловесном переводе, с эпитетом “ученическая” в предисловии), я ожидала найти что-то вроде черновика, малокровного зародыша “Двенадцатой ночи”. И заранее посмеивалась над громоздкой конструкцией с двумя парами близнецов, эхом Плавтовых “Менехмов” и “Амфитриона”... Я была посрамлена. Пьеса легла в ладонь, плотная и цельная, как желудь, таящий сразу несколько будущих дубков» (Бородицкая, 2012).

«Недавно я писал письмо английскому другу и упомянул в нем, что снова вернулся к Стивенсу. Захотелось объяснить, почему мне так нравится этот поэт. Во-первых, с ним интересно. Он любит загадывать загадки, а я люблю их разгадывать. Но главное, он – настоящий» (Кружков, 2008).

6. функция речевого воздействия на потенциального читателя. Для понимания данной функции сошлемся на работу М.Ю. Олешкова, который связывает коммуникативные интенции переводчика со стратегией и тактикой воздействия на читателя [Олешков, 2005: 202-208]. Данная функция соотносится с апеллированием переводчика к потенциальному читателю с целью привлечения его внимания и создания психологической и моральной общности с читателем.

«...Дело еще и в том, что, говоря о них не так-то просто, трудноато ответить на первый, обычно возникающий в таком разговоре вопрос: “А про что там?”»

Действительно, про что? Я бы сказал — про поиски свободы. Поиски, итог которых никогда окончательного удовлетворения не приносит» (Ильин, 2002).

«Британской империи нет. А Редьярд Киплинг есть» (Скороденко, 2010).

«Как возникла литературная аура “Чеширского сыра”? Здесь мы вступаем в область мистики и произвольных догадок. Вот моя гипотеза. В самой фразе “CHESHIRE CHEESE” ровно 14 букв (8 плюс 6), и тем самым она идеально подходит для сонетов-акrostихов, посвященных таверне: два катрена на CHESHIRE и два терцета на CHEESE. И такие акrostихи действительно писались!» (Кружков, 2007).

7. интродуктивная функция метатекста предназначена для представления текста перевода, создания позитивного эмоционального настроения в сознании потенциального читателя, для убеждения его в необходимости обращения к тексту перевода и его прочтения. Данная функция соотносится с рекомендацией к прочтению.

«Для меня большая честь и большая радость впервые представить Брюса Чатвина российской читающей публике» (Веденяпин, 2005).

«Печатаемое здесь — это лишь часть романа, отдельные главы, связанные именем одного из его персонажей, Флэя. Некоторое представление о романе они все же дают и прочтения, надеюсь, заслуживают» (Ильин, 2002).

«Но настало поколение внуков. Викторианский мир видится издалека если не лучше, то беспристрастней. И пришла пора опять всмотреться в старые фотографии А. Теннисона (некоторые из них сделаны Льюисом Кэрроллом), вслушаться в хриплую аудиозапись на одном из первых восковых валиков (подарок Эдисона), а главное, заново перечитать стихи поэта и попытаться понять его искусство и судьбу» (Кружков, 2006).

8. функция актуализации метапереводческой деятельности соотносится с переводческими комментариями относительно процесса перевода, принятых переводческих решений, размышлений о переводческой деятельности. Необходимо отметить, что данная функция является факультативной, т.к. в большинстве анализируемых нами переводческих предисловий/послесловий переводчик старается быть беспристрастным и объективным. Вместе с тем, в рамках проводимого исследования данная функция представляется необходимой.

«Предлагаемые здесь читателю переводы, как, впрочем, и изданный мною в 1983-м году русский Пнин, далеко не свободны от разнообразных недостатков языка и слога, и может быть даже ошибок в толковании оригинала; надеюсь, впрочем, что последних очень немного. Все это замечаешь, когда случается в очередной раз, по прошествии времени, пересматривать свою работу. Вот и теперь я обнаружил множество мест, требовавших переделки, и эта неустойчивость, и, так сказать, скорая порча текста, внушают мне тревогу частного характера. Но у переводов этих есть два взаимозависимых преимущества перед другими: они были пересмотрены и большей частью отредактированы людьми, не только прекрасно владевшими обоими языками, но и особенно хорошо знавшими язык Набокова. И затем этот перевод максимально дословный, и, стало быть, сознательно избегающий вольностей, а в

тех редких случаях, когда вольность, или вернее замена, неизбежна и оттого даже желательна, пользующийся привилегией специально полученного в каждом таком случае *imprimatura*» (Барабтарло, 1997).

Таким образом, в рамках данного параграфа были описаны функции переводческого метатекста, обусловленные квантами смысла. Можно предположить, что кванты смысла и функции метатекста вступают в синергетическое взаимодействие, что приводит к порождению символической ценности перевода – того, ради чего было создано переводческое предисловие/послесловие. Этой проблеме посвящен следующий параграф исследования.

2.3 Синергия квантов смысла и функций как лингвокогнитивный механизм порождения метатекста

Исследовательской задачей данного параграфа является описание символической ценности перевода, отражающей лингвокогнитивные механизмы порождения метатекста и построение модели метадискурсивной деятельности языковой личности переводчика.

В предыдущих параграфах были выявлены кванты смысла и функции переводческого метатекста, а также установлено их соотношение, что может быть представлено в виде таблицы.

Таблица № 2.4

Соотношение квантов смысла и функций переводческого метатекста

Кванты смысла	Функции переводческого метатекста
Аттракторы текста оригинала	Функция комментирования
Признание автора	Функция авторской интенциональности
Контекстуализация	Функция освещения эпохи автора
Реконтекстуализация	Функция валоризации текста перевода
Оправдание перевода	Экспликативная функция
Апеллирование к читателю	Функция речевого воздействия
Рекомендация к прочтению	Интродуктивная функция
Переводческий комментарий/Анализ ранее выполненных переводов ²	Функция актуализации метапереводческой деятельности

² Анализ ранее выполненных переводов релевантен лишь для метатекстов к повторным переводам. Представляется возможным объединить его с переводческим комментарием.

На основании представленного выше соотношения квантов смысла и функций метатекста, а также анализа символической ценности перевода, можно предположить, что их синергетическое взаимодействие является лингвокогнитивным механизмом порождения метатекста. Для визуализации данного механизма была использована аналогия из теории множеств – диаграмма Эйлера-Венна, в которой аналогом пересечения множеств является предметная область, образуемая на общих элементах двух предметных областей, что позволяет расценивать данную модель как синергетическую.

Рисунок № 2.7

Лингвокогнитивный механизм порождения переводческого метатекста

Таким образом, в процессе порождения переводчиком метатекста возникает своеобразный синергетический эффект как результат взаимодействия квантов смысла и функций, что создает символическую ценность перевода, и что является лингвокогнитивным механизмом создания метатекста.

Синергетическое видение данного процесса основано на том, что и перевод, и метапереводческая деятельность являются сложными системами, функционирование которых становится понятным при обращении к синергетическим концепциям, объясняющим механизм порождения нового. Автор термина «синергетика» Г. Хакен подчеркивал, что «синергетика, собственно, занимается комплексным исследованием процессов возникновения новых свойств в

сложных системах, или, говоря научным языком, эмергенцией новых качеств упомянутых систем» [Хакен, Хакен-Крелль, 2002: 34]. Идеи синергетики были положены в основу концепции переводческого пространства как синергетической модели перевода. Согласно данной концепции, гармоничный текст перевода является результатом синергии смыслов всех полей переводческого пространства. При этом в процессе перевода переводчик не только осознает исходные смыслы, но и порождает новые. В результате текст перевода оказывается не менее уникальным, чем сам оригинал.

Проиллюстрируем синергетическое взаимодействие аттрактора текста оригинала и функции комментирования на примере метатекста к переводному поэтическому тексту. Значимость подобного взаимодействия заключается в том, что оно описывает «относительно устойчивое состояние системы, к которому она эволюционирует, поскольку в этом состоянии есть элементы, обладающие притягательной силой» [Гейхман, Кушнина, Кушнин 2011: 31].

Аттракторы текста оригинала включают в себя наиболее значимые и притягательные черты и свойства текста, которые сумел вычленить переводчик с тем, чтобы транслировать их реципиенту. Что касается функций метатекста, то благодаря когнитивным усилиям переводчика, создающего метатекст, в процессе комментирования проявляется интригующая сила оригинала. Таким образом, продуктом синергетического взаимодействия на уровне квантов смысла и функций выступает метатекст, в данном случае, переводческое предисловие/послесловие.

Синергетический эффект присутствует на разных уровнях и этапах переводческой и метапереводческой деятельности. При переводе, как было показано ранее, результатом синергетического взаимодействия выступает гармоничный текст перевода. Было выяснено, что в процессе создания метатекста синергетический эффект обусловлен взаимодействием квантов смысла и функций. В рамках данного параграфа рассматривается синергетический эффект в переводческом и метапереводческом пространстве на более широком текстовом и метатекстовом материале, который обозначен как текстовый комплекс, включающий три компонента: текст оригинала, текст перевода, метатекст (переводческое предисловие, переводческий комментарий).

В качестве примера используется поэтический текст Огдена Нэша в оригинале и переводе, а также два переводческих метатекста – переводческое предисловие и комментарий к переводу (Нэш, 2012). Анализируя данный текстовый комплекс, можно выявить символическую ценность перевода, т.е. продемонстрировать функционирование лингвокогнитивного механизма создания символической ценности перевода.

Текст оригинала	Перевод М. Матвеева
<p>PG Wooster, Just as he Useter</p> <p>Bound to your bookseller, leap to your library, Deluge your dealer with bakshish and bribery, Lean on the counter and never say when, Wodehouse and Wooster are with us again.</p> <p>Flourish the fish-slice, your buttons unloosing, Prepare for the fabulous browsing and sluicing, And quote, til you're known as the neighborhood nuisance, The gems that illumine the browsance and sluicance. Oh, fondle each gem, and after you quote it, Kindly inform me just who wrote it.</p> <p>Which came first, the egg or the rooster? P.G.Wodehouse or Bertram Wooster? I know hawk from handsaw, and Finn from Fiji, But I can't disentangle Bertram from PG.</p> <p>I inquire in the school room, I ask in the road house, Did Wodehouse write Wooster, or Wooster Wodehouse? Bertram Wodehouse and PG Wooster, They are linked in my mind like Simon and Schuster.</p> <p>No matter which fumbled in '41, Or which the woebegone figure of fun. I deduce how the faux pas came about, It was clearly Jeeves's afternoon out.</p> <p>Now Jeeves is back, and my cheeks are crumpley From watching him glide through Steeple Bumbleigh.</p>	<p>Вот Пэлем Вустер, вновь жив и шустр он^[3]</p> <p>В книжный бегите и в библиотеку, Гоните монету, платите по чеку. Что книг вам хватает, не думайте даже, Вудхаус и Вустер снова в продаже.</p> <p>Готовьтесь вкушать, ибо это не проза, а Пища богов – нектар и амброзия. Смакуйте, скандируйте перлы, покуда Не станет ясна вся изысканность блюда. И лишь насладившись, молю вас, ответьте, Кем все-таки перлы написаны эти?</p> <p>Кто первый из них? Кто яйцо, а кто курица? Вустер? Вудхаус? Тут впору нахмуриться: Сокола с цаплей^[4] не спутаю – драма В том, что я путаю с Пламом^[5] Бертрама.</p> <p>Как разобраться? В сознании хаос. Автор ли Вустера Берти Вудхаус? Или Вудхаус написан П. Вустером? Не разделить их, как “Саймона с Шустером”^[6].</p> <p>Что было и с кем из двоих в сорок первом, Нет смысла уже разбираться теперь вам. Фaux pas не случился бы, Дживс воспротивься, Но не оказалось поблизости Дживса.</p> <p>Сомнений теперь не осталось ни кампли, Раз Дживс – слава Богу – вернулся в Стипл-Бампли.</p>

Проанализируем заголовок в оригинале и переводе.

PG Wooster, Just as he Useter.

Речь идет о знаменитом писателе П.Г. Вудхаусе, авторе популярного цикла комедийных романов и рассказов о приключениях молодого английского аристократа Берти Вустера и его камердинера Дживса. Основную часть цикла Вудхаус написал в период с 1916 по 1930 гг., затем дополнял его единичными произведениями вплоть до 1974 г. Стиль О. Нэша, как указывает переводчик в предисловии, изобилует авторскими неологизмами, что в данном случае, образовано по созвучию произношения глагольной формы *used to* (обозначения действия, имевшего обыкновение в прошлом) с именем писателя. Кроме того, аллюзия на действие в прошлом указывает на прошлое автора, а именно, его сотрудничество в 1941 г. с немецкой радиовещательной компанией на территории оккупированной Франции. Этот факт вызвал раскол среди литераторов на родине писателя, часть которых резко критиковала Нэша, другая оправдывала. Однако после войны, автор был прощен и даже удостоен ордена Британской империи. Стихотворение, написанное Нэшем, впервые опубликовано в 1946 г.

Перевод заголовка выглядит так:

Вот Пэлем Вустер, вновь жив и шустр он.

Как видим, переводчик сохранил первую часть заголовка, а во вторую часть внес смысловые изменения: темпоральные смыслы прошедшего времени заменил на темпоральные смыслы настоящего, т.к. в реальной жизни автор пережил смутные времена, и сейчас он благоденствует благодаря популярности своих героев. Кроме того, лексема «шустр», не только созвучна имени писателя и заголовку оригинала, но и имени его издателя Шустер (Schuster), упомянутого в тексте. Нэш иронизирует не только по поводу прошлого писателя, всепрощаемости английского читателя, а также по поводу неразделимости автора и персонажа (Дживс и Вустер), сравнивая их с названием издательской компании (Саймон и Шустер). Синергетический эффект при переводе заголовка возникает ввиду «притягательной силы» созвучных лексем, что является отражением текстового аттрактора.

Приведем данный фрагмент текста:

Оригинал	Перевод М. Матвеева
Which came first, the egg or the rooster? P.G.Wodehouse or Bertram Wooster? I know hawk from handsaw, and Finn from Fiji, But I can't disentangle Bertram from PG. I inquire in the school room, I ask in the road house, Did Wodehouse write Wooster, or Wooster Wodehouse? Bertram Wodehouse and PG Wooster, They are linked in my mind like Simon and Schuster.	Кто первый из них? Кто яйцо, а кто курица? Вустер? Вудхаус? Тут впору нахмуриться: Сокола с цаплей ^[4] не спутаю – драма В том, что я путаю с Пламом ^[5] Бертрама. Как разобраться? В сознании хаос. Автор ли Вустера Берти Вудхаус? Или Вудхаус написан П. Вустером? Не разделить их, как “Саймона с Шустером” ^[6]

В следующем фрагменте присутствует упоминание о 1941 годе, где переводчик реализует функцию комментирования, а также использует такие значимые элементы притягательной силы текста, как компенсация игры слов и словотворчество О. Нэша.

Оригинал	Перевод М. Матвеева
No matter which fumbled in '41, Or which the woebegone figure of fun. I deduce how the faux pas came about, It was clearly Jeeves's afternoon out. Now Jeeves is back, and my cheeks are crumpley From watching him glide through Steeple Bumbleigh	Что было и с кем из двоих в сорок первом, Нет смысла уже разбираться теперь вам. Фaux pas не случился бы, Дживс воспротивься, Но не оказалось поблизости Дживса. Сомнений теперь не осталось ни кампли, Раз Дживс – слава Богу – вернулся в Стипл- Бампли.

Как явствует из данного фрагмента текста, переводчик компенсировал английское слово «crumpley», используя видоизмененную форму русского слова «капля» – «кампли», «сомнений теперь не осталось ни кампли». Кроме того, Нэш указывает, что если бы у самого Вудхауса был такой дворецкий, с ним не случился бы казус 1941 года.

Переходим к анализу метатекста, представленного в виде переводческого предисловия, составленного М. Матвеевым

«...Нэш, заимствуя у Джулии Мур сверхдифирамбические, выпренные метры, псевдопоэтические инверсии, нескладные, неуклюжие асимметричные строки, чрезвычайно банальные или с невероятным тщанием подобранные неточные рифмы, игру слов там, где она не подразумевалась (и, безусловно, пародируя ее), создавал свой метод письма, где все перечисленные недостатки становились совершенно осознанным художественным приемом, позволяющим бросить ироничный, но неизменно добродушный взгляд на окружающую его действительность.

Нэш утверждал, что “намеренно вольно обращался с правилами грамматики, правописания и просодии”. Таким образом, выработанный стиль позволил впоследствии Нэшу сказать о себе: “Я сделал свой выбор, и пусть лучше я буду ‘хорошим плохим поэтом’ (‘a great bad poet’), чем ‘плохим хорошим

поэтом' ('a bad good poet')". В отличие от Уайльда, считавшего словари рифм очень полезным подспорьем для поэтической лиры, Нэш "не утруждал" себя поиском рифмы, он их выдумывал, изобретал там, где это позволял его творческий метод, создавая тем самым свой собственный словарь рифм – необычных и экстравагантных» (Нэш, 2012).

А теперь обратимся к переводческому комментарию – второму метатексту, составленному Матвеевым.

«[3] Стихотворение было написано Огденом Нэшем к выходу первой после войны книги Пэлама Грэнвила Вудхауса "Радость поутру" и опубликовано в "Геральд трибюн" 22 мая 1946 г. В 1941 г. П. Г. Вудхаус, находясь на территории оккупированной Франции, сотрудничал с немецкой радиовещательной компанией, ведущей пропагандистские передачи на еще не вступившую в войну Америку. Уильям Коннор (1909-1967), левый журналист "Дейли миррор", выступавший под именем Кассандра, резко осудил Вудхауса за "пронацистские" передачи, обвинив его в предательстве своей страны. А. А. Милн и, безусловно, Уинстон Черчилль разделили эту точку зрения, в то время как Ивлин Во и Джордж Оруэлл встали на защиту Вудхауса. После войны состоялось примирение Коннора и П. Г. Вудхауса, ознаменовавшееся совместным завтраком. Вудхаус был прощён публикой и критикой и возведен в рыцарское достоинство королевой Великобритании.

[4] Цитата из "Гамлета": "Я помешан только в норд-норд-вест. При южном ветре я еще отличу сокола от цапли". Акт II, сцена II. Перевод Б. Пастернака.

[5] Прозвище П. Г. Вудхауса.

[6] Издательская фирма (Нэш, 2012)».

Очевидно, что порождение символической ценности перевода обусловлено именно созданием двух метатекстов – комментария и предисловия, что позволяет переводчику полноценно реализовать комментирующую функцию, функцию освещения эпохи автора в метатексте и выявить кванты смысла в виде аттракторов текста оригинала.

Кроме того, отметим такие коммуникативные акты как аппроксимация оригинала, рецепция и ассимиляция перевода. Переводчик изучил текст оригинала с целью прогнозирования и элиминирования сложности его восприятия в принимающей культуре, выявления его социально-культурных коннотаций, «темных пятен» текста.

Подытоживая анализ, заметим, что переводчик осуществил сближение текста перевода с принимающей культурой, выполнив не только роль медиатора между автором и читателем, принадлежащим разным культурам, но, главным образом, реализуя культуруформирующую функцию перевода, т.к. текст перевода стал

фактом русской культуры. Это означает, что в данном случае переводчику удалось создать символическую ценность перевода.

2.4 Моделирование метадискурсивной деятельности переводчика

Идея моделирования в лингвистике существует, начиная с середины прошлого века. Впервые применительно к лингвистике понятие модели применил американский ученый З. Хэррис в 1944 г. [Хэррис, 1962]. В истории лингвофилософской мысли в России понятие языковой модели развивается в трудах А.Ф. Лосева, который следующим образом расценивает значение языковых моделей: «На самом деле модель не должна быть оторвана от языкового содержания, а, наоборот, должна указывать путь для изучения этого последнего» [Лосев 2004: 15]. Как отмечал ученый, термин «модель» является универсальным, необходимым в науке понятием, т.к. всегда содержит оригинальное семантическое ядро.

Конструированием моделей занимались многие исследователи в сфере теории перевода. И если собственно переводческая деятельность представлена в многочисленных моделях перевода (ситуативная, семантическая, трансформационная, коммуникативная, факторная и др.), то для метапереводческой деятельности также необходимо построение моделей, которые помогут исследователям выявить некоторые непознанные закономерности данного процесса.

Поиск лингвокогнитивного механизма метадискурсивной деятельности переводчика с опорой на синергетическую идеологию, позволяет нам представить его в виде символической ценности перевода, порождаемой в результате синергетического взаимодействия квантов смысла и функций, которые были выявлены при анализе переводческого предисловия/послесловия к переведенному художественному тексту. Символическая ценность понимается как условная номинальная ценность переведенного произведения для представителей инокультурного социума. Символическая ценность перевода реализуется в

метатексте, т.е. переводческом предисловии/послесловии, создаваемом самим переводчиком. Предполагается, что реальная ценность перевода может быть определена только посредством читательской рефлексии, что также отражено в модели.

Анализируя символическую ценность перевода, можно представить себе, что она является важнейшим, но не единственным компонентом конструируемой модели метадискурсивной деятельности переводчика. Обратимся к формулировке лингвокогнитивного механизма переводческого метатекста – предисловия/послесловия переводчика к переведенному им тексту.

Прежде чем состоится метадискурсивная деятельность, переводчик выполняет собственно перевод. Этот процесс, как было показано выше, совершается в рамках переводческого пространства, где смыслы текста оригинала транспонируются в смыслы текста перевода. Как отмечает автор концепции переводческого пространства, «переводческое пространство является ментальной репрезентацией процесса постижения смысла переводчиком, что обуславливает его когнитивную природу...» [Кушнина, Улитина, 2016: 378]. Если мы обращаемся к исследованию метатекста и метапереводческой деятельности, где переводчик «обнажает свое поле переводчика, рефлексиирует над ним, тогда ментальная репрезентация приобретает вербальное воплощение, что позволяет проследить работу когнитивного механизма в явном виде» [Там же].

Из сказанного можно видеть, что создание метатекста переводчиком является формой вербального воплощения его когнитивных усилий, а «сердцевиной» этого процесса выступает символическая ценность перевода. Нетрудно прийти к заключению, что создание символической ценности перевода является лингвокогнитивным конструктом сложной метадискурсивной деятельности переводчика.

Перейдем к другим компонентам модели. Речь идет о текстах оригинала и перевода. Наряду с переводческим пространством, тексты оригинала и перевода функционируют в определенном коммуникативном пространстве, которое, вслед за Е.Е. Чернявской, мы понимаем как «текст плюс его вокругтекстовый фон»

[Чернявская, 2013: 111]. Речь идет о влиянии экстралингвистического фона – социальных, культурных, идеологических и др. факторов на процесс коммуникации, на всю совокупность коммуникативных актов, обеспечивающих интерактивное взаимодействие автора и адресата, или, иными словами, дискурсивную деятельность. В качестве наиболее значимых коммуникативных актов для понимания лингвокогнитивного механизма метатекста в работе рассматривается аппроксимация текста оригинала, рецепция и ассимиляция текста перевода. Согласно концепции переводческого пространства, качественный перевод характеризуется гармонизацией смыслов между исходным и производным текстами. Следовательно, компонентами конструируемой модели, наряду с аппроксимацией, являются гармоничная рецепция и ассимиляция текста перевода.

Метадискурсивную деятельность переводчика можно представить в виде пирамиды, содержащей несколько уровней анализа. В основании пирамиды расположен уровень аппроксимация текста оригинала, обладающей реальной ценностью в исходной культуре. Далее следуют уровни рецепции и ассимиляции текста перевода, в результате которых порождается текст перевода.

Центральный уровень модели отражает процесс порождения метатекста в виде переводческого предисловия/послесловия, в котором имеет место синергия квантов смысла (аттракторы текста оригинала, признание автора, контекстуализация текста, реконтекстуализация текста, оправдание перевода, апеллирование к читателю, рекомендация к прочтению, переводческий комментарий) и функций (функция комментирования, функция авторской интенциональности, функция освещения эпохи автора, функция валоризации текста перевода, экспликативная функция, функция речевого воздействия, интродуктивная функция, функция актуализации метапереводческой деятельности), что приводит к созданию символической ценности перевода.

Верхний уровень представлен в виде «перевернутой» пирамиды, т.к. он является результатом рефлексии реципиента, своего рода реакцией реципиента на

метатекст и перевод. Именно на этом уровне проявляется реальная ценность перевода и всей метадискурсивной деятельности переводчика.

Проведенный анализ позволяет прийти к выводу о том, что переводческое предисловие/послесловие как проявление метадискурсивной переводческой деятельности выступает для реципиента своего рода импульсом, «пусковым механизмом» для формирования в его сознании новой концептуально-художественной картины мира. Приступая к прочтению текста перевода, реципиент воспринимает его настолько гармонично, насколько переводчику удалось интегрировать содержание текста в принимающую культуру, сделать достоянием этой культуры.

На основании вышеизложенного, можно представить модель метадискурсивной деятельности переводчика, раскрывающей ее лингвокогнитивный механизм.

Рисунок 2.8

Модель метадискурсивной деятельности переводчика

2.5 Апробация модели метадискурсивной деятельности переводчика

Проанализируем функционирование модели метадискурсивной деятельности переводчика перевода на примере метатекста, представленного предисловием к роману К. Маккарти «Кони, кони...», составленного переводчиком С. Беловым и опубликованного в журнале «Иностранная литература» №10 за 1996 г.

Представим полную версию метатекста.

От переводчика

Что знают в России о тexasском городке Эль-Пасо? Наверное, очень немного. Разве что поклонники О. Генри процитируют наизусть строчку из новеллы «Друзья из Сан-Росарио»: «Пинк Росс и Джимми Фишер — ребята золотые и не подведут. Помнишь Джимми Фишера? Это он тогда застрелил банкмета из Эль-Пасо». С недавних пор, однако, этот населенный пункт оказался объектом внимания читателей и критиков, как в Америке, так и за ее пределами. Роман жителя американской глубинки Кормака Маккарти «Кони, кони...» (1993) стал, как принято говорить, «интернациональным бестселлером», напомнив еще раз, что разговоры об угасании художественной литературы вообще и романа в частности — досужие толки и «настоящие романы» порой читаются ничуть не меньше, чем изделия литературного ширпотреба.

Уже первый роман Маккарти «Хранитель сада» (1965) вызвал интерес критиков, приветствовавших появление талантливого прозаика, который, рассказав о жизни маленького поселка в Теннесси между двумя мировыми войнами, попытался напомнить о безвозвратно уходящей Америке. За этой книгой последовали и другие, как и «Хранитель», посвященные тем уголкам американского Юга, которые оказались в стороне от скоростных магистралей цивилизации XX века. Подлинное признание, однако, пришло к автору на исходе третьего десятилетия писательской деятельности. Лишь шестой его роман сумел преодолеть роковую черту региональной оседлости и оказаться прочитанным и прокомментированным и в Новом, и в Старом Свете.

Чем же привлек роман искушенных читателей и критиков на излете XX столетия, повидавшего виды, в том числе и литературные, чем удивил он в эпоху, когда художественная литература уже мало кого удивляет. В первую очередь решительным разрывом с общепринятым. На фоне тяжеловесной, усложненной, избыточной «спецэффектами» манеры письма законодателей американской литературной моды «Кони, кони...» выглядят, по меньшей мере, необычно. История двух юных тexasцев, решивших попытать счастья в не очень далекой, но весьма загадочной Мексике, словно снята «одной камерой». Повествователь снова и снова фиксирует детали и подробности, как бы само собой разумеющиеся, в художественном произведении вроде бы лишние и отвлекающие от главного. Казалось бы, жесты, мимика, перемещения героев в пространстве, их реплики — все это открыто непосредственному восприятию и не требует усилий писателя, знатока глубин нашего сознания и подсознания, пророка и провидца. Но Маккарти словно задался целью всеми средствами удерживать читательское внимание на поверхности бытия, не позволяя совершить тот прорыв к «сущностям», который и есть цель художественной литературы.

Итак, примитив? В известном смысле. Но простота художественной конструкции обманчива, и дело вовсе не в том, что время от времени Маккарти демонстрирует незаурядное стилистическое мастерство, строя фразы немалой протяженности и смысловой насыщенности. Его простота — это неприятие

дурной сложности, той псевдозначительности, от которой подчас страдает новейшая словесность. Отвергая роль всезнающего демиурга, автор стремится вернуть ту самую чистоту и незамутненность взгляда, которые необходимы для желающего увидеть потаенную суть, скрывающуюся не только под внешним слоем будничных примеров, но и за нагромождением интерпретаций реальности, каковые есть лишь фикция, продукт нашего полужнания.

Этот подход не остался незамеченным коллегами по перу Маккарти. «Потрясающее владение языком, — писал Сол Беллоу. — Фразы животворящие и разящие наповал». А писатель-южанин Шелби Фут, рецензируя «Кони, кони...», высказался еще определеннее: «Герой этого романа, как и пяти предыдущих, — английский, а точнее, американский язык».

Конфликт, в который вступил Маккарти с литературной модой — необходимое явление литературного процесса, напоминание о том, что литература развивается не эволюционно, но путем скачков, полемики с устоявшимся, отрицания нормы. «Бывают эпохи, когда все поэты хорошо пишут, — отмечал Ю.Н.Тынянов. — Тогда гениальным будет «плохой» поэт. «Невозможная», неприемлемая форма Некрасова, его «дурные» стихи были хороши, потому что вдвигали автоматизированный стих, были новы». Прогрессирующее переусложнение литературного языка, усиливающийся элемент пародийности в американском романе последних десятилетий как бы закладывали основы отрицания такого канона. Впрочем, мятеж простоты, заявивший о себе романом «Кони, кони...», уже имеет прецедент в истории литературы США. Первая такая революция произошла в 1918 году, когда увидел свет сборник новелл Шервуда Андерсона «Уайнсбург, Огайо». Интонации, восходящие к традиции устного, непрофессионального рассказа, отсутствие четкой фабулы и занимательных концовок, отказ от традиционной метафоричности позволяли по-новому взглянуть на мир и на возможности литературы.

Недаром эксперименты Андерсона восхитили в первую очередь писателей, и среди тех, кто с пользой усвоил его уроки, были Хемингуэй и Колдуэлл, Сароян и Натанаэл Уэст.

Разумеется, простота романа «Кони, кони...» — это весьма искусно организованное художественное целое. Фиксируя поток реальности в ее неотобранности, писатель в то же время слегка деформирует ее, отчего, сохраняя иллюзию абсолютной подлинности, она обретает все признаки эстетического феномена. Необходимое «отчуждение» достигается Маккарти с мощью многих приемов, но среди самых явных — подход к прямой речи. Англо-испанское двуязычие — не просто верность услышанному, это и напоминание о тех сложных отношениях, в которых находятся звук и смысл, говорящий и слушающий. Да и подается речь героев, что не всегда понятно, прямое ли это воспроизведение, чей-то пересказ или воспоминание об услышанном.

Новации Маккарти безусловно напоминают о том, что романы можно писать совсем не так как это делают Апдайк и Оутс, Т.О'Брайен, П.Теру и Р.Прайс, и создавать убедительные, запоминающиеся образы. Однако то, что роман, радуя специалистов, затрагивал потаенные струны души «просто читателей», вызывал отклик эмоциональный, не в последнюю очередь связано с тем, что «Кони, кони...» продолжают ту великую американскую традицию, которая дала жизнь «Моби Дику» и «Гекльберри Финну», прозе Хемингуэя, Сэлинджера и Воннегута, При всем различии в темпераменте, в стиле, общее здесь в Поиске, который снова и снова обретает форму путешествия, паломничества.

Именно такое путешествие-паломничество совершают юные герои романа Маккарти, шестнадцатилетний Джон Грейди и семнадцатилетний Лейси Ролинс. Причины, заставившие их однажды сесть на коней и отправиться на юг, в Мексику, конечно, имеют житейское объяснение, но, переправившись через реку, отделяющую Техас от Мексики, они попадают в мифологическое пространство, устремляются к цели, которую каждый из читателей может сформировать для себя по-

разному. Наверное, не столь важно, что это на самом деле — попытка подростков стать настоящими мужчинами, американская страсть к перемене мест или поиски святого Грааля. Возможно, это парабола человеческого существования, которое, как и роман Маккарти, есть причудливое сочетание скучных историй, героической саги, вестерна и мелодрамы.

«Кони, кони...» стали первой частью «трилогии границы», задуманной Маккарти. В 1995 его поклонники смогли познакомиться со второй частью, названной «Пересечение». История шестнадцатилетнего Билли Парема, живущего на ранчо в штате Нью-Мексико и трижды попадающего в Мексику, хронологически предшествует похождениям Джона Грейди и Ролинса. Действие разворачивается не по окончании, а незадолго до начала второй мировой войны. Но и тут конкретное время как бы растворяется в вечности. В «Пересечении» действуют другие герои, возникают новые ситуации и мотивы, но читатель возвращается в мифологическую страну Маккарти, столь отличную от всего того, с чем сталкиваемся мы, жители мегаполисов, представители постиндустриального общества конца второго тысячелетия нашей эры, и столь знакомую. Ибо далекий, почти экзотический мир Мексики и американского Юга, в конечном счете, метафора непростых проблем нашего существования.

Анализ переводческого предисловия с точки зрения квантов смысла показывает, что переводчик, представляя роман читателю, оправдывает перевод произведения его статусом («...стал, как принято говорить, «интернациональным бестселлером»), подчеркивает философскую аксиологическую тематику произведения («...роман путешествие-паломничество», «парабола человеческого существования»), его эмоциональное родство с читателем («затрагивал потаенные струны души “просто читателей”») (Белов, 1996). Переводчик возвышает репутацию автора, характеризуя его как талантливое прозаика, обращает внимание на новаторство автора («Новации Маккарти...»), говорит о его хорошем вкусе («Его простота — это неприятие дурной сложности...»), указывает на мастерство писателя («Маккарти демонстрирует незаурядное стилистическое мастерство <...> сохраняя иллюзию абсолютной подлинности») — посредством этого переводчик создает репутацию малоизвестного русскоязычному читателю американского автора (Там же).

Аттракторы текста отражают стремление переводчика акцентировать внимание на сюжетной уникальности романа, высветить неповторимый идиостиль автора, отличный от стиля большинства современных американских писателей: «Роман жителя американской глубинки», «...посвященные тем уголкам американского Юга, которые оказались в стороне от скоростных магистралей цивилизации XX века», «История двух юных техасцев, решивших

попытать счастья в не очень далекой, но весьма загадочной Мексике, словно снята “одной камерой”», «но, переправившись через реку, отделяющую Техас от Мексики, они попадают в мифологическое пространство...», «Отвергая роль всезнающего демиурга, автор стремится вернуть ту самую чистоту и незамутненность взгляда, которые необходимы для желающего увидеть потаенную суть...», «Необходимое “отчуждение” достигается Маккарти с мощью многих приемов, но среди самых явных — подход к прямой речи...» (Там же).

Для разъяснения жанровых и стилевых особенностей романа, переводчик считает необходимым контекстуализировать его как часть непрерывной американской литературной традиции: «”Кони, кони...” продолжают ту великую американскую традицию, которая дала жизнь “Моби Дику” и “Гекльберри Финну”, прозе Хемингуэя, Сэлинджера и Воннегута...», указывая на «англо-испанское двуязычие...», он подчеркивает специфический локальный аспект произведения (Там же).

Рассуждая о ценности переведенного произведения для принимающей культуры, эмоциональном родстве и связи с ней, переводчик проводит параллели между американским Югом и Россией, находя их в решении проблем обыденного существования: «Ибо далекий, почти экзотический мир Мексики и американского Юга, в конечном счете, метафора непростых проблем нашего существования» (Там же). Характеризуя творчество автора, переводчик прибегает к цитированию Ю. Тынянова. Цитата объясняет родство новаций Н. Некрасова и К. Маккарти.

Что касается апеллирования к читателю, переводчик избирает контактоустанавливающий стиль, прибегая к воздействию на читателя, создавая иллюзию диалога с читателем: «Что знают в России о техасском городке Эль-Пасо?», «Итак, примитив? В известном смысле да...»; в иерархии «писатель → переводчик → читатель» он намеренно отходит от роли всезнающего эксперта и ставит себя на один уровень с читателем: «...с чем сталкиваемся мы, жители мегаполисов, представители постиндустриального общества конца второго тысячелетия нашей эры». Он также подчеркивает возможность любого читателя ассоциировать себя с героями романа и жизненными ситуациями, в которые они

попадают: «...цели, которую каждый из читателей может сформировать для себя по-разному», что должно импонировать читателю (Там же).

Автор предисловия задействовал семь основных функций предисловия для презентации соответствующих квантов смысла: функцию комментирования для презентации аттракторов текста оригинала, его общефилософских и общефилологических ценностей; функцию авторской интенциональности воздав похвалу автору, его стилю, языку, возвысив его репутацию в глазах русскоязычного читателя. Функция освещения эпохи автора презентует контекстуальные кванты смысла, характеризуя его принадлежность к американской литературной традиции Хемингуэя, Сэлинджера и Воннегута; валоризация метатекста происходит за счет трансляции потенциального эмоционального родства произведения (решение проблем обыденного существования, новаторства автора); экспликативная функция задействована в оправдании перевода – перевода первой части трилогии, ставшей интернациональным бестселлером; речевое воздействие на потенциального читателя оказано через элементы дискурсивно-полемиического стиля предисловия, создавшего иллюзию обращения к читателю и диалога с ним. Интродуктивная функция реализована через указание на способность романа «затронуть потаенные струны души» каждого читателя-жителя мегаполиса, «представителя постиндустриального общества конца второго тысячелетия нашей эры» (Там же).

В табличной форме проведенный анализ можно представить следующим образом.

Таблица № 2.5

Анализ взаимодействия квантов смысла и функций переводческого предисловия по созданию символической ценности перевода (на примере предисловия С. Белова к роману К. Маккарти «Кони, кони...»)

С. Белов. Предисловие к роману К. Маккарти «Кони, кони...» («ИЛ»), №10, 1996	Аттракторы текста / ф-я комментирования	Признание автора/ ф-я интенциональности	Контекстуализация / ф-я освещения эпохи автора	Реконтекстуализация / ф-я валоризации текста перевода	Оправдание перевода/ экспликативная ф-я	Апеллирование к читателю/ ф-я речевого воздействия	Рекомендация к прочтению/ интродуктивная ф-я	Переводческий комментарий/ ф-я актуализации метаперевод. деят-ти
	+	+	+	+	+	+	+	-

Как явствует из таблицы, в метатексте задействованы все значимые компоненты символической ценности перевода, кроме функции актуализации переводческой деятельности. Напомним, что переводческий комментарий как квант смысла является опциональным, следовательно, реализация соответствующей функции релевантна лишь при наличии такового.

Метадискурсивная деятельность переводчика чрезвычайно разнообразна. В данном параграфе мы рассмотрели одно из ее проявлений. Между тем, не вызывает сомнений, что в свете современной когнитивной парадигмы исследование метатекста является важнейшим источником сведений о познавательной, мыслительной деятельности переводчика-субъекта, предназначение которого – создание произведений, символическая ценность и реальная ценность которых оказывают существенное влияние на взаимопонимание личностей, принадлежащих различным лингвокультурам.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Глава была посвящена выявлению лингвокогнитивного механизма порождения переводческого метатекста. Мы считаем возможным сформулировать следующие выводы.

1. В качестве лингвокогнитивного механизма порождения переводческого метатекста, представленного переводческим предисловием/ послесловием, выступает синергия квантов смысла и функций, что можно определить как лингвокогнитивный механизм порождения метатекста.

2. Под квантами смысла мы понимаем такие единицы смысла, которые обладают, с одной стороны, многомерностью, многоплановостью, многозначностью, с другой стороны, неразложимостью, неделимостью. Кванты смысла заключают в себе все три компонента эпистемической ситуации: онтологически они понятийно насыщены, аксиологически – обладают оценочной коннотацией, методологически обусловлены деятельностью природой полученного знания и его репрезентации, в коммуникативно-прагматическом аспекте – соотнесены с экстралингвистической ситуацией. В результате анализа текстов переводческих предисловий и послесловий к переводным художественным текстам были выявлены следующие кванты смысла: аттракторы текста оригинала; признание автора (возвышение или создание репутации автора/ произведения в принимающей культуре); контекстуализация текста; реконтекстуализация текста; оправдание перевода; апеллирование к читателю; рекомендация к прочтению текста перевода; переводческий комментарий.

3. Как показал анализ 234 метатекстов:

– в абсолютном большинстве метатекстов присутствуют все значимые компоненты символической ценности перевода. Такие кванты смысла как аттракторы текста оригинала, признание автора, контекстуализация, оправдание перевода являются неотъемлемыми компонентами переводческого предисловия (присутствуют в 100% исследованных метатекстов). В

относительном большинстве случаев переводчик прибегает к реконтекстуализации текста как средству создания читательского интереса через указание на определенную общность иноязычного произведения с принимающей культурой (наблюдается в 58,75% изученных метатекстов³). Некоторые из квантов смысла, например, переводческий комментарий или эксплицитное апеллирование к читателю, могут быть опциональными и зависят, соответственно, от личного отношения переводчика к необходимости раскрывать некоторые аспекты своей деятельности или выбранного стиля предисловия – при использовании нейтрального стиля шанс на установление более тесного контакта с читателем менее вероятен. Переводческий комментарий присутствует в 63,75% изученных метатекстов. Эксплицитного апеллирования к читателю в изученных метатекстах не наблюдалось, однако авторы предисловий прибегали к определенным приемам риторики текста (имитация диалога с читателем через вопросно-ответную структуру предложений) и использовали контактоустанавливающий стиль написания для установления коммуникации с читателем и регулирования потока информации. Прямая рекомендация к прочтению в большинстве случаев отсутствует, она создается имплицитно посредством создания репутации автора, за счет подчеркивания его значимости и уникальности, актуальности произведения, внушения составить аутентичное мнение о нем посредством прочтения произведения;

– наличие и процентное соотношение выявленных квантов смысла в переводческом метатексте предисловия/послесловия к произведениям поэтического и прозаического жанров относительно одинаковое, что позволяет сделать вывод об универсальности выявленных квантов смысла.

4. На основании анализа метатекстов были выявлены следующие функции, характерные для переводческих предисловий/ послесловий: функция комментирования названия произведения, его композиции и др., функция

³ Указанные данные являются средним арифметическим значением величин, приведенных в Таблице № 2.3
С.127

авторской интенциональности, функция освещения эпохи автора, функция валоризации текста перевода, экспликативная функция, функция речевого воздействия на потенциального читателя, интродуктивная функция, функция актуализации метапереводческой деятельности.

5. Выявление и описание квантов смысла и функций переводческого метатекста, анализ их синергетического эффекта в процессе создания символической ценности перевода позволили приступить к построению модели метадискурсивной деятельности переводчика.

6. Модель состоит из нескольких уровней и включает в себя аппроксимацию текста оригинала, обладающего реальной ценностью в исходной культуре; уровни рецепции и ассимиляции текста перевода, порождающие текст перевода и предваряющие создание метатекста; уровень порождения метатекста (переводческого предисловия/послесловия), в котором синергия квантов смысла и функций приводит к созданию символической ценности перевода и уровень рефлексии реципиента, на котором проявляется реальная ценность перевода и всей метадискурсивной деятельности переводчика.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание данной исследовательской работы стало возможным благодаря возрастающему интересу лингвистов к когнитивным механизмам языковой, речевой, переводческой, метапереводческой деятельности, протекающей в открытом дискурсивном пространстве взаимодействующих языков и культур.

Исследование метатекста, представленного жанром переводческого предисловия/послесловия к переведенному художественному поэтическому и прозаическому тексту, переведенному как впервые, так и повторно, имеет определенные методологические и онтологические предпосылки как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Интерес к метатексту и метадискурсивной деятельности переводчика обусловлен тем, что современная антропоцентрическая парадигма акцентирует внимание на том, как языковая личность обрабатывает поступающую информацию, преобразовывает и использует ее. В связи с этим возрастает интерес не только к изучению собственно переводческой деятельности, но и к другим видам речевой деятельности переводчика, в частности, к проблеме создания им метатекста, сопровождающего собственно перевод. Так в поле зрения исследователей попадает метатекст как продукт метапереводческой деятельности, в которой переводчик выполняет функцию автора, что связано с проявлением других когнитивных способностей личности и других когнитивных механизмов.

Ключевой идеей работы было выявление лингвокогнитивных механизмов порождения метатекста, создаваемого переводчиком к художественному тексту.

Комплексное исследование методологических, онтологических, аксиологических, функционально-прагматических особенностей порождения метатекста в эпистемическом освещении, а также эмпирический анализ 234 переводческих метатекстов, составленных русскоязычными переводчиками к англоязычным художественным текстам, позволили сформулировать концепцию исследования, выявить, описать и разработать многоуровневую лингвокогнитивную модель порождения метатекста.

В результате проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что лингвокогнитивный механизм порождения метатекста отражает некую ментальную сущность, возникающую в сознании переводчика. Иными словами, в когнитивной системе языковой личности переводчика формируется ментальный образ, определяющий его метатекстовую и метадискурсивную деятельность. Этот ментальный образ формируется, с одной стороны, на основе квантов смысла (аттракторы текста оригинала; признание автора (возвышение или создание репутации автора/произведения в принимающей культуре); контекстуализация текста; реконтекстуализация текста; оправдание перевода; апеллирование к читателю; рекомендация к прочтению текста перевода; переводческий комментарий), с другой стороны, на основе функций (функция комментирования названия произведения, его композиции и др.; функция авторской интенциональности; функция освещения эпохи автора; функция валоризации текста перевода; экспликативная функция; функция речевого воздействия на потенциального читателя; интродуктивная функция; функция актуализации метапереводческой деятельности), синергия которых порождает символическую ценность перевода, трактуемую в работе как лингвокогнитивный механизм перевода.

Процесс создания метатекста осуществляется элитарной языковой личностью переводчика, владеющего гармоничным переводческим мировоззрением, способного создать композиционно целостное произведение, наполненное духовно-ценностным содержанием, адаптированное к принимающей лингвокультуре, отвечающее ожиданиям потенциальных реципиентов.

Исследование метатекста осуществляется в рамках метадискурсивной деятельности переводчика, интегрирующей следующие коммуникативные акты: аппроксимация текста оригинала, предполагающая изучение оригинала с целью прогнозирования и элиминирования сложности его восприятия в принимающей лингвокультуре; рецепция и ассимиляция текста перевода, означающая воссоздание текста оригинала в оптимальной для восприятия иноязычным и инокультурным реципиентом форме и содержании, создание метатекста для

управления пониманием потенциального читателя, а также создание условий сближения перевода с принимающей лингвокультурой.

Метадискурсивная деятельность переводчика стала предметом лингвокогнитивного моделирования, аккумулирующего результаты проведенного исследования. В основании разработанной нами модели находятся коммуникативные акты аппроксимации, рецепции, ассимиляции; центральным компонентом модели выступает метатекст, обладающий квантами смысла и функциями, синергия которых порождает символическую ценность перевода; рефлексия реципиента становится источником реальной ценности перевода. Особую роль в решении поставленных исследовательских задач играет выявление символической ценности перевода, понимаемой как транспонирование переводчиком реальной ценности текста оригинала в принимающую лингвокультуру в номинально малом объеме посредством метатекста с целью создания репутации переведенного произведения, привлечения потенциального читателя и управления его пониманием, при этом реальная ценность перевода определяется посредством читательской рефлексии.

Символическая ценность выступает лингвокогнитивным механизмом порождения метатекста, представленного переводческим предисловием и/или послесловием к художественному тексту, что является подтверждением выдвинутой гипотезы и открывает перспективы становления новой самостоятельной области лингвокогнитивных исследований – когнитивной металингвистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдони́на М.Ю., Бурукина О.А., Жабо Н.И. Индивидуальное коннотативное поле текста: проблемы перевода/ Ю.М. Авдони́на, О.А. Бурукина, Н.И. Жабо // Восьмые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. СПб.: 2007. – Вып. 8. – С. 5–18.
2. Алексеева В.Н. Переводческий комментарий в художественном тексте [Электронный ресурс]/ В.Н. Алексеева// Ярославский педагогический вестник – 2012. – Том I. – № 4. – (Гуманитарные науки). – С. 211–213. – Режим доступа http://vestnik.yspu.org/releases/2012_4g/47.pdf (дата обращения 02.12.2017).
3. Антонова Л.Г. Обучение студентов-словесников профессионально значимым письменным жанрам: автореф. дисс. докт. пед. наук: 13.00.02/ Антонова Любовь Геннадьевна. – М., 1998. – 49 с.
4. Апресян Ю.Д. Избранные труды. В 2-х томах. Т.2: Интегральное описание языка и системная лексикография/ Ю.Д. Апресян. — М.: 1995.— 767 с.
5. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики/ Ю.Д. Апресян. – М.: Просвещение, 1966. – 302 с.
6. Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Текст. (Классическая философская мысль)/ Аристотель. Мн.: Литература, 1998. – 1392 с.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека/ Н.Д. Арутюнова. – Изд. 2-е, испр. — М.: 1999. – 896 с.
8. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата/ Н.Д. Арутюнова// Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356– 367.
9. Ахманова О.С. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема/ О.С. Ахманова, И.В. Гюббенет// Вопросы языкознания. – 1977. – № 3. – С. 47–54.
10. Базылев В.Н. Интерпретативное переводоведение: пропедевтический курс: учебное пособие/ В.Н. Базылев. – Ульяновск: УлГУ, 2000. – 134 с.
11. Бахтин М.М. Время и пространство в романе/ М.М. Бахтин// Вопросы литературы. – 1974. – №3.– С.133–179.

12. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Литературно-критические статьи/ М.М. Бахтин. – М.: 1979. – 543 с. – С. 234–407.
13. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19/ Богин Георгий Исаевич. – Л., 1984. – 31 с.
14. Бодрова-Гоженмос Т.И. Концепция М.М. Бахтина и интерпретативная теория перевода [Электронный ресурс]/ Т.И. Бодрова-Гоженмос// Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация – 2002. – №3 – С. 72–79. – URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/lingvo/2002/03/bodrova.pdf> (дата обращения 02.12.2017)
15. Бодрова-Гоженмос Т.И. Процесс перевода с точки зрения интерпретативной теории/ Т.И. Бодрова-Гоженмос// Социокультурные проблемы перевода. – Воронеж, 2002. – С. 11–19.
16. Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации/ Н.Н. Болдырев//Вопросы когнитивной лингвистики. – №4. – 2016. – С.10–20.
17. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику/ Н.Н. Болдырев. – Тамбов, 2014. – 236с.
18. Бронник Л.В. Понятие аттрактора и лингвистическая теория: о трудностях интеграции научного знания (на примере дискурсивного акта)/ Л.В. Бронник// Вестник Челябинского государственного университета, 2009. – №43 (181). Филология. Искусствоведение. – Вып. 39. – С. 21–26.
19. Бушев А.Б. Языковая личность профессионального переводчика: монография [Электронный ресурс]/ А.Б. Бушев. Тверь: ООО «Лаборатория деловой графики», 2010. – 265 с. – URL: <http://cheloveknauka.com/russkaya-yazykovaya-lichnost-professionalnogo-perevodchika> (дата обращения 02.12.2017).
20. Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. Пер. с англ., отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ.ст. Е.В. Падучевой/ А. Вежбицка. — М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
21. Викулова В.Г. Паратекст французской литературной сказки: Прагмалингвистический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол.наук: 10.02.05

[Электронный ресурс]/ Викулова Лариса Георгиевна. – Иркутск, 2001. – 363 с. – URL: <http://www.dissercat.com/content/paratekst-frantsuzskoi-literaturnoi-skazki-pragmalingvisticheskii-aspekt> (дата обращения 02.12.2017).

22. Вине Ж.-П., Дарбельне Ж. Технические способы перевода/ Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне// Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М.: 1978. – С. 157–167.

23. Виноградов В.С. Перевод. Общие и лексические вопросы/ В.С. Виноградов. – М.: Издательство КДУ, 2004. – 235 с.

24. Виноградов В.В. О художественной прозе [Электронный ресурс]/ В.В. Виноградов. – Л.: Наука, 1930. Режим доступа: <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=46895955> (дата обращения 02.12.2017).

25. Гаврилова А.А. Управление пониманием читателя научного текста с помощью метатекстовых средств: на материале научных текстов русского и немецкого языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ Гаврилова Алла Александровна. Саратов, 2009. – 23 с.

26. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. Пер. с нем. А.В. Михайлова, В.С. Малахова, В.В. Бибихина и др./ Г.Г. Гадамер. – М.: Искусство, 1991. – С. 266–323.

27. Галеева Н.Л. Художественность текста как способ пробуждения рефлексии читателя/ Н.Л. Галеева// Языковые подсистемы стабильность и динамика. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С. 91–93.

28. Галеева Н.Л. Достоверность интерпретации художественного текста как предпосылка его понимания/ Н.Л. Галеева// Слово и текст: Актуальные проблемы психолингвистики. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С. 120–126.

29. Галеева Н.Л. Параметры типологии художественных текстов в деятельностной теории перевода: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20/ Галеева Наталья Леонидовна. – Екатеринбург, 1999. – 35 с. – С. 13.

30. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 144 с.

31. Гарусова Е.В. Интерпретативные позиции переводчика как причина вариативности перевода: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20/ Гарусова Елена Владимировна. – Тверь, 2007 – 15 с.
32. Гаспарян Г.Р. Роль переводчика в межкультурной коммуникации/ Г.Р. Гаспарян// Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2013, вып. 17. С. 104–105.
33. Гейхман Л.К., Кушнина Л.В., Кушнин А.В. Синергетическая педагогика/ Л.К. Гейхман, Л.В. Кушнина, А.В. Кушнин. – Пермь, ПГТУ, 2011. – 176 с.
34. Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику: монография/ И.А. Герман, В.А. Пищальникова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. — 30 с. – С. 55.
35. Гете И.В. Фауст: трагедия/ И.В. Гете; пер. Б. Л. Пастернак. Заключительная статья П. Тороп «Фауст Бориса Пастернака». – М.: 2008. – 525 с. – С. 512–525.
36. Гириченко А.Н. Из истории русского художественного перевода первой половины XIX века. Эпоха романтизма: Учебное пособие/ А.Н. Гириченко. – М.: Флинта: Наука. – 2002. – 280 с.
37. Дрожащих Н.В. Синергетическая модель иконического пространства: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19/ Дрожащих Наталья Владимировна.– Барнаул, 2006. – 32 с.
38. Енбаева Л.В. Переводческое решение речевой многозначности (на материале литературы нонсенса): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20/ Енбаева Людмила Валерьевна. – Тюмень, 2009. – 24 с.
39. Залевская А.А. Текст и его понимание: монография/ А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос.ун-т, 2001. – 177 с.
40. Захарова Н.В. Роль комментируемого слова в проекции текста читателем: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Электронный ресурс]/ Захарова Наталья Владимировна. – Тверь, 2014. – 130 с. – URL: <http://dissertations.tversu.ru/system/dissertations/theses/000/000/049/original/%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1>

%8F_%D0%97%D0%B0%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D0%9D%D0%92.pdf?1409669632 (дата обращения 01.12.2017).

41. Захарова Н.В. Роль комментируемого слова в проекции текста читателя: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19/ Захарова Наталья Владимировна. – Тверь, 2014. – 15с. – С. 10.

42. Ингве В. Гипотеза глубины [Электронный ресурс]/ В. Ингве// Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1965. – вып.4. – 590 с. – URL: <http://www.classes.ru/grammar/151.new-in-linguistics-4/source/worddocuments/11.htm> (дата обращения 31.11.2017)

43. Казакова Т.А. Художественный перевод: в поисках истины/ Т.А. Казакова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ. Издательство СПбГУ, 2006. – 224 с. – С. 179.

44. Казакова Т.А. Художественный перевод. Теория и практика/ Т.А. Казакова. – СПб.: ООО «ИнЪязыздат», 2006. – 544 с.

45. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Электронный ресурс]/ Ю.Н. Караулов. – Изд-во: Книжный дом «Либроком», 2014. – 264 с. – URL: <http://padaread.com/?book=22112> (дата обращения 31.11.2016)

46. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения/ Ю.Н. Караулов // Язык и личность. – М., 1989. – С. 3–8.

47. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс/ В.И. Карасик. – М., 2004. – 477 с.

48. Карпухина В.Н. Переводческий комментарий в интеллектуальном детективе/ В.Н. Карпухина// Известия Алтайского гос. ун-та. – 2–11(66). – 2010. – С. 119–121.

49. Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты/ В.Б. Кашкин// Теоретическая и прикладная лингвистика. Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – Вып. 3. – С. 4–34.

50. Кашкин В.Ю. Метакоммуникация переводчика в переводческих комментариях [Электронный ресурс]/ В.Б. Кашкин, Д.С. Князева, С.С. Рубцов// Язык, коммуникация, социальная среда. – Вып.6. – Воронеж: Воронежск. гос. ун-

т, 2008. – С. 112–115. – URL: <http://tpl1999.narod.ru/index/0-115> (дата обращения 31.11.2017).

51. Кашкин В. Б. Аспекты метаязыковой деятельности / В.Б. Кашкин // Лексика и лексикография. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1999. – Выпуск 10. – С. 64–68.

52. Кашкин В.Б. Метакоммуникация в пространстве обыденного и научного познания [Электронный ресурс]/ В.Б. Кашкин// Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2011. – Вып. 1.– С. 21–27. – URL: http://eprints.tversu.ru/3422/1/%D0%9A%D0%B0%D1%88%D0%BA%D0%B8%D0%BD_%D0%92._%D0%91._%D0%A1._21-27.pdf (дата обращения 31.11.2017)

53. Кашкин В.Б. Метакогнитивные исследования перевода [Электронный ресурс]/ В.Б. Кашкин// Университетское переводоведение: Десятые Федоровские чтения. – СПб., 2009. – Вып. 10. – С. 230–242. – URL: <http://tpl1999.narod.ru/index/0-122> (дата обращения 01.12.2017).

54. Клюканов И.Э. Динамика межкультурного исследования: Системно-семиотическое исследование/ И.Э. Клюканов. – Тверь: Изд-во Тверского у-та, 1988. – 99с. – С.19.

55. Клюканов И.Э. Основные модели перевода/ И.Э. Клюканов. – Калинин, 1988. – 52 с.

56. Кожина М.Н. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII-XX вв.; под ред. М.Н. Кожиной в 3 т. Том 2. Стилистика научного текста. – Пермь, 1996. Ч.1. – 280с. – С. 44–45.

57. Кожина М.Н., Котюрова М.П. Стереотипность и творчество в тексте: Межвузовский сборник научных трудов [Электронный ресурс]/ М.Н. Кожина, М.П. Котюрова и др. – Перм. ун-т. – Пермь, 1999. – 346 с. – URL: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/593/50593/24718?p_page=1 (дата обращения 01.12.2017).

58. Колодина Н.И. Теоретические аспекты понимания и интерпретации художественного текста: На материале русского и английского языков: автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.19/ Колодина Нина Ивановна. – Тамбов, 2002. – 22 с.

59. Короткая М.Л. Роль заголовка и ключевых слов в понимании художественного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Электронный ресурс]/ Короткая Марина Леонидовна. – Тверь, 1996. – 186 с. – URL: <http://www.dissercat.com/content/rol-zagolovka-i-klyuchevykh-slov-v-ponimanii-khudozhestvennogo-teksta> (дата обращения 01.12.2017).
60. Котюрова М.П. Стилистика научной речи/ М.П. Котюрова. – М.: Изд. центр Академия, 2010. – 240с.
61. Котюрова М.П., Баженова Е.А. Культура научной речи: текст и его редактирование/ М.П. Котюрова, Е.А. Баженова.– Пермь, 2007.– 282с.
62. Котюрова М.П. Выражение эпистемической ситуации в периферийных текстах целого произведения/ М.П. Котюрова// Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. Т. II. Стилистика научного текста (общие параметры). Ч.1. Под ред. проф. М.Н. Кожиной. – Пермь. – 1996. – С.341–369.
63. Красных В.В.. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность/ В.В. Красных. – М., Гнозис 2003. – 375с.
64. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета/ Л.П. Крысин// Русский язык в научном освещении. – М., 2001. – № I. – С. 90–106.
65. Кушнина Л.В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход: дис. ... д-ра филол.наук: 10.02.19/ Кушнина Людмила Вениаминовна. – Пермь, 2004. – 437 с.
66. Кушнина Л.В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства/ Л.В. Кушнина. – Пермь: Изд-во Перм. нац. иссл. политехн. ун-та, 2009. – 278 с.
67. Кушнина Л.В. Гармония и дисгармония как переводческие категории (в рамках концепции переводческого пространства)/ Л.В. Кушнина// Восьмые Федоровские чтения. Университетское переводоведение. – вып.8. – СПб., 2007.– С. 240–245.

68. Кушни́на Л.В. Введение в синергетику перевода/ Л.В. Кушни́на.— Пермь: Изд-во Перм. нац. иссл. политех. у-та, 2014. — 278 с.
69. Кушни́на Л.В. Некоторые аспекты теории гармонизации: синергетическая модель перевода/ Л.В. Кушни́на// Десятые федоровские чтения. Университетское переводоведение. Вып. 10. — СПб., 2009. — С 302–312.
70. Кушни́на Л.В. Гармонизация смыслов текста при переводе как отражение точек зрения автора, переводчика и реципиента/ Л.В. Кушни́на// Интерпретация текста: ментальное зеркало видения. Сб. научных трудов / ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»; отв. ред. М. А Шабаетова. — Екатеринбург, 2008. — 299 с. — С. 54–59.
71. Кушни́на Л.В., Силантьева М.С. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства/ Л.В. Кушни́на, М.С. Силантьева// Вестник ПНИПУ, 2010. — С. 71–75.
72. Кушни́на Л.В., Улитина С.Г. Метатекстовая деятельность переводчика: лингвокогнитивный аспект/ Л.В. Кушни́на, С.Г. Улитина// Когнитивные исследования языка. Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике. — Москва, Тамбов, Тюмень, 2016.— вып. XXVI. — С. 376–379.
73. Кушни́на Л.В., Юзманов П.Р. Экология перевода: культура vs природа/ Л.В. Кушни́на, П.Р. Юзманов// Экология языка на перекрестке наук. Тюмень, 2010. — С. 39–46.
74. Лазареску О.Г. Литературное предисловие: вопросы истории и поэтики: на материале русской литературы XVIII-XIX вв.: дис. ...докт. филол. наук: 10.01.01 [Электронный ресурс]/ Лазареску Ольга Георгиевна. — М., 2008. — 421 с. — URL: <http://www.dissercat.com/content/literaturnoe-predislovie-voprosy-istorii-i-poetiki-na-materiale-russkoi-literatury-xviii-xix> (дата обращения 01.12.2017).
75. Леденев Ю.И. Системность и синергетика как факторы устойчивости языка/ Ю.И. Леднев// Язык. Текст. Дискурс. — Ставрополь, 2007. — С. 20.
76. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики/ А.А. Леонтьев. — М.: Смысл, 1997. — 287 с. — С. 141.

77. Лосев А.Ф. 2004 – Введение в общую теорию языковых моделей/ Под ред. И.А. Василенко. Изд. 2-е, стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 296 с.
78. Лукина Н.В. Смысловая структура метатекста: на материале творчества Т. Толстой: дис. ... кан. филол. наук: 10.02.01/ Лукина Наталья Владимировна. – Астрахань, 2011.– 177 с.
79. Львовская З.Д. Современные проблемы перевода/ З.Д. Львовская. – М.: изд-во URSS, 2007. – 220 стр. – С. 101.
80. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений/ В.А. Маслова. – М.: издат. центр «Академия», 2001. – 208 с. – С. 119.
81. Марова Н.Д. Парадигмы интерпретации текста: монография. Часть 1/ Н.Д. Марова. – Екатеринбург, 2006. – 503 с. – С. 69.
82. Мильчин А.Э. Справочник издателя и автора: Редакционно-изд. оформление издания/ А.Э. Мильчин, Л.К. Чельцова. – М.: Олимп: Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 688 с.
83. Нестерова Н.М. Текст и перевод в зеркале современных философских парадигм/ Н. М. Нестерова. – М-во образования и науки РФ, Пермь: Пермь. гос. техн. ун-т, 2005. – 202 с.
84. Новикова А.В., Лошаков А.Г. Пространственно-временной континуум как фактор внутренней целостности сверткста «Последние стихи. 1914-1918» З. Гиппиус/ А.В. Новикова, А.Г. Лошаков// Русский язык и проблемы современного образования: Сб. науч. ст. Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова/ Отв. ред. А.Т. Ашхарава. Архангельск, 2009. – 2009. – Вып. 2. – С. 60–67. – URL: <https://narfu.ru/sf/sevgi//departments/rus/science/conf/novikova-lowakov.pdf> (дата обращения 01.12.2017).
85. Олешков М.Ю. Интенция в коммуникативном процессе/ М.Ю. Олешков// Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. (По материалам Междунар. науч. конф.)/ отв. ред. М. П. Котюрова; Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2005. Вып. 9. – С. 202–208.

86. Пастернак Б.Л. Замечания к переводам Шекспира/ Б.Л. Пастернак// Б. Пастернак об искусстве. М., 1990. – 340 с. – С. 180–181.
87. Пономаренко Е.В. Системность функциональных связей в современном английском дискурсе: дис. ... д-ра филол.наук: 10.02.04, 10.02.19 [Электронный ресурс]/ Пономаренко Евгения Витальевна. – М., 2004. – 447 с. – С. 158. – URL: <http://www.dissercat.com/content/sistemnost-funktsionalnykh-svyazei-v-sovremennom-angliiskom-diskurse> (дата обращения 01.12.2017).
88. Пшенкина Т.Г. Вербальная посредническая деятельность переводчика в межкультурной коммуникации: психолингвистический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 [Электронный ресурс]/ Пшёнкина Татьяна Геннадьевна. – Барнаул, 2005. – 30 с. – URL: http://psycholinguistik.narod.ru/olderfiles/5/Pshenkina_ADD.pdf (дата обращения 01.12.2017).
89. Ревзин И.И. Модели языка/ И.И. Ревзин.– М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 191 с.
90. Романова Т.В. Языковая личность Д.С. Лихачева как элитарная языковая личность русского интеллигента (на материале книги Д.С. Лихачева «Воспоминания») [Электронный ресурс]/ Т. В. Романова// Мова. – 2006. № 11. С. 12–18. – URL: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/57090559> (дата обращения 01.12.2017).
91. Руднев В.П. Винни-Пух и философия обыденного языка/ В.П. Руднев. – М.: Агора. 1994. – 320 с.
92. Самойлова И.В. Периферийные речевые жанры научного текста в аспекте авторской индивидуальности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Электронный ресурс]/ Самойлова Ирина Валерьевна. – Пермь, 2009. – 20 с. – URL: <https://link.ac/5ugq> (дата обращения 01.12.2017).
93. Силантьева М.С. О типах языковых личностей в отношении к элитарной речевой культуре [Электронный ресурс]/ М.С. Силантьева// Сибирский педагогический журнал.– Новосибирск, 2009. – №13 – С. 156–160

URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/o-tipah-yazykovyh-lichnostey-v-otnoshenii-k-elitarnoy-rechevoy-kulture#ixzz47ZyTDQkl> (дата обращения 01.12.2017).

94. Силантьева М.С. Элитарная языковая личность в профессиональном дискурсе: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19/ Силантьева Марина Сергеевна. – Пермь, 2012. – 24 с.

95. Сиротинина О.Б. Элитарная речевая культура/ О.Б. Сиротинина// Хорошая речь. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та., 2003. – 360 с. – С. 222–228.

96. Сиротинина О. Б. Устная речь и типы речевых культур/ О.Б. Сиротинина // Русистика сегодня. – Отд. ЛЯ РАН Ин-та русского языка РАН. 1995. – №4. – С. 6.

97. Сиротинина О. Б. Основные критерии хорошей речи [Электронный ресурс]/ О. Б. Сиротинина// Хорошая речь. – Саратов, 2001. – С. 16–28– URL: https://docs.google.com/document/d/1QIWFFUCWfEeyQe6ObiAxnJl_G5miVCj1QRAowWfa_T4/edit (дата обращения 01.12.2017).

98. Сорокин Ю.А. Переводоведение: статус переводчика и психогерменевтические процедуры/ Ю.А. Сорокин. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 160 с.

99. Софронова Л.А. Польские старопечатные предисловия XVI-XVII вв. (литературные и филологические функции)/ Л.А. Софронова// Русская старопечатная литература (XVI – первая четверть XVIII в.): Тематика и стилистика предисловий и послесловий /подгот. А.С. Демин, А.С. Елеонская, Л.А. Итигина и др.; под ред. А.С. Демина. – М.: Наука, 1981. – С. 100–128.

100. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 2-е, испр. и доп./ Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2001. – 838 с.

101. Стернин И.А. Фактор адресата в речевом воздействии [Электронный ресурс]/ И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2012. – 51 с. – URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Rechevoe_vozdejstvie/Faktor_adresata-v_rechevom_vozdeistvyi.pdf (дата обращения 01.12.2017).

102. Табанакова В.Д. Идеографическое описание научной терминологии/ В.Д. Табанакова. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1999. – 200 с.

103. Табанакова В.Д. Лингвистическое моделирование: коллективная монография/ В.Д. Табанакова и др.; под общ. ред. В.Д. Табанаковой. – Тюмень: Вектор Бук, 2009. – 186 с.
104. Тарнаева Л.П. Концепции языковой личности в контексте проблем переводоведения// Вестник ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2008. № 2 (13). – С. 55–70.
105. Тарнаева Л.П. Обучение будущих переводчиков трансляции культурно-специфических смыслов институционального дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 13.00.02 [Электронный ресурс]/ Тарнаева Лариса Петровна. – СПб., 2011. – 545 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/obuchenie-budushchikh-perevodchikov-translyatsii-kulturno-spetsificheskikh-smyslov-instituts> (дата обращения 01.12.2017).
106. Тихомирова Л.С. Стереотипность и творчество в тексте/ Л.С. Тихомирова// Межвуз. сб. н. тр. – Пермь, 2013. – вып. 17. – С.45–53.
107. Топер П.М. Перевод и литература: творческая личность переводчика [Электронный ресурс]/ П.М. Топер// Вопросы литературы, М., 1998. – №6. – С. 178-199. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/1998/6/toper.html> (дата обращения 01.12.2017).
108. Топоров В.Н. Пространство и текст [Электронный ресурс]/ В. Н. Топоров// Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 227–284. — URL: http://philologos.narod.ru/ling/topor_spacetext.htm.
109. Третьякова Е.А. Сравнительный анализ стратегий передачи фольклорно-мифологических смыслов в художественном тексте/ Е.А. Третьякова// Восьмые Федоровские чтения. – СПб., 2007. – Вып. 8. – С.453–461.
110. Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика)/ З.Я. Тураева. – М.: Просвещение, 1986. – 127 с.
111. Тургенев И.С. Предисловие к переводу «Украинских народных рассказов» Марка Вовчка/ И.С. Тургенев// Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. – Москва-Ленинград: «Наука», 1968. – Том 15. – С.80.

112. Тургенев И.С. Предисловие к переводу «Волшебных сказок» Шарля Перро/ И.С. Тургенев// Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. – Москва-Ленинград: «Наука», 1968. – Том 15. – С.93–95.
113. Тургенев И.С. Предисловие к немецкому переводу «Отцов и детей»/ И.С. Тургенев// Полное собрание сочинений и писем в двадцати восьми томах. – Москва-Ленинград: «Наука», 1968. – Том 15. – С.101–102.
114. Хазагеров Г.Г. Перспективы экологической лингвистики и исчерпанность стилистической парадигмы [Электронный ресурс]/ Г.Г. Хазагеров: [Авторский сайт]. – 1994-2017. – URL: <http://www.khazagerov.com/pragmatica/122-escolinguistics.html> (дата обращения 01.12.2017).
115. Хайдарова И.Н. Исследование категории переводческого времени в сопоставительном аспекте (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20/ Хайдарова Ирина Наилевна. – Тюмень, 2008. – 26 с.
116. Хакен Г., Хакен-Крелль М. Тайны восприятия [Электронный ресурс]/ Г. Хакен, М. Хакен-Крелль. – Москва: Институт компьютерных технологий, 2002. – 272 с. – С. 34. – URL: http://si-sv.com/Biblioteka/Knigipedag/Haken_Tainy_vospriyatiya_2002.pdf (дата обращения 01.12.2017).
117. Хоккетт Ч.Ф. Проблема языковых универсалий [Электронный ресурс]/ Ч.Ф. Хоккетт// Новое в лингвистике. – М.: 1970. – Вып. 5. – С. 45–76. – URL: <http://philology.ru/linguistics1/khokkett-70.htm> (дата обращения 01.12.2017).
118. Хомский Н. О понятии "Правило грамматики" [Электронный ресурс]/ Н. Хомский. // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1965. – вып.4. – 590 с. – С. 465–576. – URL: <http://www.twirpx.com/file/199142/> (дата обращения 01.12.2017).
119. Чернигова И.В. Коммуникативный потенциал паратекста французских художественных произведений XVI-XVII веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук:10.02.05/ Инга Вадимовна Чернигова. – Иркутск, 2006. – 20 с.
120. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса/ В.Е. Чернявская. М.: Ленанд, 2014. – 200 с. – С. 121.

121. Шантарович С. А. Фактор адресата в литературоведческих исследованиях текста [Электронный ресурс]/ С.А. Шантарович// Коммуникативная компетенция: принципы, методы, приемы формирования: сб. науч. ст./ под ред. Л.А. Муриной, Ф. М. Литвинко. – Минск: РИВШ БГУ, 2004. – Вып. 6. С. 3–7.– URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/13004> (дата обращения 01.12.2017).
122. Швейцер А.Д. Перевод и культурные традиции/ А.Д. Швейцер// Перевод и лингвистика текста. – М.: Всероссийский центр переводов. – 1994. – 217 с.
123. Шеина И.М. Межкультурная коммуникация как проявление лингвистического и культурного опыта: автореф. дисс... докт. филол. наук: 10.02.20 [Электронный ресурс]/ Шеина Ирина Михайловна. – М., 2010. – 53 с. – URL: <http://cheloveknauka.com/mezhkulturnaya-kommunikatsiya-kak-proyavlenie-lingvisticheskogo-i-kulturnogo-opyta-1> (дата обращения 01.12.2017).
124. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе/ У. Эко. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 574 с. – С.19.
125. Baer B.J. Gulag Translations: Re-thinking Translation History from the Margins [Электронный ресурс]/ B.J. Baer// Plenary presented to the EST Congress in Garmersheim, Germany, August 30, 2013. – URL: <http://www.youtube.com/watch?v=djTilgtDl8Y> (дата обращения 01.12.2017).
126. Beaugrande R.A., Dressler W.U. Einführung in die Textlinguistik/ R.A. Beaugrande, W.U. Dressler. – Tübingen, Niemeyer, 1981. – 63 p.
127. Bilodeau I. Discursive Visibility: Quantifying the practice of Translator Commentary in Contemporary Japanese Publishing [Электронный ресурс]/ I. Bilodeau// Emerging Research in Translation Studies: Selected Papers of the CETRA Research Summer School. – Nagoya, 2012. – 27 p. –URL: <http://www.arts.kuleuven.be/cetra/papers/files/bilodeau> (дата обращения 01.12.2017).
128. Bilodeau I. Le Rôle des traducteurs dans l'introduction de Margaret Atwood au Japon. [Электронный ресурс]/ I. Bilodeau. – Montréal, Québec, Canada, 2009. – 142 p. – URL: <http://spectrum.library.concordia.ca/976677/> (дата обращения 01.12.2017).
129. Bodrova-Gogenmos T. La traductologie russe (théorie, pratique, enseignement): ses apports et ses limites [Электронный ресурс]/ Т. Bodrova–

Gogenmos. – Villeneuve d'Asq: Presses universitaires du Septentrion, 2001. – 519 p. – URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/bodrova-gozhenmos.shtml (дата обращения 01.12.2017).

130. Bohannan P. How Culture Works [Электронный ресурс]/ Н. Bohannan. – New York, 1995. – 217 p. – P. 61. – URL: https://books.google.ru/books?id=apEc6UhTPS0C&dq=B%D0%BEhannan+P.+H%D0%BEw+Culture+W%D0%BERks&hl=ru&source=gb_s_navlinks_s (дата обращения 01.12.2017).

131. Bourdieu P. The field of Cultural Production [Электронный ресурс]/ P. Bourdieu. – Cambridge: Polity press, 1993. – 278 p. – P. 38. – URL: <http://www.public.iastate.edu/~carlos/698Q/readings/bourdieu.pdf> (дата обращения 01.12.2017).

132. Chomsky N. Syntactic Structures [Электронный ресурс]/ N.Chomsky. – Walter de Gruyter, 2002. – 117 p. – URL: https://archive.org/stream/NoamChomskySyntcaticStructures/Noam%20Chomsky%20-%20Syntcatic%20structures_djvu.txt (дата обращения 01.12.2017).

133. Coillie J.V., Verschueren W. P. Children's Literature in Translation Challenges and Strategies [Электронный ресурс]/ J. V. Coillie, W. P. Verschueren. – Routledge, London, New-York, 2006. – 200 p. URL: https://books.google.ru/books?id=L_0JBAAAQBAJ&hl=ru&source=gb_s_navlinks_s (дата обращения 01.12.2017).

134. Collombat I. La Stylistique comparée du français et de l'anglais: la théorie au service de la pratique/ I. Collombat// Meta: journal des traducteurs/ Meta: Translators' Journal, 2003. – vol. 48, n°3. – Pp. 421–428.

135. Delisle J. Dimension culturelle de certaines fonctions de la traduction/ J. Delisle// Atelier de traduction. – Canada, 2014. – no. 21. – Pp. 37–61.

136. Dimitriu R., Cuza A. I. Translators' prefaces as documentary sources for translation studies [Электронный ресурс]/ R. Dimitriu, A.I. Cuza// Perspectives: Studies in Translatology. – University of Iași, 2009. – vol. 17. – no. 3. – Pp. 193–206. – URL:

http://www.ucv.ro/pdf/invatamant/educatie/scoala_doctorala/2016/vilceanu/9.pdf (дата обращения 23.12.2015).

137. Eraslan Gercek S. “Cultural Mediator” or “Scrupulous Translator”? Revisiting Role, Context and Culture in Consecutive Conference Interpreting 2008 [Электронный ресурс]/ S. Eraslan Gercek// In Translation and Its Others. Selected Papers of the CETRA Research Seminar in Translation Studies 2007. Pieter Boulogne (ed.). – URL: <https://www.arts.kuleuven.be/cetra/papers/files/eraslan-gercek.pdf> (дата обращения 01.12.2017).

138. Frías J.Y. Paratextual Elements in Translation [Электронный ресурс]/ J.Y Frías// Translation Peripheries. Paratextual Elements in Translation. A. Gil-Bardají, P. Orero & S. Rovira-Esteva [eds.], Frankfurt am Main,: Peter Lang, 2012. – 196 p. – URL: http://www.joseyustefrias.com/docu/publicaciones/JoseYusteFrias2012_Par Translation-Peripheries.pdf (дата обращения 01.12.2017).

139. Gil-Bardaji A., Orero P., Rovira-Esteva S. Translation Peripheries [Электронный ресурс]/ A. Gil-Bardaji, P. Orero, S. Rovira-Esteva. – Bern: Peter Lang, – 196p. Pp. 7–13– URL: http://www.jostrans.org/issue19/rev_gil_bardaji.pdf (дата обращения 01.12.2017).

140. Genette G., Maclean M. Introduction to the Paratext [Электронный ресурс]/ G. Genette, M. Maclean// New Literary History. – The John Hopkins University Press, 1991. – Vol. 22. – Pp. 261–272. — URL: http://www.ihc.ucsb.edu/research/history_books/Introduction%20to%20the%20Paratext.pdf (дата обращения 01.12.2017).

141. Genette G. Paratexts. Thresholds of Interpretation. (tr. J.E. Lewin) [Электронный ресурс]/ G. Genette. – Cambridge: CUP. 1997. – 453 p. – URL: https://www.almendron.com/tribuna/wpcontent/uploads/2017/06/genette_gerard_paratexts_thresholds_of_interpretation.pdf (дата обращения 01.12.2017).

142. Genette G. ‘Palimpsests: Literature in the Second Degree [Электронный ресурс]/ G. Genette. – Lincoln, Nebraska: University of Nebraska Press, 1997. –214 p. – URL:https://books.google.ru/books/about/Palimpsests.html?id=KbYzNp94C9oC&redir_esc=u (дата обращения 01.12.2017).

143. Hadley J. L. Theorizing in Unfamiliar Contexts: New Directions in Translation Studies [Электронный ресурс]/ J. L. Hadley// University of East Anglia School of Language and Communication Studies – 2014. – 233 p. – URL: https://www.academia.edu/6981008/Theorizing_in_Unfamiliar_Contexts_New_Directions_in_Translation_Studies (дата обращения 01.12.2017).
144. Hewson L. Les incertitudes du traduire/ L. Hewson// Meta: Journal des traducteurs, 2016. – Pp 12–18.
145. Kovala U. Translations, paratextual mediations, and ideological closure [Электронный ресурс]/ U. Kovala// Target. International Journal of Translation Studies. John Benjamins, 1996. – Volume 8, Issue 1. – Pp.119–147. – URL: https://www.researchgate.net/publication/233645444_Translations_Paratextual_Mediation_and_Ideological_Closure (дата обращения 01.12.2017).
146. Krämer L. Paratext in Romanen von Mo Yan [Электронный ресурс]/ L. Krämer. – Mainz, 2014. – 83 p. – URL: www.ruhr-uni-bochum.de/oaw/dvcs/.../kraemer_ma.pdf (дата обращения 01.12.2017).
147. Lane Ph. Seuils editoriaux/ Ph. Lane// Espace.temps, 47-48. La fabrique des sciences sociales. Lecture d'une ecriture. – 1991 – Pp 91–108.
148. Lathey G. The Translator Revealed. Didacticism, Cultural Mediation and Visions of the Child Reader in Translators' Prefaces [Электронный ресурс]/ G. Lathey// Children's literature in translation. Challenges and Strategies. J. van Coillie & W. P. Verschueren (eds.). – Routledge. 2006. – 200 p. – Pp. 1–19 – URL: https://books.google.ru/books?id=L_0JBAAAQBAJ&printsec=frontcover&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false (дата обращения 01.12.2017).
149. Lederer M. La traduction simultanée - Fondements théoriques [Электронный ресурс]/ M. Lederer. – Lille, 1980. – 1 vol. – 567 p. – URL: <https://books.google.ru/books?id=5EZ0ds4eLZkC&pg=PA130&lpg=PA130&dq=Lederer+M.+La+traduction+simultanée+> (дата обращения 01.12.2017).
150. Lefevre A. Translation: Its genealogy in the West [Электронный ресурс]/ A. Lefevre// Translation, History and Culture. Eds. S. Bassnett & A. Lefevre. London:

- Pinter 1990. – 133 p. – Pp. 15–27. – URL: <https://periodicos.ufsc.br/index.php/fragmentos/.../4128> (дата обращения 01.12.2017).
151. McRae E. The role of translators’ prefaces to contemporary literary translations into English: An empirical study [Электронный ресурс]/ E. Mcrae// Paratextual Elements in Translation. A. Gil-Bardají, P. Orero & S. Rovira-Esteva [eds.], Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2012. – 196 p. – Pp. 63–83. – URL: <http://www.joseyustefrias.com/index.php/publicaciones/capitulos-de-libro/218-paratranslation-peripheries.html> (дата обращения 11.10.2015).
152. Mizuno A. A genealogy of literal translation in modern Japan/ A. Mizuno// TTR : traduction, terminologie, rédaction, 2009. – vol. 22.– no° 1.– Pp. 29–55.
153. Mossop B. Revising and Editing for Translators, [Электронный ресурс]/ B. Mossop. – 2nd ed. – Manchester, UK.: St. Jerome, 2010. – 177 p. URL: http://www.trans.uma.es/Trans_6/t6_240-247_SParra.pdf (дата обращения 01.12.2017).
154. Mossop B. Andrei Fedorov and the Origins of Linguistic Translation Theory [Электронный ресурс]/ B. Mossop: [Авторский сайт]. – 2013. – URL: <http://www.yorku.ca/brmossop/Fedorov.htm> (дата обращения 01.12.2017).
155. Mossop B. Have there been advances in Translation Studies? [Электронный ресурс]/ B. Mossop: [Авторский сайт]. // Revising and Editing for Translators. –Manchester, U.K.: St. Jerome, 2010 – URL: <http://www.yorku.ca/brmossop/AdvancesInTS.htm> (дата обращения 01.12.2017).
156. Norberg U. Literary translators’ comments on their translations in prefaces and afterwords: The case of contemporary Sweden [Электронный ресурс]/ U. Norberg// Translation Peripheries. Paratextual Elements in Translation. A. Gil-Bardají, P. Orero & S. Rovira-Esteva [eds.], Frankfurt am Main, Berlin, Bern: Peter Lang, 2012. – 196 p. – Pp. 101–117. – URL: <http://www.joseyustefrias.com/index.php/publicaciones/capitulos-de-libro/218-paratranslation-peripheries.html> (дата обращения 01.12.2017).
157. Nord C. Text Analysis in Translation: theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis [Электронный ресурс]/ C. Nord. – Amsterdam Rodopy, 2005. – 274 p. – URL:

https://books.google.com/.../Text_analysis_in_translation.htm (дата обращения 01.12.2017).

158. New Horizons in Translation Research and Education 1. [Электронный ресурс]/ Pokorn N. K., Koskinen K. (eds.) – Uef Electronic publications, 2013. – URL: http://epublications.uef.fi/pub/urn_isbn_978-952-61-1288-6/index_en.html Permanent link: URN: ISBN:978-952-61-1288-6 (дата обращения 01.12.2017).

159. Panchon H.M. La paratraduction en espagnol de l'oeuvre La Liberte ou l'amour de Robert Desnot/ H.M. Panchon// Atelier de traduction. Dossier: La dimension culturelle du texte litteraire en traduction. Roumanie, Universite de Suceava, 2014. – Volume 2. – Pp.137–148.

160. Pellatt V. Packaging the product: a case study of verbal and non-verbal paratext in Chinese-English translation [Электронный ресурс]/ V. Pellatt// JoSTrans: The Journal of Specialized Translation. – 2013. – Issue 20. – URL: http://www.jostrans.org/issue20/art_pellatt.php (дата обращения 01.12.2017).

161. Pym A. Exploring Translation Theories [Электронный ресурс]/ A. Pym. – London and New York: Routledge, 2009. –190 p. – URL: <http://www.enl.auth.gr/grammar/grammar11/review1.pdf> (дата обращения 01.12.2017).

162. Pym A. The Moving Text. Localization, Translation, and Distribution [Электронный ресурс]/ A. Pym: [Авторский сайт] – Amsterdam, 2003. – 7 p. – URL: http://usuaris.tinet.cat/apym/publications/PYM00_contents.PDF (дата обращения 01.12.2017).

163. Pym A. Venuti's Visibility [Электронный ресурс]/ A. Pym: [Авторский сайт] – Monterey, 1995. – 9 p. – URL: http://usuaris.tinet.cat/apym/online/translation/1996_Venuti.pdf?bookid=Target%25208%253A1 (дата обращения 01.12.2017).

164. Pym A. Vinay and Darbelnet and the politics of translation solutions [Электронный ресурс]/ A. Pym: [Авторский сайт] – Universitat Rovira i Virgili. – 2014. – 19 p. – URL: http://usuaris.tinet.cat/apym/online/translation/2014_vinay_darbelnet.pdf (дата обращения 01.12.2017).

165. Pym A., Ayvazyan N. West enters East: A strange case of unequal equivalences in basic translation theory [Электронный ресурс]/ А. Пым, N. Ayvazyan: [Авторский сайт] – 16 p. – URL: http://usuaris.tinet.cat/apym/online/translation/2015_east_west_web.pdf (дата обращения 01.12.2017).

166. Reiss K. Möglichkeiten und Grenzen der Übersetzungskritik: Kategorien und Kriterien für eine sachgerechte Beurteilung von Übersetzungen/ K. Reiss. – Munich: Hueber, 1971 [Электронный ресурс]// Translated into English by Erroll. F. Rhodes as Translation Criticism: The Potentials and Limitations. Categories and Criteria for Translation Quality Assessment. St. Jerome Publishing Ltd, 2000. – 127p. – URL: <https://archive.org/details/KatharinaReissTranslationCriticism> (дата обращения 01.12.2017).

167. Reiss K., Vermeer H. Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie [Электронный ресурс]/K. Reiss, H. Vermeer. – Tübingen, Niemeyer. – 1984// Translated into English by Christiane Nord as Towards a general theory of translational action: Skopos theory explained. English reviewed by Martina Dudenhöfer. Manchester, St. Jerome, 2013. – 240 p. – URL: http://samples.sainsburysebooks.co.uk/9781317640004_sample_573244.pdf (дата обращения 01.12.2017).

168. Sakellariou P. Translation, Interpretation and Intercultural Communication [Электронный ресурс]/ P. Sakellariou// The Journal of Specialized Translation. – 2001. – Issue 15. – URL: http://www.jostrans.org/issue15/art_sakellariou.pdf (дата обращения 01.12.2017).

169. Tahir Gürçağlar Ş. Agency in Allographic Prefaces to Translated Works: An Initial Exploration of the Turkish Context [Электронный ресурс]/ Ş T. Gürçağlar. – 2013. – 21 p. – URL: <https://boun.academia.edu/SehnazTahirGurcaglar> (дата обращения 01.12.2017).

170. Tahir-Gürçağlar Ş. What Texts don't Tell. The Uses of Paratexts in translation Research [Электронный ресурс]/ Ş T. Gürçağlar. – 2002. – 19 p.– URL: https://www.academia.edu/879203/What_texts_dont_tell_The_uses_of_paratexts_in_translation_research (дата обращения 01.12.2017).

171. Text, Extratext, Metatext and Paratext in Translation [Электронный ресурс]/ V. Pellatt et al. Ed.: Pellatt V. – Cambridge scholars publishing, 2013. – 30 p. – URL: <http://www.cambridgescholars.com/download/sample/60628> (дата обращения 01.12.2017).

172. Translation and Translation Studies in the Japanese context [Электронный ресурс]/ N. sato-Rossberg, J. Wakabyashi (eds.). – London, New York, 2012. – 230 p. – URL: <https://books.google.ru/books?isbn=1441118853> (дата обращения 01.12.2017).

173. Translation discourse in Japan. An annotated anthology with commentary/ A. Yanabu, A. Mizuno, M. Naganuma (eds.). – Tokyo, 2010. – 158 p. – Pp. 56–58.

174. Translation in Modern Japan [Электронный ресурс]/ Ed. Indra Levy. – Routledge, 2017 – URL: https://books.google.ru/books?id=qCMxDwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbg_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения 01.12.2017).

175. The Translator. Science in Translation. Special Issue [Электронный ресурс]/ Olohan M., Salama-Carr M. (eds.). – 2011. – Vol.17. – no 2. – URL: <https://books.google.ru/books?isbn=1317641116> (дата обращения 01.12.2017).

176. Turner M. The Literary Mind: The Origins of Thought and Language/ M. Turner. – N. Y., 1998. – P. 83.

177. Seleskovitch D., Lederer M. Interpréter pourtraduire [Электронный ресурс]/ D. Seleskovitch, M. Lederer. – Paris: Publications de la Sorbonne, Littératures, Didier Érudition, 1984. – 311 p. – URL: www.academypublication.com/issues/past/tpls/vol04/.../05.p.... (дата обращения 01.12.2017).

178. Wardle M. L. Alice in Busi-Land: The Reciprocal Relation Between Text and Paratext// Translation Peripheries/ Paratextual Elements in Translation. –Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien, 2012. – 196 p. – Pp. 27–43.

179. Watts R. Paratexts and the mediation of culture [Электронный ресурс]/ R. Watts// Packaging Postcoloniality: The Manufacture of Literary Identity in the Francophone World. – Lexington books, 2005. – 24 p. – URL:

<http://chapters.lexingtonbooks.com/07/391/0739108557ch1.pdf> (дата обращения 01.12.2017).

180. Watts R. Translating Culture: Reading the Paratexts to Aimé Césaire's *Cahier d'un retour au pays natal*/ R. Watts // TTR : traduction, terminologie, redaction, 2000. – vol. 13, no° 2. – Pp. 29–45.

181. Wollstonecraft M. Preface to Salzmann C. G. *Elements of Morality, for the Use of Children; with an Introductory Address to Parents* [Электронный ресурс]/ M. Wollstonecraft. – London, 1790. – URL: <http://link.bu.edu/portal/Elements-of-morality--for-the-use-of-children/if14yAXс6pk/> (дата обращения 01.12.2017).

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

182. Агафонов Г.И. Вступление к переводу стихов П. Деркана [Электронный ресурс]/ Г.И. Агафонов// Иностранная литература. – 1998. – №1. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/1/durcan.html> (дата обращения 01.12.2017).

183. Архипцев Б.В. Вступление к переводам лимериков Э. Лиры [Электронный ресурс]/ Б.В. Архипцев// Иностранная литература. – 2003. – №3. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2003/3/lir.html> (дата обращения 01.12.2017).

184. Бабков В.О. Вступление к переводу романа Т. Вулфа «О времени и о реке» [Электронный ресурс]/ В.О. Бабков// Иностранная литература. – 2004. – №7. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2004/7/vu5.html> (дата обращения 01.12.2017).

185. Барабтарло Г.А. Послесловие к переводу рассказа В. Набокова «Сестры Вейн» [Электронный ресурс]/ Г.А. Барабтарло// Иностранная литература. – 1997: – №5. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1997/5/nabokov.html> (дата обращения 01.12.2017).

186. Бородинская М.Я. Вступление к переводу пьесы У. Шекспира «Комедия ошибок»/ М.Я. Бородинская// Иностранная литература. – 2012. – № 10. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2012/10/s5.html> (дата обращения 01.12.2017).

187. Бунимович Е.А. Вступление к переводу современной американской поэзии/ Е.А. Бунимович// Иностранная литература. – 2007. – №9. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2007/9/po6.html> (дата обращения 01.12.2017).

188. Веденяпин Д.Ю. Вступление к переводу романа М. Каннингема «Часы» [Электронный ресурс]/ Д.Ю. Веденяпин// Иностранная литература. – 2000. – №9. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2000/9/kannin.html> (дата обращения 01.12.2017).
189. Веденяпин Д.Ю. Предисловие к переводу романа Б. Чатвина «Утц». /Д.Ю. Веденяпин// Иностранная литература. – 2005. – №4. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2005/4/ch3.html> (дата обращения 01.12.2017).
190. Веденяпин Д.Ю. Только к концу работы ты понимаешь, как нужно было переводить. [Электронный ресурс]/ Д.Ю. Веденяпин// Бюро переводов Берг. 2001. – URL: http://www.slowo.ru/stat11_5.html (дата обращения 01.12.2017).
191. Волевич И.Я. Хороший перевод – это незаметный перевод [Электронный ресурс]/И.Я. Волевич// Русский журнал. – 2001. – 14 мая. – URL: <http://old.russ.ru/krug/20010514.html> (дата обращения 01.12.2017).
192. Волчек Д.Б. Мне всегда хочется забраться в дом писателя, которого я перевожу, с черного хода. [Электронный ресурс]/ Д.Б. Волчек// Русский журнал. – 2002. – 25 июля. – URL: http://old.russ.ru/krug/20020725_kalash.html (дата обращения 01.12.2017).
193. Генина А.Г. Вступление к переводу пьесы К. Черчил «Там вдали»/ А.Г. Генина// Иностранная литература. – 2007. – №1. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2007/1/ch4.html> (дата обращения 01.12.2017).
194. Глек Ю.Ю. Предисловие к переводу «Школьные годы Тома Брауна». Т. Хьюза. [Электронный ресурс]/ Ю. Глек. – 2006. – URL: http://tombrown.narod.ru/0_0.htm (дата обращения 01.12.2017).
195. Дадян М.А. Перевод и вступление к фрагментам романа С. Беккета «Мечты о женщинах, красивых и так себе» [Электронный ресурс]/ М. А. Дадян// Иностранная литература. – 2005. – №10. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2005/10/be8.html> (дата обращения 01.12.2017).
196. Дементиевская О.С. Перевод и вступление к роману М. Тоуз «Непростая доброта» [Электронный ресурс]/ О.С. Дементиевская// Иностранная литература.

– 2006. – №11. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2006/11/to5.html> (дата обращения 06.12.2017)

197. Демурова Н.Г. Перевод и вступление к роману М. Махи «Пространство памяти» [Электронный ресурс]/ Н.Г. Демурова// Иностранная литература.– 2008.– №5. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/5/mm1.html>.

198. Дубин Б.В. Вступительная статья к переводам С. Беккета/ Б.В. Дубин// Иностранная литература.– 2000. – №1. – С.256.

199. Дубин Б.В. Переводчик перебирает варианты до «сотых интонаций». [Электронный ресурс]/ Б.В. Дубин// Русский журнал. – 2001. – 26 октября. – URL: http://old.russ.ru/krug/20011026_kalash.html (дата обращения 01.12.2017).

200. Елифёрова М.В. Перевод, комментарии и послесловие к стихотворению Дж. Донна «Прощание, возбращающее скорбь» [Электронный ресурс]/ М.В. Елифёрова// Иностранная литература. – 2014. – №2. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2014/2/9d.html> (дата обращения 01.12.2017).

201. Иванов В.В. Работа над одним переводом может тянуться всю жизнь. [Электронный ресурс]/ В. В. Иванов// Русский журнал. – 2004. – 28 сентября. – URL: http://old.russ.ru/columns/20040928_kalash.html (дата обращения 01.12.2017).

202. Ильин С.Б. Вступление к переводу фрагментов романа М. Пика «Титус Гроанский» [Электронный ресурс]/ С.Б. Ильин// Иностранная литература. – 2002. – №3. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/3/pik.html> (дата обращения 01.12.2017).

203. Ильин С.Б. Жду, когда придет внимательный читатель. [Электронный ресурс]/ С.Б. Ильин// Русский журнал. – 2002.– 1 августа.– URL: http://old.russ.ru/krug/20020801_kalash.html (дата обращения 01.12.2017).

204. Калашникова Е. Интервью с переводчиками. [Электронный ресурс]/ Е. Калашникова// Русский журнал (электронный архив). – URL: <http://old.russ.ru/authors/kalashnikova.html> (дата обращения 01.12.2017).

205. Калинин М.В. Вступление к переводу стихов М. Пика [Электронный ресурс]/ М.В. Калинин// Иностранная литература. – 2004. – №1. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2004/1/pik.html> (дата обращения 01.12.2017).

206. Кельберт О.Я. Вступление к переводу стихотворений Н. Дженкинса [Электронный ресурс]/ О.Я. Кельберт// Иностранная литература. – 1998. – №3. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/3/djenkins.html> (дата обращения 01.12.2017).
207. Кормильцев И.В. Ирвин Уэлш – Жан Жак Руссо химического поколения. Вступительная статья к переводу И. Уэлша/ И.В. Кормильцев// Иностранная литература.– 1998. – №4. – С.135–136.
208. Кружков Г.М. Вступление к переводам стихов Дж. Клэра [Электронный ресурс]/ Г.М. Кружков// Иностранная литература. – 2005. – №4. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2005/4/kl4.html> (дата обращения 01.12.2017).
209. Кружков Г.М. Вступление к переводу стихотворений А. Теннисона [Электронный ресурс]/ Г.М. Кружков //Иностранная литература. – 2006. – №5. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2006/5/te4.html> (дата обращения 01.12.2017).
210. Кружков Г.М. Вступление к переводам поэтов английского декаданса [Электронный ресурс]/ Г.М. Кружков //Иностранная литература. – 2007. – №4. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2007/4/de6.html> (дата обращения 01.12.2017).
211. Кружков Г.М. Вступление к переводу стихов У. Стивенса [Электронный ресурс]/ Г.М. Кружков // Иностранная литература. – 2008. – №5. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/5/st6.html> (дата обращения 01.12.2017).
212. Кружков Г.М. Вступление к переводам стихов К. Райан [Электронный ресурс]/ Г.М. Кружков// Иностранная литература. – 2011. – №1. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2011/1/ra4.html> (дата обращения 01.12.2017).
213. Кузнецов С. Ю. Послесловие к переводам И. Уэлша/ С.Ю. Кузнецов// Иностранная литература.– 1998. – №4. – С.194.
214. Кудрявицкий А.И. Вступление к переводу стихов Дж. Кэй [Электронный ресурс]/ А.И. Кудрявицкий// Иностранная литература. – 2003. – №6. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2003/6/kei.html> (дата обращения 01.12.2017).
215. Кудрявицкий А.И. Вступление к переводу стихов Дж. Риди [Электронный ресурс]/ А.И. Кудрявицкий// Иностранная литература. – 2003. –

№11. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2003/11/ridi.html> (дата обращения 01.12.2017).

216. Кузьминский Б.Н. Вступление к переводу романа И. Уэлша «Фармацевтический романс»/ Б.Н. Кузьминский// Иностранная литература.– 1998. – №4. – С 193–194.

217. Лапина Г.В. Перевод и вступление к фрагментам книги Б. Тейлора «Путешествие в Грецию и Россию, а также поездка на Крит» [Электронный ресурс]/ Иностранная литература. – 2006. – №6. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2006/6/te13.html> (дата обращения 01.12.2017).

218. Лапудев А.А. Вступление к переводу рассказа А.К. Дойля «Подлинная история о привидениях Горспторской усадьбы» [Электронный ресурс]/ А.А. Лапудев// Иностранная литература. – 2008. – №1. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/1/do4.html> (дата обращения 01.12.2017).

219. Лапудев А.А. Вступление к переводу повести А.К. Дойля «Долина смерти» [Электронный ресурс]/ А.А. Лапудев// Иностранная литература. – 2008. – №1. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/1/ak3.html> (дата обращения 01.12.2017).

220. Ливергант А.Я. От переводчика. К переводу повести «Стеклянный город» П. Остера/ А.Я. Ливергант// Иностранная литература. – 1997. – №6. – С.135.

221. Ливергант А.Я. Вступление к переводу романа Б. Бейнбриджа «Согласно Куинни» [Электронный ресурс]/ А.Я. Ливергант// Иностранная литература. – 2004. – №12 – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2004/12/be1.html> (дата обращения 01.12.2017).

222. Ливергант А.Я. Вступление к переводу пьесы Г. Пинтера «Былые времена» [Электронный ресурс]/ А.Я. Ливергант// Иностранная литература. – 2006. – №5. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2006/5/pi2.html> (дата обращения 01.12.2017).

223. Лодж Д. Хорошая работа: Роман/ Д. Лодж// Пер.с. англ. М. Ворсановой. – М.: Издательство Независимая газета, 2004. – 384 с.

224. Лукашкина М.М. Предисловие к переводу стихов К. Россетти [Электронный ресурс]/ М.М. Лукашкина// Иностранная литература. – 2005. – №9. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2005/9/ro4.html> (дата обращения 01.12.2017).
225. Мавлевич Н.С. Перевод – мышление картинками. [Электронный ресурс]/ Н.С. Мавлевич// Русский журнал. 2001. – 25 апреля. – URL: <http://old.russ.ru/krug/20010425.html> (дата обращения 01.12.2017).
226. Матвеев М.Л. Перевод, комментарии и послесловие к стихотворению О. Уайльда «Сфинкс» [Электронный ресурс]/ М.Л. Матвеев// Иностранная литература. – 2012. – №8. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2012/8/u5.html> (дата обращения 01.12.2017).
227. Матвеев М.Л. Вот что должно быть вышито на каждом слюнявчике. Перевод, вступление и комментарии к переводу стихов О. Нэша [Электронный ресурс]/ М.Л. Матвеев// Иностранная литература. – 2012. – №4. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2012/4/n9.html> (дата обращения 01.12.2017).
228. Матвеев М.Л. Перевод и вступление к публикации стихов Дж. А. Линдона «Как окрестить червя» [Электронный ресурс]/ М.Л. Матвеев// Иностранная литература. – 2014. – №4. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2014/4/91.html> (дата обращения 01.12.2017).
229. Мотылев Л.Ю. Вступление к переводу романа П. Акройда «Биография Лондона»/ Л.Ю. Мотылев// Иностранная литература. – 2002. – №10. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2002/10/akr.html> (дата обращения 01.12.2017).
230. Мотылев Л.Ю. Вступление к переводу романа Ф. Рота «Людское клеймо» [Электронный ресурс]/ Л.Ю. Мотылев// Иностранная литература. – 2004. – №4. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2004/4/rot2.html> (дата обращения 01.12.2017).
231. Меррей Л. Стихи из книги «Собака, лиса, поле». Перевод с английского и предисловие А. Сергеева// Иностранная литература. – 1998. – №4. – С. 5-12.

232. Нестеров А.В. Вступление и комментарии к переводу стихов Дж. Грина [Электронный ресурс]/ А.В. Нестеров// Иностранная литература. – 2009. – №6. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2009/6/gr5.html> (дата обращения 01.12.2017).

233. Нэш О. Стихи. Перевод, предисловие и комментарий М. Матвеева [Электронный ресурс]/ О. Нэш// Иностранная литература. – 2012. – №4. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2012/4/n9.html> (дата обращения 01.12.2017).

234. Поваляева Н.Н. Вступление к переводу рассказов Дж. Уитерсон [Электронный ресурс]/ Иностранная литература. – 2009. – №2. URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2009/2/uo1.html> (дата обращения 01.12.2017).

235. Пророкова В.В. . Вступление к переводу романа Т. Роббинса «Вилла "Инкогнито"» [Электронный ресурс]/ В.В. Пророкова// Иностранная литература. – 2005. – №1. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2005/1/ro1.html> (дата обращения 01.12.2017).

236. Пинский А.И, Домбаян Е.И. Вступление к переводу романа Э. Берджесса «Железо, ржавое железо» [Электронный ресурс]/ А.И. Пинский, Е.И. Домбаян// Иностранная литература. – 2004. – №1. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2004/1/b1.html> (дата обращения 01.12.2017).

237. Сергеев А.Я. Вступление к переводу «Баллады об интеллектуале» Э. Каммингса/ А.Я. Сергеев// Иностранная литература.– 1994. – №11. – С.106.

238. Свифт Г. Последние распоряжения/ Г. Свифт// Иностранная литература, 1998. – №1. – С. 105-233.

239. Сергиевский А.Н. Вступление к переводу пьесы Г. Баркера [Электронный ресурс]/ А.Н. Сергиевский// Иностранная литература. – 2014. – №10. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2014/10/3br.html> (дата обращения 01.12.2017).

240. Силакова С.В. В большинстве случаев читатель не задумывается, перевод перед ним или нет [Электронный ресурс]/ С.В. Силакова// Русский журнал. 2002.– 4 апреля – URL: http://old.russ.ru/krug/20020403_kalash.html (дата обращения 01.12.2017).

241. Силакова С.В. Предисловие к переводу романа Д. Делилло «Мао II» [Электронный ресурс]/ С.В. Силакова// Иностранная литература. – 2003. – №11. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2003/11/delillo.html> (дата обращения 01.12.2017).

242. Симановский Д.Л. Вступление к переводу романа А. Каван «Лед» [Электронный ресурс]/ Д.Л. Симановский// Иностранная литература. – 2010. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2010/6/ka1.html> (дата обращения 01.12.2017).

243. Скороденко В.А. Вступление к переводу стихотворения Р. Киплинга «Братцы» [Электронный ресурс]/ В.А. Скороденко// Иностранная литература. – 2010. – №8.– URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2010/8/ki10.html> (дата обращения 01.12.2017).

244. Славороссова Е.А. Вступление к переводу стихов Р.Л. Стивенсона [Электронный ресурс]/ Е.А. Славороссова// Иностранная литература. – 2001. – №1. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2001/1/stiv.html> (дата обращения 01.12.2017).

245. Стамм И.С. Вступление к переводу рассказов Дж. Барнса [Электронный ресурс]/ И.С. Стамм// Иностранная литература. – 1998. – №11. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1998/11/barns.html> (дата обращения 01.12.2017).

246. Степаненко Ю.Б. Вступление к переводу глав из книги Б. Уайт «Мама делает выбор, или какие опасности подстерегают вас на Юге» [Электронный ресурс]/ Ю.Б. Степаненко// Иностранная литература. – 2007. – №7.– URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2007/7/u20.html> (дата обращения 01.12.2017).

247. Суриц Е. (Богатырева Е.А.). Вступление к переводу В. Вульф «Орландо»/ Е. Суриц// Иностранная литература. – 1994. – №11. – С.109.

248. Суриц Е. (Богатырева Е.А.). Предисловие к переводу рассказов Д. Томаса. [Электронный ресурс]/ Е. Суриц// Иностранная литература. – 1999. – №12. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1999/12/tomas.html> (дата обращения 01.12.2017).

249. Федорова Н.Н. Лозунг переводчика – «Я знаю, что ничего не знаю» [Электронный ресурс]/ Н.Н. Федорова// Русский журнал. – 2001. – 17 июля. – URL: http://old.russ.ru/krug/20010717_fed.html (дата обращения 01.12.2017).

250. Хесед Л.А. Вступление к переводу стихов Ш. Моррисси [Электронный ресурс]/ Л.А. Хесед// Иностранная литература. – 2015. – №2. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2015/9/2morr.html> (дата обращения 01.12.2017).

251. Хотинская Н.О. Вступление к переводу Н. Бисмют «Scrapbook». [Электронный ресурс]/ Н.О. Хотинская// Иностранная литература. – 2006. – №11. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2006/11/bi2.html> (дата обращения 01.12.2017).

252. Шапиро Р.Г. Вступление к переводу романа Ч. Жун «Дикие лебеди или три дочери Китая» / Р.Г. Шапиро // Иностранная литература. – 2005. – №9. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/2005/9/zh5.html> (дата обращения 01.12.2017).

253. Яхнина Ю.Я. Каждый перевод – интерпретация. [Электронный ресурс]/ Ю.Я. Яхнина// Русский журнал. – 2001. – 8 ноября. – URL: http://old.russ.ru/krug/20011108_kalash.html (дата обращения 01.12.2017).

254. Lodge D. Nice Work/ D. Lodge. – Penguin, 1989. – 384 p.

255. Swift Gr. Last Orders/ G. Swift. – Picador, 1996. – 296 p.

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

256. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник/ З.Е. Александрова. – М.: Русский язык, 2001. – 568 с.

257. Большой словарь иностранных слов.– Издательство «ИДДК», 2007.

258. Гуськова А.П., Сотин Б.В. Популярный словарь русского языка. Толково-энциклопедический/ А.П. Гуськова, Б.В. Сотин. – М.: Русский язык-Медиа, 2003. – 880 с.

259. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь/ И.Х. Дворецкий. – М., 1976. – 1096 с.– С. 113.

260. Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов/ Л.П. Крысин. – М.: ЭКСМО, 2005. – 944 с.

261. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия/ Под ред. А. П. Горкина. – М.: Росмэн, 2006. – 984 с.

262. Литературный энциклопедический словарь/ Под. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 751 с.
263. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. — М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель. Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. 1925.
264. Мильчин А.Э. Издательский словарь-справочник/ А.Э. Мильчин. – М.: ОЛМА-Пресс.. 2003. – 560 с.
265. Ожегов. С.И. Толковый словарь русского языка/ С.И. Ожегов. – М.: Новое издание, 2012. – 1376 с.
266. Раренко М.Б. Основные понятия англоязычного переводоведения. Терминологический словарь. Directmedia [Электронный ресурс]/ М.Б. Раренко. – 2013 г. – 252 с. – URL: <https://books.google.ru/books?id=NKCPAwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения 01.12.2017).
267. Тришин В. Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS, версия 8.0, 3 июля 2012 г. на 431 тыс. слов.
268. Толковый словарь Ушакова /Д.Н. Ушаков. – М.: Астрель, 2007. – 912 с.
269. Хеффе О., Малахов В.С. Энциклопедический словарь/ О. Хеффе, В.С. Малахов.– М.: Культурная революция, 2009. – 392 с.
270. ABBYY Lingvo Online. – URL: <https://www.lingvolive.com/ru-ru> (дата обращения 01.12.2017).
271. Collins Dict. Online © Collins Publishers. – URL: <http://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения 01.12.2017).
272. Dictionary.com Unabridged. Based on the Random House Dictionary, © Random House, Inc. 2015. – URL: <http://www.dictionary.com/> (дата обращения 01.12.2017).
273. Macmillan Dict. © Macmillan Publishers Limited 2009–2016. – URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения 01.12.2017).
274. Oxford dictionaries Online. © Oxford University Press. – URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения 01.12.2017).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1

Общая характеристика изученного материала

Таблица № 1

Количество метатекстов (вступлений и предисловий/послесловий,
представленных непосредственно до или после перевода основного текста)
по годам публикаций (в единицах метатекста)

Год издания	Проза		Поэзия	Переперевод	
	Художеств.	Документ.		Проза	Поэзия
2015	1	2	4	-	2
2014	4	4	-	-	1
2013	-	5	1	-	-
2012	-	4	-	-	2
2011	1	2	6	-	-
2010	3	2	2	-	-
2009	3	6	2	-	-
2008	5	1	2	-	-
2007	4	4	4	-	-
2006	3	2	5	-	-
2005	3	-	5	-	-
2004	4	3	1	-	-
2003	2	5	4	-	-
2002	3	2	3	-	-
2001	2	-	4	-	-
2000	2	1	3	-	-
1999	3	1	2	-	-
1998	5	2	5	-	-
1997	5	-	2	-	-
1996	3	2	2	-	-
1995	1		1	-	-
1994	2	1	2	-	-
1993	1	1	2	-	-
1992	2	2	3	-	-
1991	3	3	2	-	-
1990	4	1	4	-	-
Итого:	69	56	75	-	5

**Количество метатекстов вступительных и заключительных статей
по годам публикаций (в единицах метатекста)**

	Критическая статья					
	Вступительная			Заключительная		
	Проза		Поэзия	Проза		Поэзия
	Худож.	Док.		Худож.	Док.	
2015	1		2			
2014			1			
2013		2				
2012						
2011						
2010	1					
2009	1					
2008	1					
2007						
2006	2		1			
2005						
2004						
2003				1		
2002	1			1		
2001						
2000	1					
1999				1	1	
1998	2	1		3	1	
1997						
1996	2			2		
1995						
1994						
1993						
1992						
1991						
Итого:	12	3	4	8	2	

Глоссарий ключевых терминов

аппроксимация текста оригинала	<i>approximation</i> [G. Lathey, 2006] Коммуникативный акт, соотносимый с текстом оригинала, нацеленный на изучение текста оригинала, прогнозирование и элиминирование его сложности в принимающей культуре. Предваряет рецепцию текста перевода. Прогнозирует создание метатекста [Пластинина, 2016].
ассимиляция текста перевода	<i>assimilation</i> [G. Lathey, 2006] Коммуникативный акт, соотносимый с текстом перевода и направленный на медиацию между автором и читателем посредством переводчика, осознающего необходимость создания метатекста для управления пониманием потенциального читателя. Предваряет создание метатекста. Обеспечивает условия сближения перевода художественного произведения с чуждой ему культурой [Пластинина, 2016].
дискурс	1. Конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном, когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве. 2. Коммуникативное событие как интегративная совокупность определенных актов, результатом которого является содержательно-тематическая общность многих текстов [Чернявская, 2014].
кванты смысла	Единицы смысла, обладающие, с одной стороны, многомерностью, многоплановостью, многозначностью, с другой стороны, неразложимостью, неделимостью [Котюрова, 2010].
метадискурс	Производное от <i>дискурс</i> Коммуникативное событие, интегративная совокупность аппроксимации текста оригинала, рецепции и ассимиляции текста перевода принимающей культурой [Кушнина, Пластинина, 2015].
метаперевод	Производное от <i>перевод</i> 1. Междисциплинарный предмет, отрасль переводоведения, содержащая элементы как гуманитарных, так и социальных наук. Занимается систематическим изучением метаязыковой деятельности переводчика и метатекста, а также описанием и вопросами прикладного применения различных аспектов перевода и метатекста. 2. Метатекст как результат метадискурсивной деятельности переводчика. Синоним: <i>параперевод</i>

метатекст	<p>Производное от <i>текст</i></p> <p>1. Вторичный текст, созданный по поводу другого текста и возникший вследствие реакции на него, текстовый элемент второго порядка, выполняющий служебные функции по отношению к некоему первичному тексту – вербализованный результат познания исходного текста [Кашкин, 2008, Остапенко, 2014].</p> <p>2. Периферийный текст (предтекст, интертекст, послетекст и затекст), продукт метадискурсивной деятельности переводчика, возникающий до, в процессе и после завершения перевода текста с одного языка на другой (предисловия, комментарии, послесловия, эпилоги, посвящения, иллюстрации, интервью и т.д.) и связанный с исходным текстом [Кушнина, Пластинина, 2015].</p> <p>Синоним: <i>паратекст</i></p>
ноохронотоп	<p>Производное от <i>хронотоп</i>.</p> <p>Единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение определенного (<i>культурного, худож.</i>) смысла. Н. обладает духовными параметрами, специфичность которых зависит от некоторой ментальной точки зрения, от менталитета интерпретатора [Марова, 2006].</p>
параперевод	<p>Производное от <i>перевод</i>.</p> <p>1. Paratranslation approaches and analyses the impact of the aesthetic, political, ideological, cultural and social manipulations regarding both texts and paratexts at play in all the paratextual productions situated in and out of the margins of any translation. [Yuste Frías 2010, Translation and Paratranslation (T&P) the University of Vigo]</p> <p>Междисциплинарный предмет, отрасль переводоведения, содержащая элементы как гуманитарных, так и социальных наук. Занимается систематическим изучением теории устного и письменного паратекста, а также описанием и вопросами прикладного применения различных аспектов перевода и паратекста [Пластинина, 2015].</p> <p>2. A symbolic reference to the physical or virtual space occupied by all the professional translators who face a translating assignment with the knowledge that the quality of the final product depends on their taking the appropriate decisions regarding both texts and paratexts and all the possible productions that surround, wrap, accompany, extend, introduce and present a translation [Yuste Frías 2010].</p> <p>Термин, отражающий единство временных и пространственных параметров и связей, в которых находится как переводчик, осознающий ответственность за переводимый текст как результат принятых им</p>

	<p>решений касательно текста и паратекста, так и все виды паратекста, которые окружают, сопровождают, расширяют, вводят и представляют перевод [Пластинина, 2015].</p> <p>3. A symbolic reference to any kind of productions that surround, wrap, accompany, extend, introduce and present a translation [Yuste Frías 2010].</p> <p>Термин, обозначающий все виды паратекста, которые окружают, сопровождают, расширяют, вводят и представляют перевод [Пластинина, 2015]</p> <p>Синоним: <i>Метанеперевод</i></p>
паратекст	<p>Производное от <i>текст</i></p> <p>Paratext – accompanying productions, which vary in extent and appearance (a certain number of verbal or other productions, such as an author's name, a title, a preface, illustrations) belonging to the text, surrounding and extending it in order to <i>present</i> the text in the form of a book [Genette, 1997]</p> <p>Сопутствующие тексты/произведения (в вербальной или другой форме: имя автора, название, предисловие, иллюстрации и др.), связанные с основным текстом, окружающие и расширяющие его с целью представить текст в форме книги (Перевод наш. – Н.П.).</p> <p>Синоним: <i>метатекст</i></p>
переводческий ноохронотоп	<p>Производное от <i>ноохронотоп</i></p> <p>Единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение определенного (<i>культурного, худож.</i>) смысла. ПН. обладает духовными параметрами, специфичность которых зависит от некоторой ментальной точки зрения, от менталитета интерпретатора. Используется для обозначения совокупного рассмотрения темпоральных, пространственных смыслов и точки зрения интерпретатора в условиях переводческого метадискурса [Пластинина, 2013-2016].</p>
переводческий хронотоп	<p>Производное от <i>хронотоп</i></p> <p>Характеристика времени-пространства как процесса, которая приводит к порождению уникального текста перевода как результата. Используется для обозначения совокупного рассмотрения темпоральных и пространственных смыслов в условиях переводческого дискурса и обусловлена отражением в тексте и дискурсе смыслообразующих функций пространства и времени и осмыслением переводческой картины мира [Кушникова, 2009].</p>
переводческое время	<p>Система взаимодействующих в переводческом пространстве темпоральных смыслов, обусловленная различным восприятием времени субъектами переводческой коммуникации, трансляция которых требует</p>

	поиска адаптивных стратегий, направленных на их гармонизацию в переводческом пространстве [Кушнина, 2009]
переводческое предисловие/ послесловие	Предтекстовая/ затекстовая метатекстовая статья комментирующего характера, созданная переводчиком с целью сообщить получателю сведения, необходимые для лучшего понимания текста [Кашкин, 2008].
переводческое пространство	Открытая динамическая саморазвивающаяся система, как результат взаимодействия гетерогенных полей – компонентов переводческого пространства [Кушнина, 2004].
рецепция текста перевода	<i>reception</i> [G. Lathey, 2006] Коммуникативный акт, соотносимый с текстом перевода, нацеленный на воссоздание текста оригинала в принимающей культуре посредством создания текста перевода по форме и содержанию оптимальным для восприятия потенциальным читателем. Предваряет ассимиляцию текста перевода. Прогнозирует создание метатекста [Пластинина, 2016].
символическая ценность перевода	<i>valeur symbolique de la traduction</i> [Bilodeau, 2009] 1. Условная номинальная ценность переведенного произведения для представителей инокультурного социума, реализуемая в переводческом метатексте. 2. Абстрактный конструкт, принадлежащий языковой личности переводчика и объединяющий все компоненты метадискурсивной деятельности, т.е. ее лингвокогнитивный механизм [Пластинина, 2015].
синергетическая модель перевода	Система транспонирования эксплицитных и имплицитных смыслов в ситуации синергетического взаимовлияния полей переводческого пространства, что приводит к порождению уникального текста перевода, который гармонично вписывается в принимающую культуру [Кушнина: 2009].
текст	1. Объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность. [Гальперин, 2006]. 2. Результат ментальных процедур по получению, обработке, репрезентации и хранения человеческого знания [Чернявская, 2014].
хронотоп	Единство пространственных и временных параметров, направленное на выражение определенного (<i>культурного, худож.</i>) смысла [Бахтин, 1974].
языковая личность	Совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов) которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью [Караулов, 1987]

языковая личность переводчика	Многоаспектный феномен, опосредованный как характеристиками межкультурного общения, так и личностными факторами. Носитель национально-детерминированного языкового сознания обладающий высоким уровнем корреляции контактирующих в процессе национальных языковых картин мира [Бушев, 2010, Тарнаева, 2008, 2011]
элитарная языковая личность переводчика	Идеальный носитель элитарной билингвальной речевой культуры. Характеризуется максимально полным знанием языковой системы, умеет разграничивать разные формы речи и ситуации общения, обладает максимальной переводческой компетенцией и этической субкомпетенцией [Кушнина, Силантьева: 2010].